

HAL
open science

ЛАНДШАФТЫ ПАМЯТИ В (ПОСТ)ЮГОСЛАВИИ

Milica Popovic, Natalija Majsova

► **To cite this version:**

Milica Popovic, Natalija Majsova. ЛАНДШАФТЫ ПАМЯТИ В (ПОСТ)ЮГОСЛАВИИ. The Historical Expertise, 2020/4 (25), pp.151, 2021. <hal-03386610>

HAL Id: hal-03386610

<https://sciencespo.hal.science/hal-03386610v1>

Submitted on 19 Oct 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Distributed under a Creative Commons Attribution - NonCommercial - NoDerivatives 4.0 International License

ЛАНДШАФТЫ ПАМЯТИ В (ПОСТ)ЮГОСЛАВИИ

Редакторы раздела — Милица Попович (Центр международных исследований Института политологии (Париж) и Университет Любляны) и Наталия Майсова, д.н. (Университет Любляны).

Государство Югославия существовало дважды — как монархия и как социалистическая республика. В регионе переплелись различные исторические и религиозные традиции и государственные режимы — это породило множество несходных политических образований и, соответственно, множество политических и национальных/этнических идентичностей. В период социализма в Югославии была осуществлена радикальная модернизация, приведшая к беспрецедентному развитию страны. Распад социалистической республики, начался в ходе кризиса 1980-х и продолжился во время войн 1990-х. В январе 1992 г. Социалистическая Федеративная Республика Югославия прекратила существовать. Гибель югославского государства не означает, что юго-

славская идея или югославская память окончательно исчезли. В эпоху, отмеченную «политическим злоупотреблением властью и в величайшей степени несправедливыми процессами приватизации» (Dolenec 2013: 7), каждое из семи государственных образований (Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Словения, Хорватия, Черногория и Косово¹), возникших на обломках Югославии, обнаруживает особый ландшафт памяти, изобилующий внутренними сражениями, в ходе которых позиции сторон иногда сближаются, а иногда расходятся, в результате чего ткется сложная сеть внутриюгославской памяти.

Согласно наблюдению Кэтрин Бэйкер о том, что «национализм был

¹ Все ссылки на Косово во всех материалах подборки «Ландшафты памяти в (Пост)Югославии» (с. 59–209), будь то территория, институты или население, должны пониматься в полном согласии с резолюцией Совета безопасности Организации Объединенных Наций № 1244, без предвзятых мнений относительно статуса Косово. Необходимо напомнить, что в составе Социалистической Федеративной Республики Югославия Косово имело статус автономного края, в то время когда шесть других государств имели статус республик.

инструментом, а не причиной» (Baker 2015: 129), (пост)югославская память продолжает вести диалог, преодолевая границы (пост)югославских государств. Хотя в этой серии интервью авторы исходят из перспективы отдельных республик, это ни в коем случае не означает нашего согласия с тем, что (пост)

югославская память больше не работает в качестве одного из «узлов памяти» (*œuds de mémoire*, Rothberg 2009) и не производит новые солидарности, а также новые возможности для мысли и действия.

М. П. и Н. М.

1. РЕСПУБЛИКА СЕРБИЯ.

«РАБОТЫ МАЛОЧИСЛЕННОЙ ГРУППЫ ИСТОРИКОВ-РЕВИЗИОНИСТОВ ПОЛУЧАЮТ ОГРОМНЫЙ РЕЗОНАНС В МЕДИА, ПОСКОЛЬКУ ОНИ ВЫСТУПАЮТ АГЕНТАМИ САНКЦИОНИРОВАННОЙ ГОСУДАРСТВОМ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ».

Интервью с Е. Джурейнович

Ключевые слова: политики памяти, антикоммунизм, ревизионизм, движение четников.

Аннотация. В Сербии 2000-е гг. отмечены подъемом ревизионистской политики памяти. Она подпитывается нарративами Европейского союза, которые уравнивают фашизм и коммунизм, что позволяет реабилитировать движение четников. В своем интервью профессор Елена Джурейнович разоблачает мифы, вокруг которых в публичном пространстве Сербии ведутся войны памяти, и анализирует несовместимые нарративы памяти своей страны и всего (пост)югославского региона. Джурейнович показывает, как этнизация и ревизионизм памяти отражаются в недавно оформленных юридических рамках, судебных процессах, господствующих политических дискурсах и в других аспектах политики памяти, продвигаемых политическими элитами, включая Сербскую православную церковь. В то время как войны памяти в Сербии сосредоточены на Второй мировой войне, гораздо более насущные вопросы, в том числе примирение сторон, противостоявших в войнах 1990-х, скрываются в тени.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-61-76

После того как режим Слободана Милошевича пал в 2000 г. в результате «мирной революции», Республика Сербия рассматривается как *переходная* демократическая страна. К сожалению, этот нескончаемый пе-

реход, по-видимому, является одной из немногих устойчивых характеристик страны. Демократия, напротив, представляется скоропреходящей возможностью улучшить качество жизни, даже после закрытия 98%

государственных промышленных предприятий, в результате чего почти миллион человек остался без работы (Obradović 2017: 11). Сегодня страна находится в сложной ситуации, где авторитарное правление сочетается с долгим и неуверенным движением в сторону присоединения к Европейскому союзу, а состояние экономики приводит к разрушительной по размерам эмиграции и страшной нищете населения, остающегося в стране.

Политические элиты продолжают поддерживать свои ревизионистские дискурсы, на которых базируется императив национального строительства, порожденного распадом Югославии. Дискурс «примирения» (reconciliation) внутри этнических общностей погружен в миф о братоубийственной войне, которая описывается как превосходящая масштабами геноцид нацистов в годы Второй мировой войны и тем самым противостоит югославской памяти социалистического времени о «братстве и единстве».

Ревизионизм как официальная политика государственной памяти проявляется повсеместно, он влечет изменения названий улиц, переделку нарративов в учебниках и перемены законодательства. В 2004 г. Сербский парламент принял закон, согласно которому партизаны и четники получили равные права ветеранов Второй мировой войны (Govedarica 2013: 174). Следующим шагом этой ревизионистской политики в сфере законодательства стал Закон о реабилитации, принятый в 2006 г. По этому закону «реабилитации подлежат лица, которые без судебного или административного решения

или согласно судебному или административному решению были казнены, лишены свободы или других прав по политическим или идеологическим причинам с 6 апреля 1941 по сегодняшний день и проживали на территории Республики Сербия» (Službeni glasnik 33/06). В 2009 г. правительство Республики Сербия учредило две государственных комиссии по «пересмотру исторических событий», которые имели место в Сербии во время и сразу после Второй мировой войны (Govedarica 2013: 177). Памятники четникам воздвигнуты по всей Сербии (Ivanjica 2003, Lapovo 2006, Subjela kod Kosjerića 2008). Очевидно, что эти действия не проистекают из единственного желания осудить все преступления и репрессии режима в период социалистической Югославии. Проблема состоит в том, что за исключением нескольких строго научных исследований (см.: Radanović 2014; 2015/2016), большинство обращений к этой теме исходит не из сбалансированной перспективы, а, напротив, с ревизионистской точки зрения на Вторую мировую войну.

Тем не менее перед визитом Дмитрия Медведева в Белград в 2009 г. по случаю 65-летия освобождения Белграда, муниципалитет привел в порядок Партизанское кладбище и памятник Освободителям Белграда, которые не ремонтировались с 1985 г. (Govedarica 2013: 189). К визиту также было приурочено переименование трех улиц в честь генерала В. Жданова, маршала Ф. Толбухина и Красной армии. Эти имена вновь вернулись в Белград, хотя на этот раз они были присвоены улицам на окраине Белграда (Ibid.: 191).

Известный историк Дубравка Стоянович объясняет развитие вышеупомянутого ревизионизма на примере сербских учебников истории, которые были впервые изменены в 1993/1994 г. (Stojanović 2010: 222) и с тех пор неоднократно подвергались правке. Во всех этих исправлениях, по мнению Стоянович, «антикоммунизм использовался как главное идеологическое оружие. Создается впечатление, что новые власти полагали, что это позволит им завоевать больше симпатий избирателей, между которыми существовал глубокий раскол. <...> Необходимо было скомпрометировать победу югославских коммунистов в войне, так как она являлась источником их последующей политической власти. Также было необходимо скомпрометировать успехи Тито по укреплению единой Югославии, в связи с тем, что новые сербские власти под руководством Милошевича основывали понятие государства на антиюгославизме» (Ibid.: 232).

Поскольку современные сербские партии с трудом различаются по признакам право-левого политического спектра, особенности с точки зрения их социально-экономических программ, в центре внимания оказываются битвы идентичности. В то же время неолиберальная экономическая политика, с одной стороны, и национализм — с другой, остаются для большинства политических партий двумя ключевыми направлениями движения сквозь (пост)югославское, в широком смысле, пространство. В условиях так называемой «ситуации посткоммунизма» (Buden 2012), политика памяти правящих элит приводит к «репрессивной инфантильности общества» (Ibid.: 41).

Это способ не просто стереть, но, более того, запретить гражданам вспоминать югославское прошлое.

Ревизионистская политика, как отмечает Джордж Минк, может иметь три цели: привести к общественному согласию, пересмотреть некоторые спорные аспекты истории или избежать ответственности, «заметая следы преступного прошлого» (Mink 2007: 15). Антиюгославская политика памяти в Сербии явно стремится скрыть правду о распаде Югославии и югославских войнах, обеспечивая законный статус прибылям, полученным политическими элитами в результате военных конфликтов. Поэтому любой югославизм оказывается в оппозиции к мифологии национального строительства и ставит под угрозу стирание следов преступлений военного прошлого.

Население как Сербии, так и всего постъюгославского региона борется за сохранение памяти о временах социалистической Югославии через коммерциализацию ностальгических воспоминаний и популярную культуру, которая описывается в медиа-дискурсах, прежде всего, как «югоностальгия». Югоностальгия все еще обладает значительным политическим потенциалом, в качестве легитимного запроса населения на серьезное осмысление прошлого, пересмотр истории Югославии и, напротив, противодействие переписыванию жизненного пути некогда югославских граждан. Ностальгические нарративы памяти порождены запросами на противодействие национализму и стремление к социально-экономической справедливости. В настоящий момент они

не вызывают заметного резонанса в политическом пространстве. Тем не менее они формируют югославскую идентичность и общее югославское пространство, не требуя воссоздания единой югославской нации и югославского государства.

В нижеследующем интервью Елена Джурейнович представляет свой взгляд на вышеуказанные проблемы. Она является историком и координатором программ Центра гуманитарного права в Белграде. Профессор Джурейнович защитила докторскую диссертацию по истории в Гисенском университете имени Юстуса Либиха (Германия), где

преподавала историю Восточной Европы (2016–2019). В центре ее научных интересов исследования памяти, исследования национализма, история Югославии и постъюгославского пространства. Ее публикации посвящены теме политики европейской идентичности и политики памяти, мемориальным законам, дискурсам жертв в коммунистический период и взаимодействию культур памяти Сербии и Хорватии. Профессор Джурейнович является автором книги: *The Politics of Memory of the Second World War in Contemporary Serbia: Collaboration, Resistance and Retribution*. Routledge, 2019.

Беседовала Милица Попович. Париж — Белград, 01.02.2020.

М. П. В прошлом году в издательстве Рутледж вышла ваша монография, посвященная ревизионистской политике памяти в Сербии и движению четников. Могли бы вы кратко охарактеризовать это движение?

Е. Д. Югославская армия на родине — больше известная как движение четников — была армией сторонников королевской власти, которую возглавлял Драголюб (Дража) Михайлович. Движение четников носило крайне противоречивый характер. Эта амбивалентность создает возможность для самых разных современных интерпретаций данного феномена. Официально до 1943 г. четники находились на стороне союзников и представляли королевское правительство Югославии в изгнании. В то же время они сотрудничали почти со всеми оккупационными силами и совершали преступления

против гражданского населения. Движением сопротивления их можно считать только применительно к первым месяцам Второй мировой войны в Югославии в 1941 г. Уже осенью того же года они вступили в конфликт с партизанами, возглавляемыми коммунистами. Большую часть своих усилий четники бросили на борьбу с партизанами, против оккупантов они действовали чрезвычайно пассивно и выступали их противниками лишь номинально. Союзники отказались их поддерживать и приняли сторону партизан, и войну четники закончили в рядах проигравших. Их лидер Михайлович был приговорен к смерти и казнен в 1946 г.

М. П. Каким образом реабилитация четников соотносится с современной политикой памяти в Сербии, и как вы объясняете переплетение этих процессов? Насколько реа-

билитация четников соответствует антикоммунистической идеологии правящих элит?

Е. Д. Четники становятся центральной темой официальной политики памяти в Сербии после смещения Слободана Милошевича в 2000 г. Позитивная интерпретация этого движения является частью процесса пересмотра событий Второй мировой войны, которая стала местом рождения и источником легитимации социалистической Югославии. Политические и военные силы, потерпевшие поражение во Второй мировой войне, вспоминались в положительном смысле и прежде, однако после 2000 г. такие нарративы начинают господствовать при поддержке антикоммунистического консенсуса политических элит. Четники возникли как идеальная историческая отсылка, поскольку из них можно сконструировать как антифашистскую силу, равную партизанам, так и невинных жертв коммунизма. Реабилитируя их, сербская нация-государство создает почтенное наследие антикоммунистического и одновременно националистического движения сопротивления. Для этого те стороны движения четников, которые не благоприятствуют конструированию националистического нарратива: коллаборационизм, военные преступления и тот факт, что в 1945 г. они оказались в лагере проигравших, — необходимо либо отрицать, либо оправдывать. Четники и Драголюб Михайлович не только занимают центральное место в официальной политике памяти Сербии, но эта антикоммунистическая память действует на всех уровнях — от малых групп до общенациональных институций.

Период после прихода к власти Сербской прогрессивной партии в 2012 г. характеризуется «этнизацией» истории и памяти в противоположность яростному антикоммунизму, отличавшему первые годы после свержения Милошевича. К сожалению, взгляд через линзы этнонационализма столь же ограничен, как и антикоммунизм. Применительно к памяти о Второй мировой войне нынешний этнически ориентированный подход позитивно воспринимает партизан, лишая их собственной идеологии и общегославского масштаба их деятельности, празднуя их победу как победу только сербской армии. В то же время главные политические силы не отделяют себя от четников, реабилитацию которых они полностью поддерживали еще до 2012 г.

М. П. **Пристальный взгляд на основные события политики памяти в Сербии с 2000 г. не позволяет игнорировать важные структурные изменения. Прежде всего, парламент одобрил и создал юридическую рамку для ревизионистской политики памяти, о которой вы только что говорили. Эта рамка жестко критиковалась не только за ее направленность против антифашистского движения, но также за расплывчатость юридических терминов и интерпретаций. К каким последствиям это может привести?**

Е. Д. Законодательство играет роль важного инструмента политики памяти, санкционированной государством в постсоциалистической Сербии. Огромное значение для памяти о Второй мировой войне и социалистической Югославии имели

принятые в 2004 г. изменения Закона о правах ветеранов, а также законы, создавшие возможности для реабилитации жертв политических репрессий и насилия. Эти законы преследуют ограниченные и четко определенные практические цели — регулирование прав ветеранов, предоставление материальных пособий и процедуру юридической реабилитации жертв. Формально эти законы не ограничивают интерпретацию исторических событий, как это делают мемориальные законы. Однако они являются существенной составляющей политики памяти в Сербии и не только отражают, но и продвигают господствующий дискурс. Закон о ветеранах признает четников участниками антифашистского движения, в то же время законы о реабилитации порождают односторонние судебные процессы, которые в глазах широкой публики демонизируют партизан и изображают режим социалистической Югославии как преступный. Эти законы служат положительному пересмотру деятельности политических и военных сил, потерпевших поражение во Второй мировой войне.

Сербские законы, комиссии по установлению фактов и другие институциональные усилия являются примечательным примером псевдопереходной юстиции, которая сосредоточена на эпохе коммунизма и пренебрегает войнами 1990-х, хотя последние являются той частью прошлого, которая требует неотложной реакции. Институциональные и юридические механизмы, которые официально должны помогать жертвам коммунизма и предоставлять им компенсации, в реальности становятся инструментами криминализации и делегити-

мации Народной освободительной войны и социалистической Югославии. Пересматривая историю Второй мировой войны и социалистической Югославии, они одновременно конструируют новых жертв и новых насильников. Обсуждение статуса жертвы и все усилия фальшивой переходной юстиции вращаются вокруг проигравших во Второй мировой войне. Четники занимают ведущую позицию в нынешней иерархии жертв коммунизма, позволяющую требовать признания того, что в далеком прошлом их права были нарушены. Создана специальная государственная комиссия, расследующая обстоятельства смерти и место захоронения командира четников Драголюбa Михайловича. Ее деятельность — очевидный пример злоупотребления механизмами переходной юстиции и дискурсами прав человека.

М. П. Существуют ли в Сербии другие не ревизионистские интерпретации Второй мировой войны, продвигаемые влиятельными медиа, политическими элитами и академическими сообществами, или антиревизионизм занимает маргинальное положение?

Е. Д. Политика реабилитации движения четников и общей ревизии Второй мировой войны привычно рассматривается как в высшей степени одномерное явление. На самом деле различные интерпретации Второй мировой войны и ее акторов встречаются даже внутри господствующего дискурса, внутри общего антикоммунистического консенсуса. Антифашизм, антикоммунизм и статус жертвы составляют позитивное ядро образа четников. Этот образ

господствует, но он не однороден. Мои исследования показывают, что в игре памяти участвуют несколько образов Драголюбa Михайловича и движения четников. Размежевание сил, продвигающих четников, вызвано современным контекстом, в частности войнами 1990-х, которые привели к расколу в рядах сообщества памяти четников. Кроме того, это связано с двойственной природой четников, которая способствует возникновению различных интерпретаций. Образы четников столь же разнообразны, как и силы, которые их продвигают, — от четников как югославских демократов, которые с почтением смотрели на западные демократии, до убежденных сторонников планов по созданию этнически однородной Сербии — эти интерпретации переплелись в ходе войн 1990-х.

Интервью и этнографические исследования, на которых я основываюсь, преимущественно направлены на изучение антикоммунистических сообществ памяти Сербии. В действительности оппозиция историческому ревизионизму, который поддерживается государством, существует и принимает разные формы, обычно она стоит на либеральных и левых позициях. Однако она занимает маргинальное положение в публичной сфере, в том числе в сфере дозволенной государством антикоммунистической памяти. Например, существует множество телевизионных программ, посвященных четникам или коммунистическим преступлениям, но ни один из недавних фильмов не рассматривает господствующий дискурс с критической точки зрения или подходит к четникам посредством контргегемонистского нарратива. То же са-

мое происходит с музеями, имеющими общественное финансирование, и другими публичными репрезентациями истории. В ходе исследования я временами затрагиваю негативные реакции и критику официальной политики памяти. Тем не менее я сосредоточена на господствующих дискурсах и том, как они резонируют с разными уровнями памяти. Нельзя сказать, что критические голоса маргинальны в количественном смысле. Если взять сербскую историографию, то ревизионистов, которые сыграли решающую роль в политике памяти после 2000 г., насчитывается менее пяти человек. Однако их работы получают огромный резонанс в медиа, поскольку они выступают агентами санкционированной государством политики памяти. В противоположность им я бы упомянула научные работы и публичные выступления таких историков, как Миливой Бешлин, Ольга Манойлович Пинтар, Срджан Милошевич, Милан Раданович и Дубравка Стоянович, которые пропагандируют критический взгляд, позволяющий деконструировать господствующие дискурсы о Второй мировой войне и социалистическом государстве.

М. П. Как вы воспринимаете ревизионистскую политику памяти Сербии в свете усилий страны вступить в Европейский союз, и с учетом того факта, что европейская политика памяти часто преследует цель уравнивать коммунизм с нацизмом посредством принимаемых деклараций и заявлений?

Е. Д. Ревизионистская и антикоммунистическая политика памяти в Сербии в первое десятилетие после

смещения Милошевича отражала мнемонические усилия, которые адресовались Европейскому союзу и основывались на антитоталитарной парадигме, уравнивающей коммунизм и фашизм. Сербские политические элиты, а также агенты «низовой» памяти часто рассматривали разрыв с коммунистическим прошлым и его наследием как ключевое событие для долгожданного «возвращения в Европу», после того как Сербия на десятилетия попала в ловушку социализма. Политика памяти ЕС одобрительно относится к сербскому историческому ревизионизму. Эта поддержка выступает оправданием для политических сил, историков и различных антикоммунистических активистов снизу, продвигающих ревизионистские нарративы. Нарратив антифашистских основ Европейского союза — является другим тропом в дискуссиях по поводу Второй мировой войны. Значительная часть общественных сил, продвигающих память четников, интерпретируют их как проевропейское и антифашистское движение, доказывая, что их реабилитация является составной частью вступления Сербии в ЕС. Как антитоталитарные антифашисты четники являются идеальными предками сербской нации-государства и отличными попутчиками Сербии на ее пути к членству в Евросоюзе. Парадоксальным образом либеральная оппозиция официальной политике памяти, которая также исходит из идеи антифашистских корней ЕС, напротив, предостерегает от прославления четников, представляющего угрозу для членства Сербии в ЕС. Эти столкновения мнений вышли на поверхность в процессе юридической реабилитации Драголюб

Михайловича, когда либеральные организации гражданского общества объединились для ряда обращений к ЕС и мировому сообществу. Поэтому дискурсы европейской идентичности могут иметь разные значения и по-разному соотноситься с политической памятью.

М. П. Что бы вы назвали сербской спецификой политики памяти в сравнении с другими странами (пост)югославского пространства? Какова специфическая роль Сербской православной церкви в формировании ведущих нарративов памяти?

Е. Д. Распад Югославии шел рука об руку с фрагментацией ее культуры памяти на раздираемые распрями национальные памяти. Политики памяти во всех постъюгославских странах во многом схожи. Антикоммунизм выступает общей региональной тенденцией, и все страны, возникшие на обломках Югославии, непреклонно стремятся избавиться от югославских идентичностей. Динамика политики памяти в Сербии во многом соотносится с Хорватией. В обеих странах существуют сходные образцы политики памяти. Вторая мировая война выступает центральной темой дискуссий и основным объектом исторической ревизии. Я уже говорила, что причина этого состоит в том, что война была главным источником легитимации социалистической Югославии, поэтому ревизия важна для делегитимации социалистического наследия. Война рассматривается не только через националистические линзы, но также через призму ее заключительного периода: послевоенное вознагражде-

ние партизан, сведение ими счетов со своими врагами и репрессии, последовавшие в процессе упрочения режима. Перспектива «преступлений освободителей» является господствующим тропом и в Сербии, и в Хорватии. При таком взгляде 1945 г. превращается из года освобождения от оккупантов в момент поражения нации. Антифашизм становится негативным понятием через его уравнение с коммунизмом из-за того, что Коммунистическая партия Югославии играла ведущую роль в партизанском движении.

Политическая и юридическая реабилитация политических и военных сил, потерпевших поражение во Второй мировой войне, происходит как в Сербии, так и в Хорватии. В случае Хорватии — это движение усташей и Независимое государство Хорватия. Сербские ревизионисты сосредотачиваются на конструировании четников как антифашистского движения, в то же время они занимаются релятивизацией коллаборационистского характера и преступной природы режима Милана Недича в оккупированной Сербии. Военные преступления, коллаборационизм и соучастие в Холокосте оправдываются и обеляются. Так как многие из потерпевших поражение бежали за рубеж в конце войны, а те, кто остался в Югославии, подверглись различным карам, то постсоциалистическая ревизия относит их к жертвам коммунизма, превращая тем самым в преступников партизанское движение и социалистическую Югославию.

Поэтому политика памяти в Хорватии и Сербии является антикомму-

нистической и ведет к консенсусу, согласно которому осуждаются казни и процессы, осуществленные в годы войны партизанами и в послевоенное время государственными властями. Такая политика памяти нацелена на политическую и юридическую реабилитацию жертв, вне зависимости от характера их деятельности в военное время. При таком подходе эти жертвы рассматриваются как невинные жертвы насилия, политических репрессий, а также идеологически обусловленных послевоенных процессов. Однако было бы ошибкой считать, что на этом основании между агентами памяти двух стран может возникнуть что-то вроде солидарности или согласия, поскольку их нарративы взаимно исключают друг друга и основаны на «конкуренции жертв». Процессы юридической реабилитации архиепископа Алоизие Степинаца в Хорватии в 2016 г. и Драголюбa Михайловича в Сербии в 2015 г. вызвали яркие реакции, которые подтверждают такое понимание. Решения одного и того же югославского коммунистического суда в отношении Степинаца рассматриваются сербской общественностью как юридически обоснованные и объективные, а в отношении Михайловича — как идеологически мотивированные. В Хорватии, естественно, оба эти случая оцениваются противоположным образом. Другим моментом динамики памяти Сербии и Хорватии является конструирование своей идентичности через образ «другого» и взаимное злорадство (*gloating*), как недавно определила это явление Дора Комненович. Злорадство является решающим моментом мнемонической динамики между Сербией и Хорватией, особенно

в отношении памяти о Второй мировой войне. Другая сторона объявляется более преступной в прошлом и более ревизионистской в настоящем. На этом строится ядро исторических дебатов между двумя странами.

Кроме специфической природы движения четников, специфика политики памяти Сербии в постъюгославском контексте относится к оценке событий 1990-х: сути режима Слободана Милошевича, его оппозиции и наследия этого десятилетия в период после смещения Милошевича. В 1990-е идеология режима и политика памяти носили двойственный характер. Государственные акторы не хотели дистанцироваться от так называемого мифа партизанского движения и выступали в роли хранителей наследия Народной освободительной войны. В то же время значительная часть политической оппозиции приступила к коммеморации политических и военных сил, потерпевших поражение во Второй мировой войне, и тех, кого они рассматривали в качестве жертв коммунизма. Режим Милошевича официально не признал эти коммеморации, но и не препятствовал им в сколь-нибудь существенной мере, особенно после того как эти церемонии стали все более соответствовать атмосфере расширяющегося сербского национализма. Когда, после падения Милошевича, к власти пришла разнородная демократическая коалиция, контрнарратив 1990-х стал официальным нарративом. Политические элиты, объединенные антикоммунизмом и интерпретацией эры Милошевича как продолжения коммунистического режима, получили шанс объявить себя освободи-

телями Сербии от коммунизма. Антикоммунизм был общим признаком всех оппозиционных партий, которые возникли в 1990-е гг., и он был внесен в первые партийные манифесты, наряду с общей целью лишить Милошевича власти. Когда эти силы пришли к власти, антикоммунизм стал государственной политикой не только в сфере памяти, но и в других сферах, включая экономику, образование и здравоохранение.

Сербская православная церковь является ключевым агентом работы антикоммунистической памяти. Она выступила в этой роли еще в начале 1990-х, когда религиозные памятные службы по жертвам коммунизма, включая четников, стали общей коммеморативной практикой антикоммунистического сообщества памяти Сербии. Эта же тенденция продолжилась и после 2000 г. Церковная поддержка антикоммунистической памяти происходит в нескольких, обычно параллельных формах: священники, включая высших иерархов, посещают коммеморации, там они проводят церковные службы в память погибших или благословляют мемориалы. Кроме того, церковь предоставляет место для мемориалов и памятных знаков. В связи с этим большинство мемориалов жертвам коммунистических репрессий расположены в церковных дворах или на кладбищах. Все мемориалы проигравшим во Второй мировой войне и тем, кого причисляют к жертвам коммунистических репрессий, были благословлены церковью, включая широко известную статую Драголюбa Михайловича в Равна-Гора, установленную в 1992 г. Многие мемориалы включают религиозные

символы и надписи. Крест является обычной формой мемориала жертвам коммунизма и павшим четникам. Для Сербской православной церкви поминание жертв коммунизма, включая тех, кто потерпел поражение во Второй мировой войне, предоставляет возможность подчеркнуть свой статус жертвы в годы коммунизма и включить себя в более широкий нарратив жертвенного положения всей сербской нации в годы коммунизма. Все эти коммеморации немислимы без участия Сербской православной церкви.

Роль церкви не ограничивается работой антикоммунистической памяти, она также играет ключевую роль в памяти о сербских жертвах Второй мировой войны и войн 1990-х. Сербская православная церковь является могущественным игроком политики памяти, и в этом статусе ее роль возрастает с 1990-х. Патриарх и высшие иерархи поддерживают государственную политику памяти и обычно поддерживают господствующий нарратив сербского этнонационализма. Например, патриарх Ириней ежегодно выступает на масштабной коммеморации операции «Шторм» (1995), когда хорватские войска вернули контроль над 20% своей территории, которая удерживалась Сербией с 1991 г. Это привело к сотням жертв и бегству из Хорватии примерно 200 тысяч сербов. В речах Ириней постоянно подчеркивается принесение сербской нации в жертву на протяжении всего XX в. и проводится сравнение ее страданий с Холокостом.

М. П. Существуют ли нарративы памяти о временах Османского владычества, которые вы могли бы оха-

актеризовать с точки зрения долгосрочной исторической перспективы как сохраняющие актуальность и/или релевантность?

Е. Д. Память об Оттоманском владычестве питает нарратив о вечной жертвенности и героизме сербской нации. Он играл особенно важную роль в 1990-е. В это время учебники начальной школы начали описывать *девширме* — практику оттоманов забирать мальчиков из христианских семей в Стамбул. Дети и молодые люди изучают поэмы о гайдуках и сербских героях, подвергнутых пыткам, но не выдавших оттоманам никаких секретов. У меня в памяти до сих пор сохранилась картинка из учебника начальной школы, где женщина рыдает на коленях, в то время как оттоманский солдат уезжает верхом и по бокам его коня приторочены две корзины, набитые мальчиками. Когда я впервые читала исторические работы об Оттоманской империи, я была поражена, как мало мы получили знания о ней в процессе школьного обучения.

М. П. Гаврила Принцип — герой или сербский террорист, ответственный за Первую мировую войну? Личность Принципа описывается весьма небрежно, и в связи с потоком юбилейных публикаций к столетию Первой мировой войны ситуация в европейской историографии лишь ухудшилась. Какое место Принцип занимает в публичном дискурсе Сербии? Как воспринимается и представляется его югославизм?

Е. Д. Покушение Принципа и его товарищей-заговорщиков на эрцгерцога Франца Фердинанда никогда

не рассматривалось в Сербии отрицательно. Начиная с межвоенного периода он считался национальным героем. В то же время существовали разные интерпретации его личности, а также смысла и значения его покушения. В современной Сербии Принцип почитается в качестве сербского национального героя, но не в качестве ответственного за начало войны, поскольку сербская память о Первой мировой войне базируется на нарративе героизма и жертвенности, согласно которому Сербия была принуждена к вступлению в войну. Коммеморация начала Первой мировой войны в Сербии и в Республике Сербской (часть Боснии и Герцеговины) сосредоточена на Принципе, при этом он сегодня считается сербским героем и его югославизм, так же как его политические взгляды, в отличие от времен социалистической Югославии, замалчиваются. Во время войн 1990-х Принцип был подвергнут этнизации и деполитизации. Современные политические элиты представляют его как национального героя, лишённого всех свойств, неприемлемых для нарратива сербской нации-государства.

М. П. В центре внимания вашей новой книги находится ближайшее прошлое 1990-х — распад социалистической Югославии и последовавшие затем войны. Как устроен сербский публичный дискурс о наследии войн 1990-х и роли сербов в военных преступлениях?

Е. Д. Коалиция политических партий, пришедшая к власти после смещения Слободана Милошевича в 2000 г., осудила его режим как коммунистический, но не отказалась

от сербского национализма 1990-х. Новые власти приложили много сил для преодоления коммунистического прошлого. Параллельно они, как уже было сказано, реабилитировали проигравших во Второй мировой войне. Но на дискурсивном, коммеморативном и институциональном уровнях ничего не делалось с памятью о войнах 1990-х и их жертвах, прежде всего о тех, кто стал жертвами насилия сербских вооружённых формирований. Тем не менее сербское правительство осуществило ряд явно недостаточных формальных и поверхностных действий в сфере переходной юстиции.

Период нахождения у власти Сербской прогрессивной партии (с 2012 г.) отмечен упадком демократии и ростом авторитаризма. Это привело к умножению ревизионистских нарративов о вооружённых конфликтах 1990-х на уровне государственной политики. Высшие правительственные чиновники используют войны 1990-х и связанные с ними коммеморации для того, чтобы провести черту между собой и предшествующими правительствами, обвиняя их в игнорировании и поругании памяти сербских жертв и героев. Государство прилагает огромные усилия к продвижению политики памяти, однако применительно к войнам 1990-х оно сосредоточивается на военных действиях в Хорватии, Боснии и Герцеговине и Косово, прославляя сербскую нацию и объявляя преступниками других. Политика памяти гибридного (сочетающего черты демократии и авторитаризма) режима, который установился в Сербии с 2012 г., отличается рядом характеристик. Во-пер-

вых, политические элиты, в отличие от своих непосредственных предшественников, обратились к масштабной коммеморации событий 1990-х, используя ее для усиления собственной легитимности и создания отчетливой идентичности, позволяющей отличить их от других постсоциалистических правительств. Во-вторых, ежегодные празднования идут рука об руку с нарастающей милитаризацией коммеморативных практик. Коммеморации обычно сопровождаются военными парадами и другими демонстрациями сербской военной мощи, чем подчеркивается героизм и сила сербской нации в прошлом и настоящем. В эти мероприятия включается прямое прославление роли сербских вооруженных сил в войнах 1990-х и почитание их как героев. В-третьих, есть новые практики поминания жертв, такие как ежегодная передвижная коммеморация операции «Шторм», которую Республика Сербская (часть Боснии и Герцеговины) и Сербия организуют совместно. В этих случаях государственные чиновники при поминании используют повестку прав человека, представляя Сербию как страну, протянувшую руку примирения, но этот жест встроен в националистический дискурс. В этом смысле политика памяти носит столь же гибридный характер, как и режим, ее продвигающий.

М.П. Рост национализма 1990-х, который оправдывал войну и территориальные претензии Сербии, в значительной мере основывался на мифологизации сербского прошлого. Как современная политика памяти сказывается на националистической политике в отношении

других (пост)югославских стран, а именно Косово и Боснии и Герцеговины?

Е.Д. Господствующие нарративы, продвигаемые нынешними политическими элитами Сербии, напоминают националистическую мобилизацию 1990-х. Это неудивительно, если принять во внимание, что в 1990-е нынешние чиновники высоких рангов состояли либо в Сербской радикальной партии, либо в Социалистической партии Сербии Милошевича. Сегодня они продвигают нарративы войны, согласующиеся с теми нарративами, которые они распространяли в ходе военных конфликтов, последовавших за распадом Югославии. Сегодня эти нарративы помещены в популистские рамки, легитимированные базовым дискурсом возвращения гордости сербской нации, нации, которая была принуждена стыдиться своих героев и жертв. Господствующий нарратив о распаде Югославии основан на двух элементах: героизации и виктимизации. В этом отношении он заметно сближается с публичными дискурсами 1990-х. Героизм влечет: а) прославление Югославской армии и других сербских вооруженных формирований, задействованных в войне; б) вышеупомянутую милитаризацию коммеморативных практик; в) предоставление общественной помощи, финансирование и продвижение приговоренных и избежавших суда военных преступников. Один из них — генерал Любиша Дикович, начальник Генерального штаба сербских вооруженных сил до 2018 г. В 1999 г. более тысячи гражданских лиц албанского происхождения были убиты в Косово, которое являлось

зоной его ответственности, но он никогда не подвергался уголовному преследованию. Другой пример, издательство Министерства обороны, которое публикует мемуары командиров — участников войны в Косово, включая военных преступников, приговоренных Международным трибуналом по бывшей Югославии. Это прямое и спонсированное государством неуважение ко всем жертвам сербских вооруженных формирований и отрицание страданий этих жертв. Сербские жертвы поминаются, но и они используются нынешним режимом лишь в качестве инструмента. Такая политика памяти не улучшает отношения Сербии с другими странами, напротив, приводит к их ухудшению. Тем не менее президент Сербии Александр Вучич постоянно продвигает идею, что Сербия настойчиво протягивает руку примирения, что она является единственной постъюгославской страной, которая реально стремится к примирению. Это один из величайших парадоксов политики памяти в современной Сербии, и я собираюсь изучить его далее.

М. П. Это интервью будет опубликовано в русском журнале, поэтому следующий вопрос важен. Каковы сегодня публичные дискурсы о Российской Федерации и об СССР? Какие русские деятели заметны в современном сербском нарративе? Сталин, может, кто-нибудь еще?

Е. Д. Российская Федерация является не просто объектом интерпретаций. В Сербии после Милошевича она, наряду с Европейским союзом, является одним из важнейших внешних агентов памяти. Сербское пра-

вительство культивирует близкие отношения с Россией, что отражается в политике памяти, например, возрождении югославских праздников, относящихся к победе партизан над фашизмом, и Дня Победы 9 мая. Наиболее яркий пример — День освобождения Белграда, который в 2019 г. сопровождался масштабным военным парадом и прямой трансляцией национального телевидения. В отличие от политики памяти снизу в отношении четников, где чествование современного национализма и братства сербского и русского народов тщательно избегает отсылок к партизанам и Красной армии, данный парад, напротив, подчеркивал эти обстоятельства, отмечая, что победа над фашизмом является эпизодом давней сербско-русской дружбы. В то время как официальные лица демонстрировали дружбу на военном параде, националисты и военные активисты снизу также собрались вместе и вспоминали свое излюбленное прошлое: четников и Романовых.

В период после смещения Милошевича группа, получившая наименование Движение Равна-Гора, выросла в широкое милитаризованное движение, включающее сербских ветеранов войн 1990-х и располагающее представительствами как в Сербии, так и в Республике Сербской. Их образ четников переплетается с сильными прорусскими симпатиями. Добровольцы из числа участников Движения присутствовали в Крыму после его аннексии Россией в 2014 г. и принимали участие в конфликте на востоке Украины, будучи одетыми в форму четников. Более того, ежегодные коммеморации смерти Михайловича сопрово-

ждаются мемориальной церковной службой по Романовым, которые были казнены в тот же день 17 июля. Крайне правая партия Двери, которая является важной оппозиционной силой, также организовала религиозные мемориальные службы по Д. Михайловичу и Романовым. Для участников Движения Равна-Гора Россия является главным союзником, они обычно связывают этот имидж с поминовением Романовых, приглашая гостей из России и с востока Украины выступать с речами на этих мероприятиях. Группа и ее собрания носят отчетливо националистический и милитаристский характер. Униформа, военная иерархия, построение в ряды и колонны, движение строевым шагом — в этом смысле мероприятия Движения Равна-Гора больше напоминают парамилитаристские учения, чем коммеморативные практики. Наряду со строгим военным кодексом Движение также официально располагает капелланами и поддерживает тесные отношения с Сербской православной церковью.

М. П. Спасибо большое за интересное интервью!

ЛИТЕРАТУРА

Baker 2015 — *Baker Catherine*. The Yugoslav Wars of the 1990s. London: Palgrave Macmillan, 2015.

Buden 2012 — *Buden Boris*. Zona prelasna — o kraju postkomunizma. Belgrade: Fabrika knjiga, 2012.

Dolenec 2013 — *Dolenec Danijela*. Democratic Institutions and Authoritarian Rule in South East Europe. ECPR Press, 2013.

Govedarica 2013 — *Govedarica, Nataša* in Darko Karčić, Tamara Banjeglav, Nataša Govedarica. Re:vizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine. Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije — Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012.

Mink 2007 — *Mink Georges* in Georges Mink and Laura Neumayer (eds.). L'Europe et ses passés douloureux. Paris: La Découverte, 2007.

Obradović 2017 — *Obradović Marija*. Hronika tranzicijskog groblja: Privatizacija društvenog kapitala u Srbiji 1989–2012. Beograd: Filip Višnjić, 2017.

Radanović 2014 — *Radanović Milan*. Oslobođenje. Beograd, oktobar 1944. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2014.

Radanović 2015/2016 — *Radanović Milan*. Kazna i zločin. Snage kolaboracije u Srbiji: odgovornost za ratne zločine 1941–1944. i vojni gubici 1944–1945. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2015/2016.

Rothberg 2009 — *Rothberg Michael*. Multi-directional memory: remembering the holocaust in the age of decolonization. Stanford University Press, 2009.

Stojanović 2010 — *Stojanović Dubravka*. Interpretacije istorije i promene sistema vrednosti u Srbiji. In Građanske i negrađanske vrednosti u Srbiji: Vreme posle Miloševića, eds. Ola Listhaug, Sabrina P. Ramet and Dragana Dulić, 213–232. Belgrade: Žene u crnom, 2010.

Službeni glasnik 33/06 — Zakon o rehabilitaciji, Službeni glasnik RS, br. 33/06.

“SERBIAN REVISIONIST HISTORIANS ARE ACTUALLY FEWER THAN FIVE PEOPLE. HOWEVER, THEIR WORK RESONATES WIDELY BECAUSE THEY RECEIVE MEDIA ATTENTION”.

Interview with Jelena Đureinović

Đureinović Jelena – Dr., Humanitarian Law Center, Belgrade (Serbia)

Key words: memory politics; anticommunism; revisionism; Chetnik movement.

Abstract. Since the 2000s, the Republic of Serbia has been marked by a surge in revisionist memory politics. Encouraged by EU memory narratives, which equate fascism and communism, revisionist memory politics in Serbia entails a rehabilitation of the Chetnik movement. In this interview, historian Dr Jelena Đureinović debunks the myths surrounding the memory battles in the public space in Serbia and analyzes the diverging memory narratives in the country and in the wider (post)Yugoslav region. Đureinović explains how the ethnicization and revisionism of memory and history have been reflected in the newly adopted legal frameworks, judicial processes, mainstream political discourses and in the overall memory efforts of the political elites, including the Serbian Orthodox Church. While memory battles involving heterogeneous voices in Serbia remain focused on World War Two, seemingly more pertinent issues, namely, the reconciliation with the war past of the 1990s, are effectively obfuscated.

2. СЛОВЕНИЯ.

«ПЕРЕХОДНЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ
ХАРАКТЕРИЗУЮТСЯ ВО МНОГОМ
ШИЗОФРЕНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИЕЙ,
КОГДА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОТТОРЖЕНИЕ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЮГОСЛАВИИ
СОСУЩЕСТВУЕТ С ПОП(КУЛЬТУРНЫМ)
ПРИЯТИЕМ ЭТОГО ЖЕ ПЕРИОДА
СЛОВЕНСКОЙ ИСТОРИИ».

Интервью с М. Великонеј

Ключевые слова: Словения, югославский проект, политика памяти, ревизионизм, ностальгия, популярная культура, искусство.

Аннотация. Республика Словения, которая первой объявила о независимости от Югославии в 1991 г. и первой из постъюгославских государств присоединилась к ЕС в 2004 г., демонстрирует сложное отношение к своему югославскому прошлому. Политический дискурс, медиа и историография не полностью свободны от исторического ревизионизма, который, прежде всего, обращен ко Второй мировой войне и значению югославского прошлого и нацелен на обоснование якобы «европейской», ни в коем случае не «социалистической» и не «югославской», сущности словенского национализма. С 1991 г. этот вид ревизионизма получал поддержку на многих уровнях, которая определялась разнообразными внутренними (например, очередными парламентскими выборами) или международными (такими как вступление в ЕС) сиюминутными политическими приоритетами. В своем интервью исследователь культуры и социолог профессор Митя Великонеј указывает на границы этих сражений памяти и демонстрирует, в какой степени они вовлечены в такие более широкие процессы, как современный подъем этноцентричного дискурса и экономического неолиберализма. В этой ситуации резонирующее, критически настроенное и полифоничное словенское искусство и поп-культура выступают как необходимая альтернатива, которая не только хранит память об истории и идейном

наследии Югославии, но и критически рассуждает по поводу современных проблем, в том числе о кризисе беженцев и вспышке эпидемии.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-77-96

Словения была первой республикой, объявившей 25 июня 1991 г. о своей независимости от Социалистической Федеративной Республики Югославия. 27 июня того же года вновь появившееся государство было вовлечено в десятидневную войну с югославской армией. Перемирие, подписанное 7 июля 1991 г. между Югославией и Словенией, фактически означало, что последняя не только приобрела независимость, но также избежала разорительных и травматических югославских войн, которые до сих пор сказываются на других (пост) югославских республиках.

После смерти Иосипа Броз Тито в 1980 г. усилия Словении обрести независимость подпитывались совместными усилиями политических и интеллектуальных элит, которые стремились позиционировать республику как чуждую духовно, экономически и политически социалистической федерации, как сходную в ментальном плане и по уровню развития не с Балканами, а с Центральной Европой. В связи с этим постсоциалистический транзит Словении с самого начала 1990-х сопровождался экономической либерализацией и приватизацией, а также отчетливой политической декларацией об отказе от социалистического прошлого и движением в западном направлении согласно ее европейским корням (ср.: *Vajt* 2017). Маруша Пушник (*Pušnik* 1999) убедительно доказывает, что этому повороту способствовало конструирование нации в медиа (телевидение, газеты и т. д.) в полном

соответствии с идеями Эрика Хобсбаума (*Hobsbawm* 1992: 143) о природе национального дискурса после 1918 г., в частности интерпретация спорта (например, горнолыжного) как отличительной черты «альпийской» национальной культуры.

Эти процессы шли рука об руку с развитием политики национального позиционирования, нацеленного на представление Словении скорее в аисторических терминах, как места с особой атмосферой: «Зеленый кусочек Европы», «Солнечная сторона Альп» или, относительно недавно, «Зеленое сердце Европы». Так формировался образ уютного, здорового, восхитительного уголка Адриатики, населенного спокойными спортивными людьми с замечательной трудовой этикой. Сочетание стабильного экономического прогресса с «евротической» (*Velikonja* 2005: Eurotic) риторикой позволило ускоренно интегрироваться в структуры ЕС. Словения стала первой (пост)югославской страной, присоединившейся к ЕС и НАТО в 2004 г. и принявшей евро в качестве национальной валюты в 2007 г. Согласно данным Мирового банка и Международного валютного фонда, Словения — страна с высоким доходом в экономике, занимающая 24-е место в мировом Индексе человеческого развития (HDR 2019).

Эти данные мало говорят о значимости югославского прошлого, но это не значит, что оно полностью стерто из государственной и национальной памяти или что связи с другими

(пост)югославскими странами не играют никакой роли в словенской политике, в медийном пространстве (mediascape) и в культуре в целом. Исследования в сферах историографии, социального и культурного анализа единодушно отмечают, что словенское государство, которое с 1991 г. демонстративно присягает на верность западной демократии, раз за разом принимает память об Югославии в качестве отправной точки (*Jogan, Broder 2016; Pušnik 2019*). Гэл Кирн (*Kirn 2014: 2–3*) считает, что битвы памяти по поводу социалистического периода, как это в полной мере проявилось в ходе словенского транзита 1990-х, обусловлены двойственным взглядом главных политических сил страны на югославское прошлое. В результате мы одновременно наблюдаем как прославление старых добрых времен, так и демонизацию всего, что связано с партизанским движением, социализмом, Тито и Югославией.

В то же время что и в Сербии, чья современная политика памяти рассматривалась в предыдущем интервью Милицы Попович с профессором Еленой Джурейнович, ключевой темой исторического ревизионизма в Словении становится национально-освободительная борьба в годы Второй мировой войны под руководством партизан-коммунистов. Полемика вращается вокруг значимости партизанского движения для словенского национального проекта (ставится вопрос и о том, что, возможно, для Словении было бы лучше, если бы ее освободили западные союзники), а также вокруг крайне сурового послевоенного наказания

нацистских и фашистских коллаборационистов из Словенского домобранства (*Slovensko domobranstvo*), поддерживаемых католической церковью. Отношение как к партизанам, так и к Словенскому домобранству выступает сегодня маркером политического размежевания.

После вступления в ЕС места памяти также претерпели изменения. Мемориальные объекты югославского прошлого и партизанского движения не были, в отличие от соседней Хорватии, разрушены, но рядом с ними были установлены новые памятники в честь Словенского домобранства (*Kirn 2012: 268*). Такие изменения в мемориальном пространстве Словении ведут не к национальному примирению, а, напротив, обостряют споры по поводу памяти о Второй мировой войне, которые наглядно проявляются как в политических заявлениях, так и в их медийном сопровождении (ср. *Pušnik 2019*).

Почти три десятилетия политической ревизии нарративов Второй мировой войны сопровождаются дебатами по поводу символов (пост)югославского национального государства (*Vajt 2017*), сменой названий улиц и новыми изданиям учебников. Эти изменения отражают общую националистическую и неолиберальную повестку и ведут к стабильному росту доли населения, которое не имеет мнения по таким вопросам, как значение партизанского движения и Словенского домобранства для будущего словенской нации, или же по поводу того, в какой мере партизанское движение было борьбой против этноцида и за установление

социальной справедливости. Многолетние опросы (1993–2012) показывают, что тогда как взгляды старшего поколения (31+) за весь период наблюдения остаются относительно стабильными с небольшим перевесом в пользу партизан в сравнении со Словенским домобранством, респонденты 18–30 лет все с большей неохотой высказывают суждения по этому и сходным вопросам (*Jogan, Broder* 2016: 109).

Эти настроения проявляются в том числе в публичном недовольстве по поводу воздвижения памятника *Жертвам всех войн* (2017) в центре столицы Словении Любляне, который несколько раз, начиная с прототипа 2015 г., подвергался осквернению вандалами. Сооружение абстрактного памятника, состоящего из двух больших белых монолитов, было поручено Министерству труда, семьи и социальной защиты в 2013 г. как знак примирения, а также молчаливого одобрения резолюции Европейского парламента «О европейской совести и тоталитаризме» от 2 апреля 2009 г., которая, прежде всего, осудила коммунистические режимы Восточной и Центральной Европы. Открытие памятника в 2017 г. было отмечено речью президента Словении Борута Пахора и молитвой «за всех жертв» главы Словенской католической церкви архиепископа Станислава Зоре. Церемония была бойкотирована всеми политическими силами, чья риторика памяти о битвах Второй мировой войны опирается на отчетливое противопоставление жертв и насильников (*Čokl* 2017).

«Хватит играть в партизан и Словенское домобранство»¹ — пророчески написал краской на прототипе памятника в июле 2015 г. аноним из числа протестантов. Множество лозунгов различного идеологического содержания появились с тех пор в качестве реакции на особенности государственной политики. Ясно, что политики памяти не исчерпываются государством, его заявлениями и их обсуждением в медиа. Культура и искусство демонстрируют необходимость нюансированных и критических взглядов на значение Югославии в качестве идеи, государства и наследия для словенских прошлого, настоящего и будущего. В предлагаемом интервью профессор Великоня рассматривает югославскую память в Словении, особо подчеркивая значимость культуры и искусства для выявления критического, идейного и эстетического потенциала «югоностальгии», выходящего за рамки ее утилитарного политического использования.

Митя Великоня — профессор культурологии и глава Центра исследований культуры и религии Университета Любляны. Основные области его научных интересов — политические идеологии, субкультуры, культура граффити, коллективная память и постсоциалистическая ностальгия. Он автор следующих монографий: *Post-Socialist Political Graffiti in the Balkans and Central Europe*. Routledge, 2020; *Yugoslavia From A Historical Perspective*. NCHR, 2017 (сопедатор и соавтор); *Post-Yugoslavia — New Cultural and Political Perspectives*. Palgrave, 2014

¹ Намек на игру «Ковбои и индейцы» применительно к словенским реалиям.

(соредактор); *Rock'n'Retro — New Yugoslavism in Contemporary Slovenian Music*. Sophia, 2013; *Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture* (Небесная Югославия: Взаимодействие политической мифологии и популярной культуры). Biblioteka XX vek, 2012 (соавтор); *Titostalgia — A Study of Nostalgia for Josip Broz*. Peace Institute, 2008; *Eurosis — A Critique of the New Eurocentrism*. Peace Institute, 2005; *Religious Separation and Political Intolerance in Bosnia-Herzegovina*. TAMU Press, 2003. Награжден тремя национальными и одной международной премией (Erasmus Euro Media Award by European Society for Education

and Communication, ESEC, Vienna, 2008). Преподавал в Ягеллонском университете Кракова (2002 и 2003), в Колумбийском и Нью-Йоркском университетах (2009 и 2014), в Университете Риеки (2015), в Нью-Йоркском — Санкт-Петербургском институте лингвистических, когнитивных и культурологических исследований (2015 и 2016) и в Йельском университете (2020). Получил стипендию Фулбрайта для работы в Роземон колледже в Филадельфии (2004/2005), работал в Нидерландском институте перспективных исследований в Вассенаре (2012) и в Институте Ремарка в Университете Нью-Йорка (2018).

Вопросы и введение Наталии Майсовой. Роттердам — Нью Хэвен, 27.02.2020.

Н.М. Ваши работы отличаются разнообразием тем и подходов: они простираются от социальной и культурной теории до политических наук, в них сочетаются качественные, количественные и сравнительные методы исследования, вы также осуществили глубокий анализ таких культурных феноменов, как популярная музыка и граффити. Какие возможности и вызовы возникают при подходе к культурной памяти и к практикам коммеморации через призму современной популярной культуры?

М.В. Я усматриваю вызовы и преимущества, возникающие при исследовании памяти на материале различных культурных практик, с точек зрения абстрактных теоретических и более осязаемых методологических исходных положений. Прежде всего, необходимо сочетать

горизонтальный и вертикальный анализ. Я воспринимаю культурную «пестроту» (*variegations*), разнообразие и диффузию некоторого социального феномена в сочетании с его идеологической интенсивностью (*depth*), формируемой — в большинстве случаев, но не всегда — структурами власти, которые придают этому феномену общепринятое определение. Другими словами, я одновременно использую принципы «ширины» и «глубины». Второе исходное положение основано на понимании культурного феномена с двух точек зрения: как непрерывности, эволюции или принятого школой Анналов термина *лонг дюре*, так и прерывности, сдвигов, попятных движений, революций, разрывов, как учил нас Вальтер Беньямин в «Тезисах о философии истории» (1942). В-третьих, я следую императиву Клода Леви-Стросса о взаимодополнительности

диахронического и синхронического анализа. Согласно ему культурный феномен необходимо рассматривать, не только исходя из исторической перспективы, обращая внимание на его «исторический хвост» (historical tail) («Всегда историзируйте», — настаивает Фредрик Джеймисон во введении к своей книге *The Political Unconscious* (Политическое бессознательное, 1981)), но и со стороны современного состояния, его нынешней структуры и широты распространения. Последнее по порядку, но не по значению, исследование всегда должно вестись на двух уровнях: на макроуровне, возможно даже глобальном, и на более узком, локальном уровне «частного случая». Необходимо учитывать и широту распространения и проявления того же феномена на микроуровне, т. е. одновременно рассматривать как общие, так и особенные черты. При этом следует избегать искушений как эссенциализма, когда культурным и историческим свойствам приписывается «неизменная природа», присутствующая в «ядре» некоторого феномена, так и исключительности, согласно которой феномены обладают, прежде всего, уникальными свойствами, делающими любые сравнения бессмысленными. Коротче говоря, я стараюсь преобразовать аналитические противоположности, которые часто выглядят как непримиримые, чтобы использовать их динамическую взаимодополнительность.

К таким подходам меня подталкивает сама природа поля моих исследований. В культуре не действует механика, подобная закону тяготения или точке Архимеда. Для специали-

ста в области культурологии это обстоятельство является и вызовом, и, одновременно, гарантией того, что в ходе исследования скучать не придется (не говоря уже о том, что некоторые критики откажут нашим занятиям в научности). Культура представляет бесконечную диалектику непредсказуемых и невообразимых решений, «синтезов», которые сразу становятся «тезисами» и немедленно сталкиваются с «антитезисами» и т. д. Научные парадигмы культурологии приспособляются или по меньшей мере должны приспособиться к этому. По этой причине объяснения бихевиористов и классических позитивистов, рассматривавших культурные феномены в категориях «физических» причин, всегда терпели неудачу. Их современные последователи, которые настойчиво и самоуверенно ищут столь популярные сегодня безупречные алгоритмы человеческого и социального поведения, также обречены на неудачу. Например, разве кто-нибудь из кремлинологов, советологов, специалистов по Восточной Европе, Балканам и социалистическому лагерю в целом смог предсказать крушение социалистических режимов тридцать лет назад? Или более частный случай, если обратиться к теме одного из моих исследований: разве мог кто-нибудь на заре «демократических революций» вообразить, что ностальгия по социалистическим временам, режимам и их противоречивым лидерам возникнет в этой части Европы столь быстро и с такой силой? Или такой вопрос: почему до сих пор находятся люди, которые в XIX в. с риском наносят граффити на стены, когда существует столько иных более доступных

медиа? И почему граффити, которые традиционно были инструментом левых, «оружием слабых», стали также, используя термин Джеймса С. Скотта, оружием власти? Почему по всему миру на стенах появляется все больше расистских, ксенофобских, антисемитских, сексистских, гомофобских и тому подобных призывов к действию? Неписанная установка культурологии гласит: «Будь готов к неожиданностям». Рано или поздно хорошо подготовленный исследователь неминуемо столкнется с неожиданными явлениями, и его/ее базовые знания должны помочь не игнорировать, не избегать и не пренебрегать ими.

Н.М. В какой мере изучение актуального ландшафта популярной культуры может расширить наши представления о символическом воображении современного словенского общества? О каких моментах национальной истории принято хранить молчание, и каковы главные дискуссионные темы нарративов популярной культуры?

М.В. Три десятилетия транзита привели не только к политическим, экономическим и институциональным преобразованиям, но также к социальным, культурным и индивидуальным, т.е. относящимся к личным отношениям, изменениям. В самом общем виде: постсоциализм — это не только политико-экономическая, но также культурная и ментальная формация. Перефразируя того же Джеймса С. Скотта, постсоциализм — это «не только экономический и политический факт», но и «факт повседневной жизни и межличностных отношений, факт

в смысле эмоций и ментальности». Постсоциалистический транзит управляется двумя идеологическими парадигмами и порожденными ими политическими практиками: неолиберализмом (и всем, что его сопровождает, например, новым евроцентризмом, гоббсовским конкурентным взглядом на общество, неоспоримым статусом частного интереса и собственности) и этнонационализмом (вместе с сопутствующим ему грузом традиционализма, клерикализма, ксенофобии, патриархальности и т.д.). Разумеется, что все это не возникло в одно прекрасное утро: этнонационализм уже два века является одной из ведущих идеологий и практик, необходимым коллективным и культурным коррективом к неолиберализму, который основан на индивидуализме и примате экономической сферы. Этнонационализм существовал на всем протяжении периода «братства и единства» югославской истории. Экономический неолиберализм также возник в той же самой социалистической Югославии, на втором десятилетии экономического восстановления после Второй мировой войны, т.е. в середине 1960-х, в связи с постепенным установлением независимости для банков, кредитных бюро, страховых компаний и с рождением класса менеджеров. Социальный критик Дарко Сувин (Darko Suvin) доказывает это в своей превосходной книге «Samo jednom se ljubi. Radiografija SFR Jugoslavije 1945.–72., uz hipoteze o početku, kraju u suštini» (2014) / «Splendour, Misery, and Possibilities: An X-Ray of Socialist Yugoslavia» (2016, «Блеск, нищета и возможности: Рентгеноскопия социалистической Югославии»). Возвращаясь

к сегодняшнему дню: неолиберализм и этнонационализм вторгаются также в сферы культуры и искусства, где сталкиваются с различными формами сопротивления. Эти формы либо черпают вдохновение из национальных и международных альтернатив, либо используют (недавнее) прошлое в качестве ролевых моделей. Говоря в широком смысле, я обнаружил, что культура и искусство в гораздо большей степени плюралистичны и критически настроены, в сравнении с другими сферами общественной жизни, и, что еще более важно, им присущи большие прозорливость и стремление к прогрессу. Если мы обратимся к сфере политики, то увидим, что практически все политические партии участвуют в одной игре по общим правилам, их мысленный горизонт ограничен примерно в одинаковой мере. Сферы культуры и искусства отличаются тем, что, несмотря на множество проблем и разнообразных (классовых, гендерных, этнических) социальных разрывов, они предлагают гораздо более разностороннюю перспективу. Это присуще и тем культурным практикам, которые признаются государством с помощью такого высокого знака отличия, как Прешернская премия, и бесчисленным маргинальным практикам, берущим начало из автономных культурных «сквотов» Метелково и Рога, и резонансным молодежным субкультурам. Эти сферы больше, чем другие, если не брать в расчет социальные и гуманитарные науки, открыты критическим размышлениям по поводу таких насущных вопросов, как социальная несправедливость, дискриминация, эксплуатация, разрушение окружающей среды, новые тотали-

таризмы. Т.е. в поле их внимания находятся все болезненные аспекты «нового дивного мира», в разумности которого нас пытаются убедить различные проповедники.

Н. М. Каким образом нарративы популярной культуры, посвященные взаимодействию Словении со своим прошлым, эволюционировали в течение трех последних десятилетий? А именно, как изменялись оценки социалистической Югославии? Как вступление Словении в ЕС повлияло на эти оценки?

М. В. После крупных социальных разломов (войны, революции, катастрофы), отношения с близким прошлым всегда носят антагонистический характер. Победители демонизируют прошлое, чтобы легитимизовать и усилить свои позиции, в то же время другие общественные силы демонстрируют более сложный образ прошлого. В случае Словении оба подхода в значительной мере сосуществуют, первый — в господствующих политических дискурсах, партиях и институтах, второй — в альтернативной, популярной и повседневной культурах. В течение последних трех десятилетий официальные позиции политических партий и национальных институтов почти единогласно отвергли предшествующую политическую и экономическую систему и присущее ей культурное многообразие. Согласно этой позиции, социалистическая Югославия (примерно как Австро-Венгрия для первой Югославии) была «тюрьмой народов», особенно для «своей» нации. Нынешние представители власти неумолимо демонизируют предшествующий режим и приписывают се-

бе статус жертвы, в то же время ожесточенно ратуют за две господствующие идеологии и практики, а именно неолиберализм и этнонационализм. Другое отношение к недавнему прошлому стало (вначале робко) формироваться в альтернативной культуре и повседневной жизни. В этих сферах отношение к югославскому прошлому у одних характеризуется отсутствием критики и ностальгией, у других оно более сбалансированное и тем не менее благоприятное. В последнем случае это сложное, «горько-сладкое», но вместе с тем критическое и реалистическое отношение. Я считаю, и это подтверждают многолетние опросы общественного мнения, такое отношение свойственно большинству словенцев. За три переходных десятилетия спокойное отношение к недавнему прошлому усилилось и распространяется в популярной культуре, в маркетинге, в туризме, в культуре потребления, в дизайне и в искусстве. Несколько лет назад я проводил углубленное качественное и количественное исследование образов Югославии (социализм, партизаны и т. д.) в современной словенской музыке. Я не нашел ни одного примера негативного отношения к этим феноменам, хотя привлек к исследованию материалы самых различных жанров от альтернативного рэпа до словенского фолк-попа, мейнстримной поп-музыки и ню-металла и всего, что находится между этими жанрами. Ни одного! Другими словами: антиюгославской популярной культуры практически не существует. Следует сказать, что переходные десятилетия характеризуются во многом шизофренической ситуацией, когда политическое отторжение социалистической Юго-

славии сосуществует с поп(культурным) приятием этого же периода словенской истории или по меньшей мере более нюансированным отношением к нему.

Н. М. Популярная культура очевидным образом находится в сложных отношениях с политическими нарративами, которые продвигаются с помощью идеологических институтов государства, в том числе системы школьного образования. Какая динамика воспоминания и забывания обнаруживается при сопоставлении дискурсов политики и популярной культуры? Каковы основные дискурсы о югославском социализме?

М. В. Этот вопрос тесно связан с предшествующим, поэтому я сформулирую ответ в том же ключе. В самом общем виде: политическое отторжение неизбежно вызывает культурное одобрение, которое в свою очередь приобретает отчетливый политический профиль. Это классическое, прямо по Фрейдю, «возвращение подавленного»: чем более вы подавляете некоторые влечения, с тем большей настойчивостью они обнаруживаются в самых неожиданных местах. Давайте взглянем поближе на ностальгию по Югославии. Она направлена на главные достижения этого государства, к которым, по моему мнению, относятся: 1) победа в значительной мере собственными силами над фашизмом; 2) ускоренная модернизация; 3) освобождение прежде угнетаемых групп (молодежи, женщин, крестьян); 4) собственная форма культурного разнообразия — «братство и единство»; 5) политическая альтернатива (основанный

на самоуправлении социализм во внутренней политике и активная политика неприсоединения в междунаро́дных отношениях). Но ключ к пониманию ностальгии лежит в понимании ее не как простой апологии прошлого, своего рода *la belle époque*, а в качестве скрытой критики настоящего, когда подчеркивается только то хорошее в прошлом, чего не хватает сегодня. Прежде всего это началось в альтернативной культуре и в повседневной жизни и постепенно во все большей степени охватывает популярную культуру, где ностальгия является критикой современной ситуации. Это идеологический корректив к современной реабилитации фашизма и к современному историческому ревизионизму; к новому традиционализму, сочетающемуся с жесточайшим экономическим либерализмом, к нынешним патриархальности и сексизму, к нынешней склонности к шовинизму и к этнически обусловленной дискриминации, а также к нынешнему периферийному, если не сказать постколониальному положению государств-наследников Югославии. Мы наблюдаем эффект маятника: чем больше политика сдвигается в одну сторону, тем в большей мере культурная и повседневная жизнь устремляются в другую. Говоря словами Мишеля Фуко, репрессии, независимо от того, сколь изощренные формы они принимают и в какой степени они требуют добровольного повиновения, неизбежно порождают сопротивление.

Н.М. Югоностальгия уже давно признана важным социальным и политическим аспектом постъюгославского пространства, но недавние исследования убедительно

доказывают, что этот термин постепенно теряет свою определенность, поскольку это «зонтичный бренд», который накрывает различные типы поведения, памяти, политик и людей в республиках бывшей Югославии. Какова словенская специфика югоностальгии, и как она эволюционировала в последние три десятилетия?

М.В. Разрешите мне ответить на вопрос, который я часто встречал в ходе полевых исследований в других постъюгославских республиках: «Почему вы, словенцы, так ностальгируете по Югославии, если вы первыми ее покинули?» В психоаналитическом смысле ностальгия — это неосуществимое желание того, что разрушено до основания. Это безопасный сон наяву о том, что не может повториться, что невозможно вернуть. У ностальгии отсутствует причинность и целеполагание, за ее появлением нет ничего «реального». Я могу отчасти понять то, что Андреас Хюйссен (Andreas Huyssen) именуется «ностальгией отчаяния», характерной для тех, кто пережил войну, нищету, преследования после предшествовавших им хороших времен. В Словении — иная ситуация. Ностальгия в тех терминах, что я только что описал, настойчиво переживается людьми, которые, согласно многочисленным внешним признакам, сейчас живут «лучше», чем прежде. Прекрасной иллюстрацией этой ностальгии служит фильм «Гражданин Кейн» (1941, реж. Орсон Уэллс), главный герой которого движется «сквозь тернии к звездам» и, уже достигнув вершины карьеры, озабочивается незначительным по всем признакам предметом вре-

мен своего детства. Следует также сказать, что мое понимание ностальгии позволяет взглянуть на нее как со стороны коллективной или индивидуальной памяти, так и с точки зрения современных нарративов. Это значит, что мы можем испытывать тоску не только по тому, что испытали на собственном опыте (так сказать ностальгия первой руки), но также по тому, что мы позаимствовали из вторых рук: популярной культуры, медиа, научно-популярных нарративов, рекламы, многочисленных сообщений о «старых добрых временах», гуляющих по Интернету, и т.д. Другими словами, я перемещаю понимание ностальгии из области «судьбы» в область «выбора».

Словению характеризуют три вида ностальгии. Одна из них — сентиментальная, пассивная, интимная ностальгия, которая лелеет образы «лучшего будущего, которое уже позади». При этом неважно, стоят ли за этими образами непосредственные впечатления, что свойственно старшим «югославским» поколениям, или, как в ситуации с «постъюгославскими» поколениями, они полностью заимствованы. Вместе с тем существует инструментальная ностальгия: прошлое всегда хорошо продается, а ностальгия — лучше всего. Более пятнадцати последних лет рекламщики, участники туристического бизнеса, продюсеры популярной музыки и организаторы коммерческих мероприятий, т.е. все, кто может заработать на приукрашенных образах прошлого, признают, что ниша ностальгии приносит прибыль. Кроме того, есть и «освободительная» ностальгия, которая критикует настоящее с точки зрения

более справедливого и гуманного прошлого, большей солидарности, чем предлагают сегодняшние идеологии и осуществляет современная политика. Ностальгия такого рода воплощается в различные виды сопротивления, от оппозиции историческому ревизионизму до участия в протестах против нынешних несправедливостей, как в форме поплевачества в мировой паутине, так и непосредственного участия в движениях новых левых.

Н. М. В Словении память о социалистической Югославии находится в любопытном взаимодействии с другими нарративами развития словенского национального проекта. Например, недавно возросло внимание академических институтов и институтов культурного наследия к первому югославскому (межвоенному) периоду словенской истории. Как вы оцениваете нарративы памяти об югославской монархии? Как они соотносятся с господствующим нарративом словенского национального проекта?

М. В. Действительно, было несколько выставок и круглых столов на эту тему, но их общественный резонанс был намного меньше того, который вызывают публичные и академические мероприятия, посвященные социалистической Югославии. Это объясняется несколькими факторами. Прежде всего, это связано со сменой поколений, почти не осталось людей, которые имеют собственные воспоминания о периоде 1918–1941 гг. Во-вторых, Югославия Карагеоргиевичей постоянно очернялась в послевоенный период, социалистическая пропаганда представляла ее

в негативном свете, подчеркивая экономические проблемы, социальную несправедливость, этническую дискриминацию и опору на зарубежные силы. В-третьих, память об югославской монархии не близка словенским националистам. В социалистической федерации статус Словении был близок к независимому государству, особенно после де-факто конфедеративной конституции 1974 г. А до Второй мировой войны почти треть современной территории Словении находилась под властью итальянского короля, а остальные ее части обладали только административным статусом (так называемые Мариборская и Люблянская «области» в 1922–1929 гг. и «банства» в 1929–1941 гг.). Более того, т.к. словенцы и другие южные славяне Австро-Венгерской монархии оказались среди побежденных в Первой мировой войне, то те части их территории, которые не отошли к неславянским соседям, были присоединены к одной из стран-победительниц — королевству Сербии и Черногории, что не является приятным воспоминанием для националистов.

Анекдотичная история произошла в драматический период сразу после развала Австро-Венгрии. «Северная граница» Словении защищалась словенскими добровольцами (позже с помощью сил сербской армии), в то время как на защиту западных границ встал — это была скорее случайность, чем консолидированная позиция правительства Любляны, — Стефан Швабич (Stevan Švabić), подполковник сербской армии, который оказался в Любляне по дороге из австрийского плена в сопровождении нескольких сот бывших пленных сербских солдат.

Он остановил наступление итальянской армии возле городка Врхника, находящегося в 20 км от Любляны, заявив итальянцам, что Антанта, имея в виду свою армию, уже установила контроль над этой территорией, и вынудил противника отойти на линию, которая впоследствии, согласно Рапальскому договору 1920 г., стала государственной границей между Италией и Королевством сербов, хорватов и словенцев. Сегодня этот эпизод практически неизвестен, поскольку для сербов он не представляет интереса, а официальные политические силы Словении также не могут гордиться тем, что их страна была спасена сербскими войсками.

Я считаю, что главная причина почти полного отсутствия памяти о королевской Югославии в современной Словении и, скорее всего, в других постъюгославских странах во многом объясняется неспособностью монархии осуществить главный проект XX в. — проект социальной, экономической и культурной модернизации. Выполнение этой задачи еще в ходе Второй мировой войны взяли на себя левые силы. Неслучайно один из наиболее известных партизанских лозунгов гласил: «Назад пути нет!» Я убежден, что в течение послевоенных десятилетий этот лозунг был главной опорой легитимности социалистической Югославии.

Н. М. Словенский национальный проект был рожден в Австро-Венгерской империи. Как вы оцениваете значение имперского наследия в современной культурной памяти Словении? Школьные учебники, например, уделяют этой эпохе больше внимания, чем недавнему югослав-

скому прошлому. Транслируется ли этот исторический дискурс текущей политикой, и входит ли он в число политических приоритетов?

М. В. Словенскую политику отличает тактический лоялизм, и XX в. предоставил множество свидетельств этому. Практически до конца Первой мировой войны словенские политики и институции присягали на верность австрославизму, эти же люди пару недель спустя объявили Австрию «тюрьмой народов» и причаляли к «безопасной гавани» Югославии. Этот «паттерн» был воспроизведен после того, как страны Оси (Германия, Италия и Венгрия) оккупировали страну в апреле 1941 г.: политические лидеры и институты срочно продемонстрировали лояльность новым хозяевам. То же самое произошло в конце 1980-х: практически вся тогдашняя элита, люди, которые сделали успешную карьеру в социалистической Югославии, внезапно атаковали ее как антисловенское образование и пересели на проекты «демократизации» и «полного национального суверенитета». На этот раз «безопасной гаванью» для словенцев стала «Европа». Мы видим, что преемственность с монархией Габсбургов была прервана несколько раз. В отличие от ряда других регионов черно-желтой монархии (например, провинции Фриули-Венеция-Джулия, где ежегодный «Фестиваль народов Центральной Европы» рекламируется постерами, которые изображают Франца Иосифа I, а также Малой Польши и, разумеется, Австрии и Венгрии, где эпохе Габсбургов уделяют наибольшее внимание), я не вижу никаких признаков «австростальгии» у словенцев.

И все же молчаливая преемственность с «покойной Австрией», вызывающей негодование задним числом, существует, но под другим, более нейтральным именем. Уже в 1980-е словенский национальный проект, особенно его наиболее боевитые участники, объединенные вокруг журнала «Нова ревија» (Nova revija), сориентировался на так называемую «Центральную Европу». Источником вдохновения во многом послужило знаменитое эссе Милана Кундеры «Трагедия Центральной Европы» (1984), в котором региону приписывается статус вечной жертвы. Оно было переведено на словенский и опубликовано несколько раз. Были предприняты различные попытки присоединиться к «Вышеградской тройке» (потом четверке), но безуспешно, участники этой группы больше настроены на самосохранение, чем на экспансию. Несмотря на это, Словения в одиночку достаточно эффективно внедряет внутри страны идеологический конструкт «Mitteleuropa» (Центральной Европы), являющийся нашей новой «естественной средой обитания» (natural habitat), которая противопоставляется Югославии, «Балканам», варварским чужакам (alien), куда Словения дважды была вынуждена входить (первый раз в эпоху «Великой Сербии» и потом при господстве коммунизма). Однако разрыв с Югославией не увенчался полным успехом. Как исследователь культуры я прекрасно знаю, что словенское культурное пространство — от популярной культуры до институционального искусства — гораздо больше связано с бывшей Югославией, чем с так называемой Центральной Европой. Если вы спросите у кого-

нибудь на улице, какие музыкальные коллективы из Хорватии и Сербии он знает, а потом зададите тот же вопрос относительно венгерской или чешской популярной музыки, вы поймете, что я имею в виду.

Н. М. На каких вопросах сосредоточены дебаты по поводу академических, политических и популярных интерпретаций истории Второй мировой войны, создания социалистической Югославии и роли Словении в этих событиях?

М. В. В Словении партизанское движение сопротивления возникло через три недели после начала нацистской и фашистской оккупации и завершилось неделю спустя после капитуляции Германии, когда закончились последние бои в северо-восточном регионе. С самого начала оно связывало себя с прогрессом, с задачами глубоких политических, социальных и экономических реформ. В Словении, как и в Югославии в целом, партизаны сражались с оккупантами и коллаборационистами не только на поле битвы, но и, прежде всего, на поле политики. Они единственные оказались способными мотивировать и мобилизовать на борьбу численно преобладающие и в наибольшей степени обездоленные группы людей, тех, кому, согласно «Коммунистическому манифесту» Маркса и Энгельса (1848), «нечего терять кроме своих цепей», поскольку партизаны смогли предложить им лучшее будущее и социальный прогресс. То есть партизаны сражались не только за политическую свободу, но и за глубокие социальные трансформации, это было очевидно с самого начала. Благо-

даря антифашистскому прошлому югославские власти на протяжении четырех десятилетий после Второй мировой войны обладали гораздо большей легитимностью, чем руководители других социалистических стран, пробравшиеся к власти под прикрытием советских танков. Сегодня наследие антифашистского сопротивления, увы, атакуется с правого и левого флангов политического спектра. Правые ревизионисты, неспособные примириться с поражением словенских коллаборационистов, объявляют антифашистское партизанское сопротивление незаконным, антинациональным, криминальным и коммунистическим переворотом. С другой стороны, представители официальных левых («левые» партии, бывшие функционеры СКЮ и даже Ассоциация ветеранов партизанского движения) вычеркивают из борьбы за освобождение все революционные моменты, которые были ей присущи, и вырывают словенских партизан из общего югославского контекста сопротивления. Их ревизионизм сводится к тому, что партизанское движение было национальным, но ни в коем случае не революционным, и не столько общеевропейским, сколько словенским. Тем не менее это систематическое наступление на историю словенских партизан при участии различных могущественных сил (ведущих политиков, католической церкви, различных идеологических аппаратов государства, ведущих медиа) в целом не добилось успеха. Примеры протеста многочисленны и разнообразны, от массовой ностальгии до серьезных научных исследований, от различных выставок до спонтанного сохранения традиций партизанского

антифашизма, послевоенной социалистической модернизации, союза с другими югославскими нациями.

Н.М. Кто входит в число главных агентов памяти Словении? Каковы приоритеты активистов памяти, и какими инструментами они располагают, чтобы отстаивать более нюансированную культуру памяти?

М.В. Разрешите мне, основываясь на прежних ответах, представить более конкретные данные. Известно, что классик исследований памяти Морис Хальбвакс считает, что коммеморация гораздо лучше описывается в терминах конструктивизма, чем позитивизма: «Воспоминание в весьма значительной мере является реконструкцией прошлого при помощи данных, полученных в настоящем, и к тому же подготовленной предшествующими реконструкциями, которые уже сильно видоизменили прежнюю картину»². Каждый раз главный политический вопрос состоит в том, что именно реконструируется в тот или иной момент; как, почему и чьими силами осуществляется эта реконструкция. Официальная память рьяно — как это обычно бывает во всех новых государствах, строящих национальное самосознание, — опекается официальными институтами доминирования, в число которых входят:

— система государственных праздников;

— места памяти, которые считаются важными с точки зрения обрете-

ния независимости в начале 1990-х, а также «битвы за северные границы» в 1918 и 1919 гг.;

— система религиозных праздников и «всесловенское», а на самом деле католическое паломничество;

— монументы и знаки памяти (reminders) о словенской культуре, включая национальный День культуры (не стоит забывать, что словенский национализм основан на культуре, это своего рода «культуризм» и осями словенской национальной идеологии являются «культура» и «язык»);

— спортивные мероприятия, особенно на высокогорье (Alpine) (прекрасный, увы покойный, исследователь культуры Боштjan Шавер (Boštjan Šaver) представил яркую деконструкцию «словенской высокогорной культуры»).

Пытаясь утихомирить споры по поводу самого противоречивого периода словенской истории, а именно войн XX в., государство воздвигло в центре Любляны впечатляющий Памятник жертвам всех войн. Своей монументальностью он некоторым образом напоминает работы Ансельма Кифера (Anselm Kiefer), с тем отличием, что свинцовую мрачность творений немецкого мастера заменила намеренно нейтральная белизна. Скорбь должна заменить политику и национальное единство должно замуровать идеологическую брешь, разделяющую словенцев. Нет нужды объяснять, что национальное единство является наиболее действенным

идеологическим конструктом, т.к. эта идея располагается не вне-, а над другими идеологиями. По моему мнению, этот монумент является символом чего-то большего, чем примирение, он символизирует нынешнее господство двух взаимодействующих идеологий: либерализма (плюралистического представления о правде, т.к. у каждого она своя) и национализма (примата национального над политическими разногласиями). Первая идеология поднимает дискуссии на надполитический уровень, вторая — ограничивает их содержание фантазмами национального единства.

В это же время другие агенты памяти придерживаются глубоко поляризованной памяти о Второй мировой войне: с одной стороны, существуют Ассоциация партизанского движения и группы ее поддержки, с другой — есть группы и организации, поддерживаемые католической церковью, которые горячо поддерживают память о коллаборационистах. Обе стороны организуют разнообразные мероприятия, праздники, коммеморации и обустривают места памяти о либо триумфальных, либо травматических событиях прошлого. Несмотря на настойчивый исторический ревизионизм, общественное мнение в большей мере придерживается прежних взглядов на исторические события, что вынуждает политические силы, в том числе различные правительства, символически поддерживать «мнение народное», но они делают это стыдливо и в ограниченной степени. Они вынуждены выделять почетные караулы и освящать государственными символами памятные церемонии, принимать

в них участие и, что немаловажно, сохранять за этими памятными событиями статус государственных праздников, игнорируя при этом их общегославский и революционный контекст. 27 апреля раньше было «Днем освободительного фронта» — организации словенских партизан, объединявшей широкий спектр политических сил. Сейчас этот праздник переименован в «День восстания против оккупации». Параллельно официозу широкий спектр других сообществ и индивидуальных активистов памяти осуществляет альтернативную коммеморацию. В нее вовлечены как различные культурные ассоциации и энтузиасты истории, так и создатели мемов и разнообразные инициативы пользователей Фейсбука. В полном соответствии с духом времени стратегии, продукты и сообщества памяти мигрируют в нематериальный «мир цифры». Подобно другим странам и подобно другим периодам словенской истории, различные мнемонические конфигурации сосуществуют в современном словенском обществе. Они антагонистичны в двух смыслах: во-первых, в отношении к друг другу, во-вторых, в отношении к официальной коммеморации, осуществляемой государством. Так же как и повсюду, мнемонические практики в Словении являются осознанным инструментальным политическим решением, которое говорит не столько об объекте, сколько о субъекте коммеморации, позволяет больше узнать о настоящем вспоминающего, чем о прошлой вспоминаемой реальности.

Н. М. Как бы вы определили специфику словенской политики памяти

в отношении остального (пост)югославского пространства? Какова сегодня роль католической церкви в создании ведущих нарративов памяти? Как на словенскую политику памяти влияют продолжающиеся пограничные споры, полемики по поводу культурного наследия и памяти с соседней Хорватией?

М. В. В отличие от других бывших югославских республик, в Словении не было жарких символических баталий. Недавно мне довелось ознакомиться со статистическими исследованиями, согласно которым в 1990-е в Хорватии было разрушено более 3000 памятников партизанам. Тем не менее словенцы также столкнулись со взаимосвязанными антиюгославским и контрреволюционным поворотами. Политика памяти в Словении отражает особенности политики переходного периода в целом. В отличие от, например, Хорватии и Сербии, где относительно триумфально победили политические платформы Франьо Туджмана и Слободана Милошевича, которые получили поддержку церквей и которые господствовали во всех сферах общественной жизни, в Словении не победила ни одна сторона. Словенский транзит осуществлялся при молчаливом соглашении о разделе власти между умеренными националистами и бывшими «коммунистами-реформаторами», которые приспособились к националистической линии. Чрезвычайно важно, что было также достигнуто соглашение о разделе дивидендов (bounty) в переходный период. Хотя транзит часто наивно воспринимался — а иногда воспринимается до сих пор — как «проект национального освобожде-

ния» и, одновременно, как «проект политической демократизации», в реальности это был, прежде всего, проект радикального перераспределения общественного достояния (common wealth), проект в буквальном смысле приватизации активов, созданных общим трудом за десятилетия социализма. В результате «победители» переходного периода — новые и «реформировавшиеся» старые политики и олигархи — присвоили разнообразные (в понимании Бурдые) виды капитала. Обе стороны полностью признали две господствующие идеологии и политические практики — неолиберализм и этнонационализм — поскольку это позволило им, будем откровенны, легально заниматься воровством.

Такое прагматичное распределение власти между «левыми» и «правыми» в переходный период требовалось, исходя из популистских соображений, компенсировать демонстрацией своих «левых» и «правых» убеждений. Отсюда, с одной стороны, проистекает «охрана памяти», например, о партизанском сопротивлении, сопровождаемая широким арсеналом мнемонических практик, и, с другой стороны, отчетливо клерикальная антипартизанская коммеморация с противоположными по смыслу практиками. Даже поверхностный анализ речей и памятных мероприятий показывает, что это не более чем часть более широкой политической повестки организаторов. Проповедуя как «партизанскую», так и «антипартизанскую» правду истории, они тем самым разделяют население и укрепляют единство собственных рядов. Память здесь выступает лишь функцией как

текущей политической борьбы, так и, что более важно, материальных привилегий, которые обеспечивает нахождение у власти. Активное, направленное на социальное освобождение воспоминание, которое не занимается односторонним восхвалением прошлого, но критически рассматривает его и сосредоточено на забытых, неясных, подавленных и утраченных событиях и деятелях истории, — такое воспоминание, которое выдающийся сербский социолог Тодор Кулич (Todor Kuljić) описал в своей книге «Kultura sjećanja» («Культура воспоминания», 2006), — остается уделом неформальных акторов и инициатив и, что немаловажно, повседневных практик. Таковы, например, мириады поздравительных открыток, заполняющие Интернет в дни таких важных национальных праздников Югославии, как «День молодежи» (25 мая, символический день рождения Тито) и «День республики» (29 ноября, день «рождения» социалистической Югославии).

Н.М. Поскольку интервью будет опубликовано в русском журнале, то уместно задать вопрос о современном публичном дискурсе в отношении Российской Федерации и СССР. Какие российские деятели выделяются в словенских нарративах памяти?

М.В. Поскольку я не являюсь специалистом в международных отношениях, то попробую ответить с точки зрения хорошо мне знакомой культурной сферы. В отличие от Центральной Европы, Россия и Советский Союз всегда были от нас достаточно далеки, по причи-

нам как географическим, так и историческим. Прямые политические контакты были редкими и чаще всего осуществлялись в контексте многонациональных государств, в состав которых тогда входила Словения. В отличие от многочисленных «фобий» и «филий» в отношении других народов, в Словении отсутствуют заметные русофобия и русофилия. Во времена социалистической Югославии, когда страна придерживалась демонстративной политики неприсоединения, у нас существовало обманчивое ощущение, что мы отличаемся и от Запада, и от Востока, на другие социалистические страны мы смотрели с ощутимой дистанции. Термин «реальный социализм» использовался едва ли не как ругательство. Существовало общее убеждение, что другие социалистические страны, в отличие от нас, реально живут за «железным занавесом». Тем не менее эти политические колебания не были способны повредить существенному и разностороннему влиянию русской культуры. Приведу пример из собственной семейной памяти: мои родители учились в школе в конце 1940-х, где среди учителей были и русские эмигранты. Моя мать до сих пор с огромной признательностью вспоминает эрудицию и основательность этих учителей. Возможно, эта признательность выразилась в том, что всем трем детям мои родители дали имена героев русской литературы, восторженными поклонниками которой они были.

В более широком контексте я бы отметил «охранителей прошлого» (retrogardist) — деятелей искусства из неформального движения Neue Slowenische Kunst (Новое словен-

ское искусство), которые черпают вдохновение в русском и советском футуризме, в супрематизме Казимира Малевича и Владимира Татлина, в позднем советском реализме и т. д. Когда я был ребенком, мои старшие приятели из поколения хиппи познакомили меня не только с Бобом Диланом, Нейлом Янгом и Лу Ридом, но и с поющим под гитару русским поэтом Владимиром Высоцким. С 1980-х помню ретроспективы Андрея Тарковского в Синема-теке Любляны. Только на них, наряду с просмотрами фильмов Пьера Паоло Пазолини и Микеланджело Антониони, все билеты были проданы. Стоит добавить, что словенские поклонники популярной музыки следят за новой русской музыкальной волной. Несколько лет назад большой интерес вызвали Pussy Riot, которые конфликтуют с российскими властями и сейчас уже являются современной классикой. Два года в Любляне выступал для многих противоречивый русский дуэт темной волны IC3PEAK. Не так давно я получил — т. к. я сейчас преподаю за рубежом — несколько восторженных отзывов из Любляны о белорусском синтипоп коллективе «Молчат дома» и фильме Кантемира Балагова «Дылда». Вот, пожалуй, и все.

ЛИТЕРАТУРА

Bajt 2017 — *Bajt Veronika*. The Post-Communist Renegotiation of Slovenian

National Symbols // *Družboslovne razprave*. 2017. XXXIII. 85: 15–33.

Čokl 2017 — *Čokl Vanessa*. Spomenik na Kongresnem trgu: Ti in jaz, oče in sin, belo in črno. Večer, 12.07.2017.

Hobsbawm 1992 — *Hobsbawm Eric J.* Nations and nationalism since 1780. Programme, myth, reality. Cambridge: CUP, 1992.

HDR 2019 — Human development reports (HDR). 2019. Accessible at: <http://hdr.undp.org/en/data> (19.03.2020).

Jogan, Broder 2016 — *Jogan Maca, Živa Broder*. Samostojna Slovenija in kolektivni zgodovinski spomin // *Teorija in praksa*. 2016. 53, special issue: 90–111.

Kirn 2012 — *Kirn Gal*. Transformation of memorial sites in the post-Yugoslav context. In Karamanić S. and Šuber D. (eds.) *Retracing Images: Visual Culture after Yugoslavia*. Leiden: Brill Publishers, 2012. 251–281.

Kirn 2014 — *Kirn Gal*. Partizanski prelomi in protislovja tržnega socializma v Jugoslaviji. Ljubljana: Sophia, 2014.

Pušnik 1999 — *Pušnik Maruša*. Konstrukcija slovenske nacije skozi medijsko naracijo // *Teorija in praksa*. 1999. 36, 5: 796–808.

Pušnik 2019 — *Pušnik Maruša*. Media Memorial Discourses and Memory Struggles in Slovenia: Transforming Memories of the Second World War and Yugoslavia // *Memory Studies*. 2019. 12, 4: 433–450. <https://doi.org/10.1177/1750698017720254>.

Velikonja 2005 — *Velikonja Mitja*. Euroza — Kritika novega etnocentrizma. Ljubljana: Mirovni inštitut, 2005.

“THE TRANSITIONAL DECADES HAVE BEEN MARKED BY A RATHER SCHIZOPHRENIC SITUATION, WHERE POLITICAL REJECTIONS OF THE SOCIALIST YUGOSLAV PERIOD OF SLOVENE HISTORY COEXIST WITH A (POP)CULTURAL ACCEPTANCE OF THIS PART OF THIS SAME HISTORY”.

Interview with Mitja Velikonja

Velikonja Mitja — Prof., Dr., University of Ljubljana (Slovenia)

Key words: Slovenia, Yugoslavian project, memory politics, revisionism, nostalgia, popular culture, art.

Abstract. The Republic of Slovenia, the first to declare independence from Yugoslavia in 1991 and the first of the post-Yugoslav states to join the EU in 2004, demonstrates a complex set of attitudes to its Yugoslav past. Political discourse, mass media and historiography are not at all exempt from historical revisionism, which targets WWII and the significance of the Yugoslav past in particular, and aiming to ground Slovenian nationalism in its alleged “European” rather than “socialist” or “Yugoslav” essence. Since 1991, this kind of revisionism has enjoyed various degrees of support in the public sphere, dependent on the specific domestic (e.g. regular parliamentary elections) and international (e.g. EU-accession) political priorities at hand. In this interview, cultural studies scholar and sociologist Prof Dr Mitja Velikonja outlines the limitations of these memory struggles, and demonstrates to what extent they are complicit in obscuring broader processes, such as the contemporary surge in ethnocentric discourse and economic neoliberalism. The vibrant, critical and polyphonic domain of art and popular culture in Slovenia, on the other hand, emerges as a welcome alternative, which both preserves the memory of the Yugoslav idea and its history, and offers a springboard for critical reflections on contemporary problems, from refugee crises to epidemics.

3. РЕСПУБЛИКА ХОРВАТИЯ.

«ИСТОРИЯ ЮГОСЛАВИИ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ КАК УРОК О ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАТЬ ПРИЕМЛЕМУЮ ВЕРСИЮ СОЦИАЛИЗМА БЕЗ ЕГО «ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ СТОРОН»».

Интервью с С. Хорватинчич

Ключевые слова: политика памяти, памятники, исследования культурного наследства, (пост)югославское пространство.

Аннотация. В связи с тем, что Республика Хорватия считается оплотом антиюгославских настроений на (пост)югославском пространстве, особенно важно рассмотреть с учетом всех сложностей и нюансов политику памяти в этом государстве, которое последним по времени присоединилось к Евросоюзу. Основные нарративы памяти встроены в политики национального примирения и антикоммунизма, инициированные во время Войны за независимость (Homeland war) и в целом в 1990-е гг. — во время президентства Франьо Туджмана. Исторический ревизионизм в отношении ко Второй мировой войне и к движению усташей предопределил хорватские подходы к социалистическому наследию. Доктор Саня Хорватинчич рассказывает о главных участниках политики памяти в Хорватии и объясняет, почему разрушение и небрежение памятниками социалистической Югославии стало важным элементом национального строительства, поощряемого «антитоталитарными» европейскими активистами памяти.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-97-124

Выборы, состоявшиеся во всей Югославии в 1990 г., в Хорватии принесли победу Хорватскому демократическому союзу (HDZ), правой партии, провозгласившей курс на независимость и получившей 41,5% голосов. Такой итог выборов не позволяет считать, что избиратели выдали политикам мандат на отделение от Югославии, кризис мог разрешиться многими иными спо-

собами. Но в связи с тем, что политический кризис совпал с кризисом экономическим и резким падением уровня жизни в 1980-х, его разрешение вело к развалу Югославии, а развал вел к войне. После того как Хорватия 25 июня 1991 г. провозгласила независимость, началась война, которая официально закончилась только в 1995 г., когда хорватская армия установила контроль над

охранявшимися ООН районами Западной Славонии и Сербской Краины. В результате примерно 200 000 сербов были изгнаны из своих домов (Calic 2013: 402). В 1998 г. был установлен полный контроль и осуществлена мирная реинтеграция Восточной Славонии.

В 1990 г. 51,66% хорватских респондентов соглашались с тем, что «Югославия должна стать конфедерацией самостоятельных республик, которые могут при необходимости создавать общие органы управления и свободно договариваться по поводу общих задач» (Grdešić 1990: 199–200 in Jović 2017: 13). Лишь под воздействием военного конфликта удалось усилить влияние нарративов памяти, основанных на националистической мифологии, что привело к росту антиюгославских настроений в хорватском обществе. После того как авторитарному режиму Туджмана в 2000 г. пришел конец, Хорватия стала следовать новым курсом, который рассматривался в качестве более демократической стратегии развития. Его итогом стало вступление Хорватии в Европейский союз в 2013 г. При этом неолиберальные экономические реформы и показательный политический плюрализм внесли свой вклад в чрезмерный рост национализма. С 2013 г. заметен рост насилия и использования языка ненависти в отношении этнических меньшинств, прежде всего сербов (Jović 2017: 236).

Согласно принципам политики примирения времен Туджмана, задачей являлось установление национального единства между хорватами, разделенными Второй мировой войной на усташей и партизан. В 2000 г. Пар-

ламент принял «Декларацию о Войне за независимость» (Pavlaković 2016: 45), устанавливающую единый «режим правды» по поводу истории Югославии. Антифашизм был «национализирован» (Djurašković 2016: 777; Djureinović 2018) и память о Второй мировой войне была подвергнута пересмотру. Декларация, принятая в соответствии с Резолюцией 1841 Совета Европы, осудила «преступления тоталитарного коммунистического режима, совершенные в Хорватии в период 1945–1990» (Banježlav 2012: 113). Ревизионизм привел к разрушению материальных мест памяти (пост)югославского пространства. Из 937 мемориалов, посвященных национально-освободительной борьбе в годы Второй мировой войны, к 2014 г. в Хорватии сохранилось только 310 (Jović 2017: 192).

В 2019 г. Городской совет Загреба принял решение создать мемориал жертв Холокоста без каких-либо упоминаний зверств усташей (Milekić 2020). Политика ревизионизма до сих пор определяет основные дискурсы. Экономическая ситуация не оправдала надежды на то, что независимость принесет благоденствие. Политика памяти остается местом ожесточенных дискуссий и позволяет лучше понять политические и социальные «расколы» в современном хорватском обществе.

В своем интервью доктор Саня Хорватинчич (Sanja Horvatinčić) предлагает свой взгляд на зарождение и эволюцию вышеобозначенных проблем. Хорватинчич изучала историю искусства на Факультете гуманитарных и социальных наук Загребского университета. В 2017 г.

она защитила докторскую диссертацию о мемориалах, посвященных Второй мировой войне и политике памяти в социалистической Хорватии. Ее исследования сосредоточены на культурной истории памятников, политике памяти в социалистической Югославии и роли революционного и социалистического наследства в контексте политики культурного наследия Европейского союза. Она в качестве научного сотрудника принимала участие в проекте цифровой истории искусства Артнет (ARTNET) Хорватского научного фонда, а в настоящее время участвует в семинаре «Гендерная политика и искусство европейских социалистических стран», спонсируемом Фондом Гетти (Gender Politics and the Art of European Socialist States,

Getty Foundation). Хорватинчич была советником-экспертом выставки «В направлении бетонной¹ утопии: Югославская архитектура, 1948–1980» (Toward a Concrete Utopia: Architecture in Yugoslavia, 1948–1980, MoMA, 2018) и соредактором книги об югославских памятниках (Archive Books & Igor Zabel Foundation 2020). Она является координатором международного междисциплинарного проекта «Память снизу. Дрежница: Памяти и следы» (Heritage from Below. Drezhnica: Memories and Traces)², направленного на исследование материальной культуры, ландшафтов памяти и многослойных нарративов о борьбе югославских партизан в контексте актуальных политических и социальных кризисов.

Вопросы и введение Милицы Попович. Париж — Загреб, 15.04.2020.

М. П. В центре ваших исследовательских интересов находятся исследования культурного наследия и памятники времен социалистической Югославии. Одним из результатов вашей диссертации стала всеобъемлющая типология и карта разрушенных памятников, которые были посвящены народно-освободительной борьбе и революции. В чем состоит нынешняя политика памяти в Хорватии по отношению ко Второй мировой войне, а именно к сателлиту нацистской Германии так называемому Независимому государству Хорватия (НГХ)? И как память о НГХ сочетается с политикой памяти в отношении социалистической Югославии?

С. Х. Как историк искусства я подхожу к памятникам периода социалистической Югославии как многообразной художественной продукции, которая возникла после Второй мировой войны под влиянием мощных социальных и политических импульсов. Моя начальная сосредоточенность на формальных аспектах памятников вскоре доказала свою методологическую неэффективность, и в ходе напряженных архивных и полевых исследований мои интересы расширились и включили область «надстроек» памяти и культурного наследия эпохи социализма, хотя мои интересы и сейчас «привязаны» к материальной культуре как почве

¹ Игра слов «concrete» — «конкретный» и «бетонный (каменный)».

² URL: www.ipu.hr/article/en/761/heritage-from-below-drezhnica-traces-and-memories-1941-1945.

будущих исследований. Кроме того, что эмпирические исследования этого удивительного и уникального корпуса структур памяти, запечатлевших разные аспекты партизанской войны и революционно-освободительной борьбы, важны сами по себе, я думаю, что главный вопрос сегодня состоит в следующем: почему и каким образом эти места до сих пор существуют или появляются опять после перерыва? Этот вопрос интригует и увлекает как индивидов, так и политические сообщества не только на местном, но и международном уровнях. Изменившийся официальный статус и удручающее состояние этих мемориалов, когда-то бывших важной частью социальной памяти и национального наследия, во многом характеризует постсоциалистическую политику памяти в Хорватии. Это абсурдное состояние феномена памяти в целом ставит под вопрос и тем самым деконструирует само понятие культурного наследия, что приводит к его разрушению. Таким образом, отрицается способность культурного наследия действовать в роли «посредника интерпелляции»³, т. е. выступать инструментом по производству индивидуальных субъектов и субъективностей, которые приемлемы для установления порядка, стабильности и примирения в обществах, переживших периоды насилия» (Herscher 2011: 148).

Во многих частях Югославии институты научной реставрации и общественного культурного наследия были учреждены сразу после Второй мировой войны, как часть новой парадигмы, основанной на марксистской философии, общественной собственности и самоуправлении рабочих. В этих условиях такие временные сооружения, как остатки партизанских военных госпиталей, спрятанных в лесах, или нелегальные типографии, располагавшиеся в сырых подвалах, могли быть включены в списки культурного наследия. На официальном уровне их значение приравнивалось к позолоченным алтарям эпохи барокко и роскошным буржуазным особнякам. Только при социализме большинство из памятных мест были впервые документированы надлежащим образом. Перемены, затрагивающие не только идеологическую парадигму и практики ввода памятников в эксплуатацию, но также профили класса и гендера героев памяти, привели к тому, что рабочие-металлисты и неграмотные крестьянские девушки впервые в истории стали законными субъектами коммеморации. Отлитые из бронзы, они были вознесены на пьедесталы, которые ранее были предназначены только для императоров, служителей церкви и высокопоставленных интеллектуалов. Первые правила по сохранению и реставрации культурного наследия были узаконены в Югославии уже

³ Интерпелляция (фр. *interpellation*) — термин, использованный Л. Альтюссером в статье «Идеология и идеологические аппараты государства» (1970) для обозначения повседневной идеологической практики, обеспечивающей воспроизводство условий производства путем конституирования индивидов в качестве субъектов. Интерпелляция осуществляется разнообразными идеологическими аппаратами (образовательными, политическими, культурными и т. д.) и принимает форму своеобразного «оклика», откликаясь на который индивид становится субъектом, признавая себя в качестве адресата этого оклика и занимая соответствующую «позицию субъекта» (ученика, гражданина, зрителя и т. д.). В результате интерпелляции происходит добровольное подчинение субъекта идеологическим аппаратам и признание «естественности» наличного социального порядка.

в 1944 и 1945 гг. Критерии и методологии оценки систематически вводились и последовательно применялись с учетом новых международных стандартов и соглашений. Разумеется, эти критерии устанавливались — и это ни в коем случае не было спецификой социалистической Югославии — экспертами, погруженными в культурную гегемонию, которая в свою очередь определяла политику культурного наследия. Все, что на местах относят к «мемориальному наследию», всегда обнаруживает двойное — обычно взаимодополняющее и взаимоусиливающее — «бремя» политик памяти и наследия. Это станет очевидным, если мы обратим внимание на то, каким было отношение к этой специфической сфере культурного наследия на заре политических изменений 1990-х. С тех пор, особенно в Хорватии, мы наблюдаем постоянную, более или менее жестокую и насильственную борьбу за политическое наследие, которая запечатлена в этих местах и объектах. Поэтому я отвечаю на ваш вопрос, исходя из специфической перспективы своей дисциплины, каким образом изменения политики культурного наследия в Хорватии отражают официальную политику памяти или как они используются с целью ее поддержки и как они до сих пор привлекаются в процессе пересмотра прошлого в соответствии с господствующими политическими интересами.

Примечательно, что потребовалось почти два десятилетия после обретения Хорватией независимости, прежде чем памятники, посвященные национально-освободительной борьбе, революционному и рабочему

движениям (*spomenici NOB*), были подвергнуты официальной экспертизе. За это время многие памятники были разрушены, повреждены, переделаны или перемещены, и во многих случаях — вопреки репортажам медиа и протестам местных жителей и экспертов — никто не был привлечен к ответственности за осквернение и нанесение ущерба памятникам культурного наследия и общественной собственности, охраняемым законом. Возможно, это был и не самый разрушительный аспект истории 1990-х, но он показал, насколько избирательно новое государство соблюдало собственные законы. Если, по утверждениям ряда экспертов, данные памятники являются исключительно «типизированными отвратительными артефактами, с отчетливой функцией службы коммунистическому режиму» (*Jerковић 2017*), тогда почему после 1991 г. их продолжают включать в списки хорватского национального наследия? Причина прагматична: формально их охрана гарантирована Конституцией Республики Хорватия. Глава Конституции, посвященная историческим основам, утверждает, что «идея государственного строительства основана на историческом праве хорватского народа обладать полным суверенитетом», который был провозглашен «во время Второй мировой войны и был сформулирован решением Территориального антифашистского совета национального освобождения Хорватии (1943) в противоположность декларации о создании т.н. Независимого государства Хорватия (1941), а затем провозглашался в Конституции Народной республики Хорватия (1947) и во всех последующих

конституциях Социалистической республики Хорватия (1963–1990), в исторический поворотный момент, характеризующийся отвержением коммунистической системы и международного порядка в Европе, в результате демократических выборов 1990» (Narodne novine: 56/90). В то время как Территориальный антифашистский совет национального освобождения Хорватии был главным политическим органом коммунистического движения в Хорватии и частью общегославского коммунистического движения сопротивления, которое новой конституцией вроде бы отвергалось, возникало внутреннее противоречие: это предотвратило официальное отречение от антифашистского и коммунистического наследия и его символов, хотя де-факто происходило перемещение и разрушение этого наследия.

Ящик Пандоры исторического ревизионизма открылся, где раньше, где позже, во всех бывших югославских республиках. Это происходило в разные политические моменты с разным размахом и интенсивностью, на разных уровнях (от ведущих СМИ до законодательства) и осуществлялось на разном институциональном уровне (от национальных институтов до безвестных «экспертов»). Новая фаза исторического ревизионизма в Хорватии была достигнута после вступления в ЕС: число деклараций, принятых Европейской комиссией после 1996 г., сделало возможным осуждение коммунистического наследия, которое просто «клеялось» в качестве «тоталитарного». Я вернусь к этому специфическому вопросу в ходе нашего интервью.

Печальный процесс внутренней экспертной ревизии «памятников национально-освободительной борьбы» растянулся на десятилетия и, насколько я знаю, до сих пор не закончен. Возникает впечатление, что эта ревизия является «засекреченным» (classified) государственным проектом, осуществляемым силами профессионально неадекватного и слишком узкого экспертного комитета, и — что намного важнее — без обращения к стандартным демократическим процедурам, что не позволяет организовать открытые общественные дебаты, особенно в отношении той части мемориального наследия, которая затрагивает множество сторон.

М. П. Как вы оцениваете разрушение и пренебрежение антифашистскими памятниками в Хорватии в свете главных направлений политики памяти в вашей стране? Какова динамика этого процесса, и как происходящее с памятниками воздействует на политику памяти? Чем объясняются местные инициативы, например, в поселке Писак (Pisak), когда жители самостоятельно восстанавливают разрушенные и заброшенные антифашистские памятники?

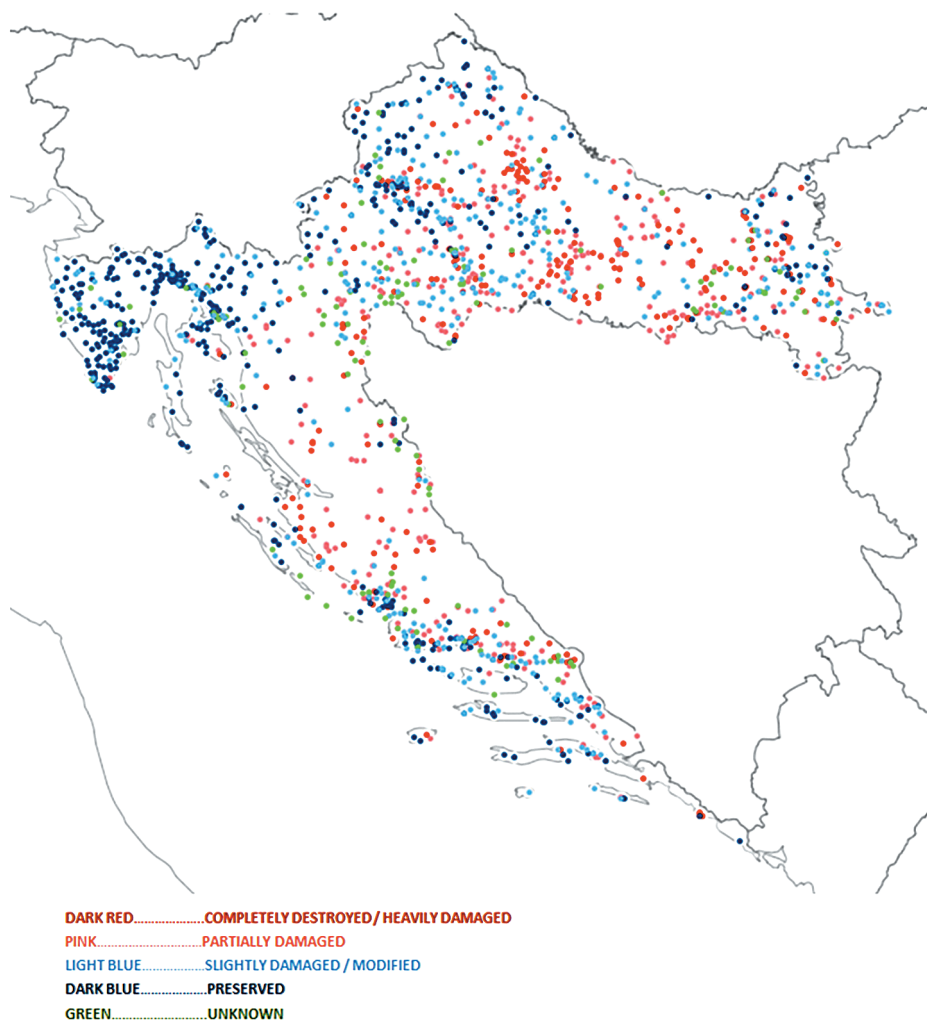
С. Х. Уже говорилось, что начиная со времен Войны за независимость (1991–1995) и по сегодняшний день большая часть мемориалов была разрушена, повреждена, «исправлена» или перемещена, К сожалению, у нас нет методологически обоснованного всестороннего исследования этого феномена, которое включало бы архивные разыскания и анализировало бы механизмы и динамику разру-

шения. Первый обстоятельный обзор, осуществленный Союзом антифашистских ассоциаций Хорватии в 2000 г. (*Hrženjak* 2002), показал, что из примерно 5500 памятников и мемориалов, включенных в указатели в конце 1980-х, примерно 3500, включая памятные доски, бюсты и другие типы мемориальных объектов, были разрушены или повреждены в первые 10 лет после распада Югославии. Темой моей докторской диссертации, которую я писала с 2011 до 2017 г., были процессы создания скульптурных и архитектурных мемориальных сооружений, а не их уничтожения, тем не менее я картографировала и фиксировала, в тех случаях, когда это было возможно, их текущее состояние и сравнивала с исходными проектами. Необходимо отметить, что многие памятники пережили несколько этапов реконструкции в социалистический период. Причины были разные: ветхое состояние, необходимость поднять их *высь* или *модернизировать*, а также добавить либо исправить надписи на памятных досках. Хотя мое исследование было сосредоточено на обособленных в пространстве структурах и комплексах и поэтому не включало памятные доски и бюсты, которые наиболее пострадали в ходе перемен, тем не менее оно показало, что полная статистика состояния этих памятников в стране намного хуже, чем указано выше. В результате утомительной архивной и полевой работы удалось картографировать⁴ 1700 памятников. Из них полностью разрушены при-

мерно 30%, частично повреждены 40% и находятся в относительно нетронутым состоянии примерно 30%. (*Фото 1*) Заметно, что доля разрушенных памятников существенно отличается в различных регионах страны. Важно отметить, что в тех местах, где военные столкновения 1990-х носили более жестокий характер, памятники разрушались в гораздо большей мере, не только в годы войны, но и по ее окончании. Регионы, наиболее пострадавшие от Войны за независимость, где масштабы разрушения памятников часто были наиболее высокими, во многих случаях были территориями с высокой долей этнических меньшинств. В годы Второй мировой войны жители именно этих территорий были подвергнуты величайшим страданиям. После 1990-х на месте старых памятников часто воздвигались памятники Войне за независимость. Прежние надгробные надписи, имена и символы заменялись. Эти акты забвения и атаки на охраняемое культурное наследие и общественную собственность почти ни разу не преследовались по закону и редко освещались ведущими СМИ. Ситуация с освещением этих событий стала изменяться только с появлением социальных сетей, через которые осуществляется, в той мере, в которой это позволяют возможности данных медиа-ресурсов, публичное давление. (*Фото 2a-b*)

В последнее время я тесно сотрудничаю с археологами современности,

⁴ Карта состояния и степени разрушения памятников в Хорватии. Данные собраны в ходе полевых исследований (2011–2016) или письменных источников и литературы. Программа «Общественное табло: программное обеспечение для бесплатной визуализации данных» (Tableau Public: Free Data Visualization Software). См. интерактивную карту: URL: public.tableau.com/views/SpomenpodrujaABkategorija/Sheet1?:embed=y&:display_count=yes.

1. Карта воздвигнутых на территории Хорватии памятников народно-освободительной борьбе (с указанием степени повреждения). HORVATINČIĆ, Memorials from the Socialist Era, 2017, p. 154.

не по вопросам раскопок и вскрытия массовых погребений, но по совершенно другой повестке. Изучая материальные «следы» и памяти, мы, прежде всего, сосредоточились на том, что происходило на «обочинах» или за пределами одобренного различными влиятельными инстанциями дискурса и законодательных рамок

культурного наследия. Я заинтересовалась тем, как наследие антифашизма и прогрессивных социальных движений, постоянно оспариваемое и обрекаемое на забывание в этом углу Европы, востребовано «снизу», вне рамок официальной политики памяти или в противостоянии ей. Поэтому я обращала внимание на то, каким

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

2.а, б. Памятник в пригороде Загреба Врпаче (Vrпaче), установленный на месте массовых публичных повешений антифашистов и коммунистов в годы Второй мировой войны. В начале девяностых памятник был разрушен и заменен крестом с надписью: «В память всех жертв, кто погиб за свободу и существование (continuity) хорватского народа». Фото: Горан Коров (Goran Kоров), 2014.

3. Импровизированная (pop-up) археологическая выставка вещей, найденных в пещере, которая служила тайным партизанским госпиталем в годы Второй мировой войны. Часть международного междисциплинарного проекта «Память снизу. Дрежница: Памяти и следы». Фото: Шуршу Айан Вила (Xurxo Ayán Vila), сентябрь 2019.

образом, с одной стороны, формальные аспекты памятников, посвященных таким историческим событиям, с другой — их нарративы используются в качестве инструментов несогласия с официозом. Говоря другими словами, каким образом материальные, структурные и концептуальные черты социалистических памятников позволяют использовать их качестве «означающих» (символов) современных социальных и политических кризисов, таких как, например, подъем неонацизма и продолжающийся кризис мигрантов в Европе. (Фото 3) Инициатива жителей поселка Писак, расположенного в Далмации, по реставрации и возвращению на пьедестал бронзового Памятника партиза-

ну (2015) является частью растущего движения «низовых» инициатив по восстановлению, поддержанию и охране мемориалов. Они не просто носят контргегемонистскую направленность, но, что особенно важно, публично заявляют об антагонистическом характере социальной памяти этих сообществ. (Фото 4) Методология полевых исследований позволила мне убедиться в том, что эти важные практики заботы о памятниках, вопреки замалчиванию подобных инициатив, широко распространены. (Фото 5 a,b,c)

М.П. Вы критически оцениваете так называемый западный взгляд на антифашистские памятники

4. Церемония открытия восстановленного памятника Погибшим партизанам и жертвам фашистского террора в далматинском городе Писак. 2015. Фото: <http://hr.n1info.com/Vijesti/a51420/Partizan-ribar-vracen-gdje-mu-je-mjesto.html>

Югославии. В то же самое время в нью-йоркском Музее современного искусства (New York Museum of Modern Art or MoMA) проходит выставка «В направлении бетонной утопии: Югославская архитектура, 1948–1980», которая многими была признана успешной демонстрацией противоречивых и тщательно подобранных критических взглядов на эпоху социалистической Югославии. Как эти зарубежные взгляды вступают в диалог друг с другом, как они воспринимаются извне и изнутри (пост)югославского пространства?

С.Х. Я считаю, что широкая популярность югославских монументов и выставка в Музее современного искусства выступают не в качестве противостоящих феноменов, но в виде

различающихся (уровнями, участниками и медиа) манифестаций новой волны увлечения социалистической Югославией как политическим и культурным концептом. Я говорю о «новой волне», потому что восхищение и идеализация режима социалистического самоуправления, установившегося в Югославии после 1948 г., существовала в кругах международных левых уже в 1960-е гг. Временные рамки выставки (1948–1980) носили отчетливо политический характер, хотя их также можно обосновать, исходя исключительно из формальных критериев, а именно как эпоху манифестации модернизма в архитектуре, дизайне и урбанистическом планировании. История постсталинистской и докризисной Югославии используется как урок о возможности преодолеть «крайности» биполярного

5.а, б, с. Татьяна Влаич Вуичич (Tatjana Vlačić Vujičić) восстанавливает по собственной инициативе памятник Павшим солдатам и жертвам фашизма в Бандино Село (Bandino Selo). Фото: Ядранка Радатович (Jadranka Radatović), сентябрь 2019

разделения мира во времена холодной войны и создать приемлемую версию социализма без его «отрицательных сторон». С одной стороны, подчеркивание роли модернизма как универсального западного концепта, проникшего в это «промежуточное» пространство, позволяет «приручить» и «гуманизировать» отрицательный образ Балкан, воспринимаемых как конфликтная полиэтничная территория, расположенная на границах Европы, и тем самым представить балканские страны в качестве места, где возможен прогресс и усвоение «западных ценностей». Вместе с тем акцент на разрушенном модернистском пейзаже снова демонстрирует «истинное лицо» Балкан, т.к. демонстрирует озабоченность по поводу утраты или недооценки этих самых ценностей. Этот аспект подразумевается, прежде всего, когда речь заходит о проблемах, усматриваемых «западным взглядом». Такой подход можно назвать патерналистским или «инфантилизирующим», поскольку он сосредоточен на отсутствии и не преследует цель утвердить новые формы деятельности в «пустыне постсоциализма» (*Štiks, Horvat* 2015). Иногда у меня возникает жуткое чувство, что эти образы или разрушенные архитектурные шедевры ждут представителей Запада, единственно способных их «починить». При этом скрытая, может и непреднамеренная, критика нового политического и экономического порядка, установившегося после падения Берлинской стены, в «западном взгляде» также присутствует, оппонируя триумфальному образу «объединенной Европы». Неудивительно, что выставка, состоявшаяся в такой авторитетной мировой институции, как Музей современного

искусства, была практически проигнорирована антикоммунистически настроенным политическим истеблишментом Хорватии.

Хотя я в качестве эксперта была привлечена к подготовке этой выставки, тем не менее осмелюсь в данных обстоятельствах заявить, что кураторы и команда, готовившие выставку, приложили все усилия, чтобы продемонстрировать наиболее репрезентативные и канонические материалы, относящиеся к социалистической архитектуре, дизайну и урбанистическому планированию, которые укрепляют или по меньшей мере не ведут к пересмотру «большого нарратива» Югославии в годы правления Тито. Насколько позволяли рамки популярного коммерческого музея, организаторы старались избегать тех типов воображения и нарративов, способных питать воображение аудитории, состоящей из представителей виртуальной хипстерской культуры, которые наслаждаются «руинофилией» и эстетикой «брутализма». Более того, делая акцент не на политической и социальной истории, а на шедеврах архитектуры, выставка избежала типичной для Центрально- и Восточно-европейских выставок, посвященных этому периоду, «стратегии баланса», которая требует демонстрации долго скрываемых «темных сторон социализма».

Несмотря на это, вопрос остается: почему Музей современного искусства решил в данный исторический момент продемонстрировать позитивные стороны наследия социализма? Действительно ли, как предполагали многие, что за этим стояло стремление повысить цену недвижимости и тем

самым способствовать будущим инвестициям в модернистские гостиницы на побережье Адриатики? Или была необходимость освежить тенденцию успешных выставок этого музея, посвященных эпохе после окончания холодной войны, заглядывая на этот раз не *за*, а *между* створок железного занавеса? А может, усердные ученые и эксперты сумели пролить новый свет на Югославию, «доказав», что она не просто достойна изучения, но что современные общества могут «учиться» и «заимствовать» ее опыт для решения современных глобальных экономических и социальных проблем? Вопреки международному признанию «ценности» югославской модернистской архитектуры и урбанистического планирования, а также дискурса югославского культурного пространства и югославских исследований, вопреки доброжелательным откликам по поводу выставки в американских СМИ, в Хорватии продуктивной реакции заинтересованных сторон пока не последовало. Большая часть памятников и мемориальных комплексов, представленных на выставке, до сих пор пребывают в разрушенном виде, и их состояние продолжает ухудшаться, их приватизируют или сдают в аренду в качестве декораций телевизионных сериалов и рекламных роликов. При таких обстоятельствах идущие «снизу» инициативы по восстановлению этих памятников вопреки политическим и коммерческим интересам особенно важны для исследования.

М.П. Как вы оцениваете ревизионистскую политику памяти в Хорватии в свете европейской политики па-

мяти, которая стремится приравнять коммунизм и нацизм с помощью целого ряда официальных деклараций?

С. Х. Важным следствием включения Хорватии в законодательное пространство ЕС стал принятый в 2012 г. «Закон об исследовании, обустройстве и поддержание военных захоронений и захоронений жертв Второй мировой войны и послевоенного периода». На практике он применяется почти исключительно к местам «коммунистических преступлений», к индивидуальным и массовым погребениям хорватских (усташи и домобранцы (Domobrani)⁵) и немецких (вермахт и СС) солдат. СМИ широко освещают акты эксгумации и коммеморации в этих местах, в то время как места военных преступлений, совершенных в годы войны нацистами и их хорватскими коллаборационистами, могилы солдат Народно-освободительной армии, сражавшихся против германских вооруженных сил и коллаборационистов, которые после 1990 г. были разрушены либо осквернены, занимают либо маргинальное положение в информационном пространстве, либо полностью игнорируются. Несмотря на то, что памятники партизанам были воздвигнуты в большом количестве, многие места преступлений нацистов и их союзников не были исследованы должным образом в эпоху социалистической Югославии, их поддержанием сейчас занимаются исключительно представители этнических меньшинств, неправительственные организации и активисты. Так, на месте первого и наиболее жесткого концентраци-

⁵ Хорватское домобранство (1941–1944) — вооруженные силы так называемого Независимого государства Хорватия, марионеточного образования пронацистских коллаборационистов.

онного лагеря на острове Паг (Pag), который предшествовал лагерю в Ясеноваце, развалины и ямы с возможными человеческими останками никогда не исследовались. Памятная доска — единственный знак мемориального характера на этом месте жесточайших насильственных работ, массовых истязаний и убийств — дважды восстанавливалась Сербским национальным советом, но сейчас она вновь разрушена. Не зная о жутком прошлом этого места, туристы развлекаются и загорают на территории мемориала.

Очевидным примером намерения буквально уравнивать жертв войны и послевоенного времени, что равносильно приравниванию участников фашистских и антифашистских военных формирований, а также жертв фашистов с военными и послевоенными жертвами коммунистических репрессий, являются новые практики создания памятников жертвам и их коммеморации. За последние 10 лет дважды (в 2013 и 2019 гг.) проводился конкурс проектов мемориала «Жертвам Второй мировой войны и послевоенного периода». Первый конкурс завершился строительством мемориала на месте, относящемся только к послевоенным репрессиям. Второй конкурс привел к скандалу, когда выяснилось, что победитель скопировал скульптуру, уже установленную в Нью-Йорке. Таким образом, публичный дискурс жертв Второй мировой войне почти полностью ушел в тень послевоенного периода или так называемых «жертв коммунистического террора».

Последние не имели официального статуса в социалистической Югославии. Их захоронения выступали

местами контрпамяти, на которых собирались крайне правые. В нынешней Хорватии они стали местами официальной коммеморации. Недавний Европейский день памяти жертв тоталитарных режимов был с энтузиазмом встречен центристскими и правыми политическими партиями Хорватии, которые либо выражают согласие с антикоммунистической политикой памяти ЕС, либо даже проталкивают крайне правую повестку по реабилитации фашистского режима так называемого Независимого государства Хорватия.

Нынешнее стечение геополитических обстоятельств и идеологическое использование прошлого в бывших социалистических странах накладывают новые политические рамки на интерпретацию и управление мемориальным наследием социалистического периода. Термин «тоталитарный» стал общепринятым для определения и переформатирования материального и нематериального наследия социалистических стран Европы. Проследивая использование этого, возникшего в 1920-х гг. термина на протяжении XX в., с учетом всех изменений значений и интерпретаций, а также скрытых причин его внедрения в различные типы официального дискурса (политического, юридического, социокультурного), мы ясно видим, что использование термина «тоталитарный», в том смысле, в каком он употребляется в документах политики наследия ЕС и в таких программах Совета Европы, как «Культурные корни» (Cultural Routes) и «Европа для граждан» (Europe for Citizens) и т.д., преследует недвусмысленную политическую цель вызвать

отрицательное отношение к обозначаемому этим термином наследию со стороны его «наследников». Сам термин широко используется с середины девяностых, когда лоббисты из Совета Европы и Европейского парламента «начали использовать тоталитарные интерпретации коммунизма в ходе своих мероприятий, что напрямую формировало политику памяти ЕС» (Neumayer 2018).

Для этого был выпущен ряд документов под наименованиями «демонтаж» и «осуждение» всех тоталитарных режимов. За ними последовали три документа: резолюции Совета Европы (ПАСЕ) № 1096 «О мерах по борьбе с наследием бывших коммунистических тоталитарных режимов» (1996 г.) и № 1481 «О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов» (2006 г.); а также резолюция Европейского парламента «О европейском сознании и тоталитаризме» (2009 г.). Среди «мер», предлагаемых первым из этих документов, я обычно отмечаю следующий абзац: «Этот процесс должен включать изменение менталитета (изменение сердец и умов), и главная цель должна состоять в том, чтобы устранить страх перед принятием на себя ответственности, а также устранить неуважение к культурному разнообразию, крайний национализм, нетерпимость, расизм и ксенофобию — которые являются частью наследия старых режимов» (Resolution 1096/1996). В контексте подобных интерпретаций термин «тоталитарный» используется для банализации и *ревизию* политической истории прошлого века, представляемой в виде оппозиции

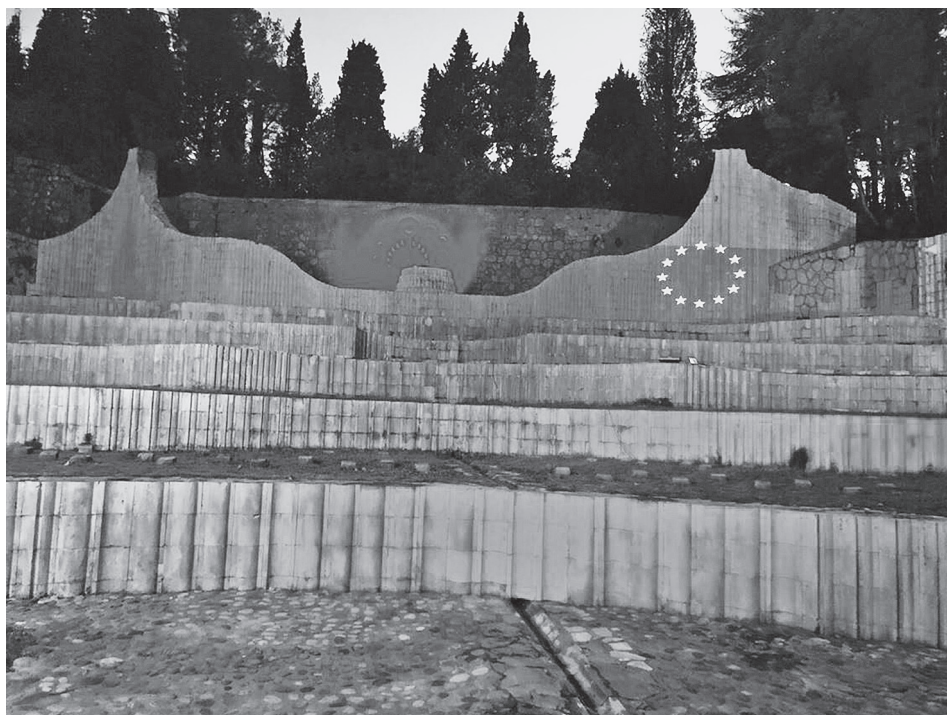
демократических и недемократических режимов. Цель такого упрощения — уравнивать противоположные идеологические системы — фашизм и коммунизм. Политический дискурс, базирующийся на этой бинарной схеме, служит одновременно двум целям: он принципиально игнорирует любую возможную связь доминирующей идеологии — нелиберального капитализма — с фашизмом и ставит вне закона коммунизм и марксизм.

Внедрение «антитоталитарного» дискурса в официальную политику наследия ЕС нацелено на усиление с его помощью идентификации граждан с политической системой ЕС через формирование общего «антинаследия». Я доказываю, что определяемые подобным образом «общие» черты отрицательным образом характеризуют наследие невозможно обнаружить посредством ни формального, ни эстетического, ни функционального методов анализа. Сам термин «тоталитарное наследие» функционирует по преимуществу как пример использования наследия в качестве метакультурной практики. Так, одна из продолжающихся программ Совета Европы «АТРИУМ европейский культурный путь — Архитектура тоталитарных режимов» (ATRIUM European Cultural Route — Architecture of Totalitarian Regimes) использует ненаучную, неустоявшуюся и противоречивую терминологию, способную нанести ущерб переосмыслению и формированию идентичности через приобщение к культурному наследию (heritisation), а также социальному использованию указанного архитектурного и скульптурного наследия.

Такая терминология также провоцирует нарастание культурного и экономического разрыва между Западом и Востоком Европы. Еще одна из финансируемых ЕС программ — проводимый недавно созданным Советом регионального сотрудничества (Regional Cooperation Council) отбор проектов по теме: «Культурный и занимательный туризм: развитие и продвижение» (Culture and Adventure Tourism Development and Promotion), включает подраздел «Балканская монументальная тропа» (Balkan Monumental Trail), который описывается как «новый совместный региональный маршрут, нишевый продукт, сосредоточенный на привлекательности искусства, дизайна, архитектурной ценности и, особенно, на локальном проектировании памятников и сооружений, посвященных Второй мировой войне, которые являются уникальным наследием специфического периода». Прямо отсылая к «привлекательности для международных рынков, <...> нашедшей наилучшее воплощение в выставке “В направлении бетонной утопии” в Музее современного искусства», авторы проекта сообщают, что «цель Балканской монументальной тропы создать маршрут, который позволит показать в выигрышном свете и исследовать часто забытое и маргинализированное наследие абстрактных и модернистских памятников, посвященных Второй мировой войне, в шести экономиках Западных Балкан (кандидатах на вступление в ЕС): Албании, Боснии и Герцеговине, Косово, Черногории, Республике Северная Македония и Сербии». Довольно парадоксальным образом югославские памятники не рассматриваются как

общая принадлежность бывших республик, а распределяются согласно текущим геополитическим отношениям и экономическим интересам. (Фото 6)

Нечего и говорить, что это означает дальнейшее отчуждение югославского мемориального наследия от исходного политического и культурного контекста и идеологическое злоупотребление им в сиюминутных политических целях. Тем не менее общий опыт югославского антифашистского вооруженного сопротивления выработал собственную концепцию «общих мест» югославской памяти, все еще весьма привлекательных для посетителей, в значительной мере «наследников» из всех уголков бывшей страны. Нынешние культурные и коммеморативные практики часто осуществляются вопреки изменившимся политическим обстоятельствам. Они до сих пор формируют общее культурное и языковое пространство, предоставляя, таким образом, сильный аргумент в пользу моделей управления наследием, способных объединять и создавать культурные и мемориальные маршруты, в основе которых лежит либо территория бывшей Югославии, либо, в качестве альтернативы, общий опыт борьбы в годы Второй мировой войны в средиземноморском, европейском и даже глобальном масштабах. Такие модели, очевидно, противостоят или даже подрывают гегемонистскую политическую повестку, будь это неолиберальный/антикоммунистический уровень ЕС, либо националистический уровень местных политических сил в государствах бывшей Югославии. В то же время заметно стремление ориентированного

6. Световое шоу в ходе церемонии открытия реконструированного Партизанского кладбища в Мостаре в 2018. Фото: <http://ba.n1info.com/Foto/a259496/Nocni-sjaj-Partizanskog-groblja.html>

на туризм менеджмента памятников и мемориалов, особенно нацеленного на международную аудиторию, опираться либо на «руинофилию», либо на упомянутую экзотизацию «бывшего Восточного блока».

Хотя концепт «мемориального туризма» получил развитие в Югославии в рамках социалистического самоуправления начиная со второй половины 1960-х, он опирался на тщательно обоснованные демографические и экономические оценки и детальное планирование пространств охраняемых мемориальных зон. Идея внедрения новых режимов охраны мемориалов, природных ландшафтов и материальной объектов истории и культуры,

используемых с развлекательными и образовательными целями, состояла тогда в принесении прибыли жителям самоорганизующихся коммун. Экономическая прибыль местных сообществ была важным результатом, но не ведущим принципом такой модели управления наследием. В изменившихся политических и экономических обстоятельствах отсутствие какого-либо профессионального вовлечения и диалога с местными сообществами, коммерциализация недавнего наследия через брендинг его «трудного» или «темного» прошлого может вести к сценариям, где на «открытом рынке» свободно конкурируют исторические нарративы о фашизме и антифашизме.

М. П. В чем вы усматриваете специфику политики памяти в Хорватии относительно остального (пост) югославского пространства? Играет ли католическая церковь особую роль в формировании основных нарративов памяти?

С. Х. К несчастью, католическая церковь является важным союзником ревизионистской, антикоммунистической политики, но я не думаю, что это исключительное свойство Хорватии, хотя, может быть, здесь оно выражено сильнее, чем в других (пост) югославских государствах. Никто из лидеров церкви не выступал в защиту необходимости коммеморации жертв нацистов и их союзников. Не высказывались они и в пользу восстановления сотен памятников и мест коммеморации мирных жертв Второй мировой войны, а также кладбищ и мест захоронения партизан, даже если они были этническими хорватами. В то же время деятели церкви играют видную роль в организации коммемораций на местах погребения так называемых «жертв коммунистического террора», под которыми подразумеваются «хорватские солдаты», а на самом деле усташа и военнослужащие СС. Почитание их памяти придает им статус мучеников и приводит к нормализации фашистского режима. Богатая католическая церковь получает наибольшее в Европе государственное финансирование и, опираясь на могущественную и широкую инфраструктуру пропаганды, выступает главным созидателем и распространителем официального нарратива памяти в Хорватии. Представители церкви редко или никогда не используют возможности, чтобы осудить шовинистические выступле-

ния крайне правых. Напротив, церковь предоставляет существенную поддержку самым известным «отрицателям» реальной истории, давая им возможность выступлений в своих медиа. Надо уточнить, что то же самое происходит и в СМИ, и в таких государственных институтах, как архивы и библиотеки.

М. П. Существуют ли в хорватских СМИ, политических элитах и академических сообществах различные интерпретации Второй мировой войны, или антиревизионистский дискурс является маргинальным? Что бы вы могли бы сказать об академическом сообществе, которое в свете нынешнего бурного роста югославских исследований является главным «возмутителем спокойствия», «подрывающим» официальные диалоги памяти в Хорватии?

С. Х. Когда в начале 2010-х я начала свои исследования, лишь несколько ученых, преимущественно социологов, философов и историков, затрагивали проблему югославских памятников. Практически не было историков искусства, которые бы специально занимались этой темой. При этом коммеморативные скульптуры и архитектура выступали прекрасным объектом специфического, обычно маргинального и проблематичного, сегмента индивидуального художественного творчества и были признаны в качестве важной, но недостаточно изученной части социалистической культурной продукции. Я рада, что десять лет спустя подобные исследования осуществляются в изобилии в рамках самых различных дисциплин и вне их, во многих случаях силами ученых,

не занимающих привилегированных позиций в академических структурах. Парадоксальным образом эта тема, благодаря обсуждавшемуся выше «западному взгляду», стала приемлемой в академии, хотя обычно игнорируется в рамках обязательных учебных курсов истории искусства. В данном случае «западный взгляд» пришелся весьма кстати, т.к. стал инструментом «легитимации», позволяющим молодым исследователям изучать данный востребованный и имеющий большое общественное значение вопрос, который отвергается или порождает недовольство во многих местных академических контекстах. В то же время многочисленные зарубежные исследователи успешно утверждают югославские исследования как отдельную дисциплину, имеющую международное значение. Хотя подобные исследования ставят под вопрос, бросают вызов и прямо противостоят и критикуют господствующую политическую риторику, включая политику памяти, я бы не назвала их «подрывными», поскольку в большинстве случаев ученые неспособны или не желают вторгаться в сферу политики. К тому же возможность безоглядно высказываться в ходе академической, культурной и художественной работы ограничивается методологически и структурно требованиями в высшей мере конкурентного академического и культурного рынков. «Подрывной» эффект в академическом пространстве я усматриваю в том, чтобы бросить вызов и разрушить эти ограничения, чтобы ученые не боялись активно вступать в социальную и политическую борьбу, в том числе и за свои трудовые права. К «подрывным» я отношу ученых, которые

борются за равенство и разнообразие в рамках академии, за бесплатное образование, гендерное равенство, против того, чтобы академия была местом классовых привилегий и институтом по производству культурной гегемонии.

М. П. Вы в том числе исследуете югославские памятники людям труда. Не припомню, чтобы кроме вас кто-то обращался к этой теме. Какое место эти памятники занимали в официальной государственной политике социалистической Югославии и занимают в нынешних битвах памяти?

С. Х. Эта тема позволяет с точностью установить, чье наследие признается и одобряется, и каким образом происходит его оценивание и пересмотр при различных политических системах. В социалистический период открыто утверждались и разными путями продвигались нарративы об освободительной борьбе рабочего класса. Во многих случаях трудовые коллективы активно включались в процессы принятия решений и многие памятники, воздвигнутые по соседству с заводами, являлись символическими местами, которые порождали чувство единства в рамках политического сообщества, объединенного вокруг позитивной традиции общей борьбы в прошлом. В Хорватии такие мемориалы почти полностью либо перемещены, либо разрушены в ходе приватизации и физического вытеснения заводов за пределы городской черты. Сегодня «красная нить» памяти рабочего класса практически «отрезана», в связи с разрушением классового сознания. Даже протосоциалисти-

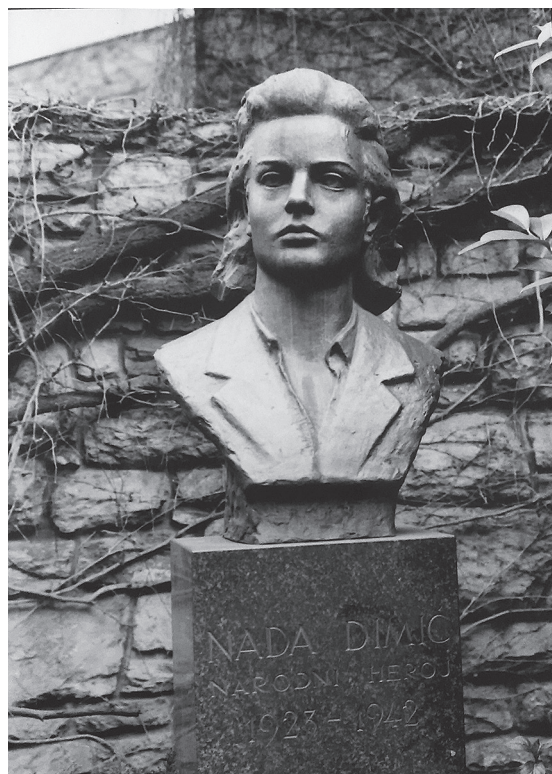
ческие нарративы, вроде крестьянского восстания 1573 г. в Северной Хорватии и Словении, которые из-за популярности стереть было невозможно, были переосмыслены. Вождь этого восстания Матия Губец (Matija Gubec), выступавший прежде героическим лидером классовой борьбы, сегодня уже не символ угнетенного крестьянства, восставшего против феодальной эксплуатации. Его коммеморация постепенно была трансформирована в романтический, деполитизированный туристический фестиваль в средневековом стиле. В Хорватии Губец представляется сегодня национальным символом хорватского крестьянства, а в Словении — словенского.

Я бы хотела отметить гендерный аспект социальной памяти рабочего класса. С начала 1990-х мы были свидетелями систематического удаления мужских и женских бюстов в рамках политического проекта идеологических «чисток». В связи с тем, что число женских бюстов уступало в численности мужским, женщины и женская история стали наиболее пострадавшими «жертвами» ревизии публичного пространства. В Загребе были разрушены либо перемещены более половины из 432 мемориальных объектов (памятников, мемориальных досок и бюстов). Кроме того, были переименованы 125 общественных учреждений (87,57%) и 238 улиц, скверов и других публичных мест (70,62%), которые служили символическими носителями публичной памяти социалистического режима (*Šimunković, Delač* 2013). Сегодня в Загребе сохранились лишь семь памятников женщинам, что является

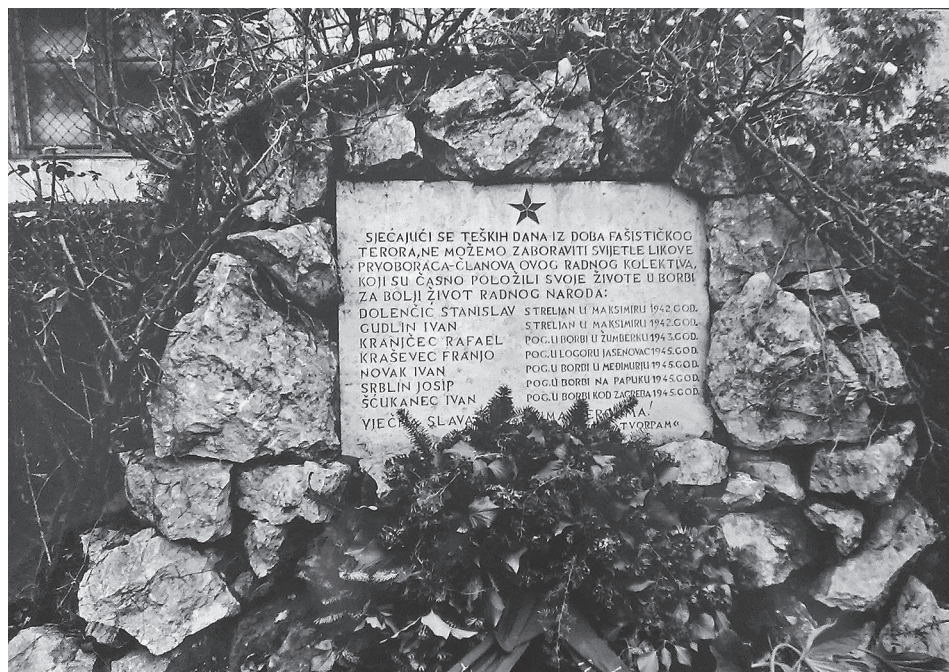
одним из многих симптомов возвращения к патриархальному традиционализму в публичной и частной сферах. Этот процесс идет рука об руку с реставрацией капитализма и поруганием социалистического режима.

Текстильные фабрики, такие как «Нада Димич» (Nada Dimić) в Загребе и «Неда Книфич» (Neda Knifić) в городе Сень (Senj), часто носили имена женщин-партизанок и героинь рабочего класса. Памятники им, обычно портретные бюсты, как правило, ставились перед входом в фабричные комплексы. Сегодня осталось лишь фото от впечатляющего памятника в форме промышленной швейной иглы, что стояла у входа в текстильную фабрику «Победа» (Pobjeda) в Загребе. На постаменте памятника была помещена мемориальная доска с именами работников фабрики — антифашистов и жертв фашизма, погибших в годы Второй мировой войны. Фабрика и место, где был расположен памятник, сегодня ожидают нового этапа благоустройства этого района Загреба. Кроме фото, архивов или редких материальных следов подобных объектов, сохраняется память тех, кто здесь работал, а также членов их семей, унаследовавших маргинализированные и замалчиваемые повествования. В них сохраняется потенциал для развития подхода «наследие снизу». (*Фото 7. a,b,c,d*)

М. П. Как вы оцениваете тот факт, что этнические меньшинства Хорватии, именно сербская община, развивают собственные стратегии контрпамяти, отвечающие их нынешнему положению меньшинства и по-своему читающие прошлое?

7. а, b, с, d. В Загребе с начала 1990-х разрушены либо удалены из публичного пространства более 55% памятников и мемориалов, посвященных Второй мировой войне. В их числе скульптурные бюсты героям антифашистского сопротивления, списки имен рабочих, погибших в концентрационных лагерях или же на поле боя в составе партизанских отрядов, мемориальные доски внутри публичных зданий, установленные в честь бывших сотрудников, учащихся и пр. Фото: Альянс антифашистских бойцов и антифашистов Хорватии (Alliance of Anti-Fascist Fighters and Anti-Fascists of Croatia)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

U POVODU ŠEZDESETGODIŠNJICE
OSNUTKA I RADA PRVE DRŽAVNE ŽEN-
SKE SREDNJE ŠKOLE U HRVATSKOJ
PODIŽEMO OVU SPOMEN PLOČU
MARIJI JAMBRIŠAK, KOJA JE
ZASLUŽNA ZA OSNIVANJE OVE
ŠKOLE. ŽRTVAMA USTAŠKOG TERORA
PROFESORICAMA I UČENICAMA
OVE ŠKOLE: JOVANKI POPOVIĆ,
PROFESOR, IVANI HIRŠMAN, PROFE-
SOR, OLGI MILČINOVIĆ-CLEMENT
RAJKI BAKOVIĆ RAJNI KRAVAR
OVO NEKA BUDE NJIMA PRIZNANJE, A
DANAŠNJIM I BUDUĆIM GENERACIJAMA
PRIMJEĀ SAMOPRIJECORA I ŽRTVE
ZA SLOBODU I NAPREDAK ČOVJE-
ČANSTVA.

ZAGREB, AUGUSTA 1953.

NASTAVNIČKI ZBOR,
VI. GIMNAZIJE (ŽENSKE)

NA SPOMEN HILJADAMA RO-
DOLJUBA, KOJI SU U OVOJ
ZGRADI BILI MUČENI OD KRV-
NIKA GESTAPOA I USTAŠKE PO-
LICIJE PODIŽE OVU SPOMEN-
PLOČU NA DAN BORCA 4. VII. 1956. G.

ORGANIZACIJA SAVEZA BORACA
" TRGA ŽRTAVA FAŠIZMA "

С. Х. Это одна из сфер, где меньшинства используют свои конституционные права чрезвычайно продуктивным способом. Мы даже можем сказать, что они заполняют бреши в Конституции, о которых я говорила выше, а именно отсутствие признания и охраны антифашистского наследия со стороны государственных органов. Если мы взглянем на инициативы, осуществленные на институциональном уровне, то увидим, что большинство из них были воплощены силами культурных организаций этнических меньшинств или неправительственными организациями, прежде всего ветеранов партизанского движения, а также группами и индивидуальными активистами. Имеются в виду, прежде всего, инициативы по обновлению памятников или разрешению новых общественных и художественных высказываний по вопросам памяти с помощью современных инструментов.

Постоянно раздаются жалобы экспертов и особенно историков искусства по поводу того, что в эстетическом смысле памятники, построенные в последние десятилетия, сильно деградировали. При этом интерес современных художников к различным аспектам культурной памяти достаточно высок. Работы таких международно признанных хорватских мастеров, как Саня Ивекович (Sanja Iveković), Игорь Грубич (Igor Grubić), Синиша Лабрович (Siniša Labrović), Фокус Группа (Fokus Grupa), Кристина Лeko (Kristina Leko), и это лишь самые громкие имена, постоянно обращаются к этой теме. Не желая или не будучи способными (если мы посмотрим, что предлагает власть в мемориальной сфере

и какие задачи ставит перед художниками) вносить вклад и оказывать поддержку официальной политике памяти, они создают достойные работы, которые можно рассматривать, согласно вашему определению, в качестве контрмемориалов. Более того, я думаю, что в будущем именно их работы будут считаться главными памятниками, рассказывающими о нашем времени. Среди их акций: демонстративное восстановление поврежденного памятника партизанам в городе Синь (Sinj), осуществленное Лабрович, или перформанс Грубича, повязавшего бюсты партизан-героев красными банданами. Неспособность или нежелание представителей культурного мейнстрима признать эти работы в качестве современных памятников, прежде всего, говорит об их ограниченном или пристрастном понимании современного искусства и художественной активности. Это еще один случай, когда мы ясно видим, что создание памятников и культурной продукции никогда не бывает «политически невинным автономным художественным высказыванием». Вовлеченность в мемориальные практики требует политической грамотности и бдительности, и она в огромной мере сопряжена с этической ответственностью художников, архитекторов и всех остальных, причастных к процессу культурной работы.

М. П. В связи с тем, что это интервью будет опубликовано в русском журнале, уместно спросить, каковы сегодня публичные дискурсы в отношении Российской Федерации, а также СССР? Существуют ли в хорватской памяти заметные русские фигуры, кроме Сталина?

С. Х. В связи со специфической историей политических отношений между Югославией и СССР, а также с тем, что в Хорватии захоронения бойцов Красной армии не так масштабны, как, скажем, в Сербии, центральным местом хорватско-русской памяти является мемориал Батинской битве⁶, воздвигнутый на берегу Дуная на границе с Сербией. Несколько меньших по размеру монументов советским солдатам воздвигнуты в Славонии и большинство из них находится под опекой Российской Федерации. Хотя памятник в Батине — главный мемориальный проект скульптора Антуна Августинчича (Antun Augustinčić) и скульптора Драга Галича (Drago Galić) — был открыт без особой помпы как раз перед Делом Информбюро (1948), тем не менее он сохранил свой «иконический» статус в пантеоне югославских памятников. Сохранилась ценная кинохроника усилий по строительству этого памятника в пропагандистском фильме 1947–1948 гг.⁷, где задокументированы все стадии строительства памятника, задуманного в качестве дара Югославии Советскому Союзу в честь 1297 солдат Красной армии, погибших в этой битве, и в ознаменование совместной борьбы советских и югославских партизан. По причине внезапных политических перемен в советско-югославских отношениях фильм никогда не демонстрировался публично. К сожалению, если

бы Российская Федерация не приняла бы мер по восстановлению мемориала в Батине, парадоксальным образом — это редчайший случай полной реставрации памятника, посвященного Второй мировой войне, я сомневаюсь, что этот памятник был бы когда-то восстановлен и сохранен.

Насколько я знаю, памятники Сталину, как и Ленину, Марксу и Энгельсу, до 1948 г. поставить не успели, хотя было несколько замыслов и проводились публичные федеральные конкурсы масштабных монументов. Одним из предложений на конкурсе 1968 г. проектов памятника Ленину, который должен был стоять перед зданием Центрального комитета Союза коммунистов Югославии, был вдохновленный русским конструктивизмом проект загребских архитектора Андрије Мутняковича (Andrija Mutnjaković) и художника Александара Срнеца (Aleksandar Srnec), представлявший вертикальную движущуюся скульптуру. Этот проект вместе с другими был признан неудовлетворительным, и памятник так и не был воздвигнут. Насколько я знаю, единственный ростовой памятник Ленину в Хорватии стоял в эпоху социализма в жилом квартале работников металлургического комбината в городе Сисаке (Sisak), но исчез в 1990-е. То же самое произошло с бюстами Ленина,

⁶ Батинская битва (Batinska bitka), или Батинская операция (11–29 ноября 1944 г.) развернулась возле хорватского села Батина в области Баранья (Baranja) на правом берегу Дуная. Красная армия вместе с Народно-освободительной армией Югославии атаковали силы вермахта и союзников нацистов. По ряду оценок — это было самое крупное сражение Второй мировой войны на территории Югославии. В результате битвы сложились благоприятные перспективы для развертывания советского наступления на Вену и Будапешт, в то время как положение германских войск на Сремском фронте (Sremski front), проходившем на участке Среднедунайской низменности между реками Дунай и Сава, было существенно ослаблено.

⁷ Памятник благодарности Красной армии (Spomenik zahvalnosti Crvenoj armiji), автор сценария и режиссер Милан Катич (Milan Katić), Ядран фильм (Jadran film), 1948.

Памятник Батинской битве. Фото: URL: www.gov.kz/memleket/entities/mfa-zagreb/press/news/details/v-horvatii-pochtili-pamyat-voinov-pavshih-v-boyah-s-fashizmom?lang=ru

которые стояли в некоторых публичных зданиях. Приверженность своим местным героям и тот факт, что основатели коммунистического движения не были заметной частью монументальной пропаганды — это

югославская специфика, которую сейчас часто оценивают как «политическое преимущество» нашей страны. Это небесспорное заявление основано на ревизионистской и романтической идее, которая не принимает

во внимание прагматические политические причины и долгосрочные последствия геополитического позиционирования социалистической Югославии в направлении капиталистического Запада.

ЛИТЕРАТУРА

Banjeglav 2012 — Banjeglav Tamara in Darko Karačić, Tamara Banjeglav, Nataša Govedarica (eds.). *Revizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine*. Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije — Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012.

Calic 2013 — Čalić Marie-Janine. *Istorija Jugoslavije u 20. veku*. Belgrade: Clio, 2013.

Djureinović 2018 — Djureinović Jelena. *Law as an Instrument and as a Mirror of Official Memory Politics: The Mechanism for Rehabilitating Victims of Communism in Serbia* // *Review of Central and East European Law*. 2018. 43 (2). P. 232–251.

Djurašković 2016 — Djurašković Stevo. *National identity building and the „Ustaša nostalgia“ in Croatia: the past that will not pass* // *Nationalities Papers*. 2016. 44 (5). P. 772–788.

Herscher 2011 — Herscher Andrew. *Points of No Return: Cultural Heritage and Counter-Memory in Post-Yugoslavia* // Erica Lehrer, Cynthia E. Milton and Monica Eileen Patterson (eds.) *Curating Difficult Knowledge, Violent Pasts in Public Places*. London: Palgrave Macmillan, 2011.

Hrženjak 2002 — Hrženjak Juraj (ed.). *Rušenje antifašističkih spomenika u Hrvatskoj*

1990-2000. Zagreb: Savez antifašističkih boraca Hrvatske, 2002.

Jović 2017 — Jović Dejan. *Rat i mit: politika identiteta u suvremenoj Hrvatskoj*. Zaprešić: Fraktura, 2017.

Milekić 2020 — Milekić Sven. *Of Course We Don't Deny the Holocaust: Holocaust Distortion in Contemporary Croatia* // *Prism: An Interdisciplinary Journal for Holocaust Educators*. New York: Yeshiva University, 2020.

Neumayer 2018 — Neumayer Laure. *The Criminalisation of Communism in the European Political Space after the Cold War*. London: Routledge, 2018.

Narodne novine — *Constitution of the Republic of Croatia*. *Narodne novine* 56/90, 135/97, 8/98, 113/00, 124/00, 28/01, 41/01 i 55/01.

Pavlaković 2016 — Pavlaković Vjeran and Goran Korov (eds.). *Strategije simbolične izgradnje nacije u državama Jugoistočne Evrope*. Zagreb: Srednja Europa 2016..

Resolution 1096/1996 — Council of Europe Parliamentary Assembly. *Resolution 1096 (1996): Measures to dismantle the heritage of former communist totalitarian systems*, URL: assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=16507 (last accessed June 25th 2020).

Šimunković, Delač 2013 — Šimunković Mario, Domagoj Delač. *Sjećanje je borba: spomen obilježja Narodnooslobodilačke borbe i revolucionarnog pokreta na području grada Zagreba*. Zagreb: Savez antifašističkih boraca i antifašista Republike Hrvatske, 2013.

Štiks, Horvat 2015 — Štiks Igor, Srećko Horvat. *Welcome to the Desert of Post-Socialism: Radical Politics After Yugoslavia*. London: Verso, 2015.

"THE STORY OF YUGOSLAVIA IS USED AS A LESSON ON THE ACCEPTABLE VERSION OF SOCIALISM WITHOUT ITS 'NEGATIVE SIDES'".

Interview with Sanja Horvatinčić

Horvatinčić Sanja — Dr., postdoctoral researcher, Institute of Art History, Zagreb (Croatia)

Key words: memory politics; monuments; heritage studies; (post)Yugoslav space.

Abstract. As the Republic of Croatia is considered today to be the stronghold of anti-Yugoslav sentiments among (post)Yugoslav states, we look into the complexities and nuances of memory politics in this newest EU member state. Mainstream narratives are embedded in the national reconciliation policies and anti-communism emanating from Franjo Tuđman's politics in the 1990s and the Homeland war. Through historical revisionism of World War Two and the role of Ustasha movement, they profoundly influence Croatian approaches to socialist heritage. Dr Sanja Horvatinčić further elucidates the key mnemonic actors in Croatia and how the destruction and the dereliction of the monuments from the socialist Yugoslavia have been an important element in Croatian nation-building, encouraged by "anti-totalitarian" European memory activism.

4. РЕСПУБЛИКА БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА — ГОРОД МОСТАР.

«ПРАКТИКИ “ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГРАНИЦ” И ПРОЯВЛЕНИЯ СОЛИДАРНОСТИ СУЩЕСТВОВАЛИ ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ».

Интервью с М. Палмбергер

Ключевые слова: политика памяти, поколения, «югоностальгия», разделенные города, этническое разделение.

Аннотация. Поскольку Босния и Герцеговина остается страной, разделенной по этнонациональному признаку между тремя народами — босняками¹, хорватами и сербами, политика памяти «сверху» содействует этому разделению. Доктор Моника Палмбергер рассматривает все еще разделенный город Мостар как пример дискурсивных тактик, которые противостоят господствующим нарративам памяти. Для этого она использует поколенческий подход и уделяет особое внимание памяти поколения «последних югославов», подчеркивая тем самым важную роль исследований, нацеленных на выявление объединительного потенциала позитивной памяти о довоенном периоде.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-125-135

Не многие государства разделены в той же степени, что Босния и Герцеговина — страна разобщенных людей и разделенных городов. В 1991 г. в процессе изменений всего югославского общества были приняты поправки Конституции, согласно которым эта югославская республика объявлялась плюралистической демократией с рыночной экономикой. 20 декабря того же года Босния

и Герцеговина объявила о независимости от социалистической Югославии. В 1992 г. она была признана мировым сообществом в качестве суверенного государства. В этом же году началась война, длившаяся три года. Дейтонское мирное соглашение, подписанное в Париже 14 декабря 1995 г., положило конец войне и установило новые конституционные рамки. Сегодня Босния и Герцеговина

© Историческая Экспертиза, 2020

Палмбергер Моника — стипендиат программы Элизе Рихтер, Департамент социальной и культурной антропологии Венского университета (Австрия)

¹ Босняки — этническая группа, боснийцы — граждане Боснии и Герцеговины.

состоит из двух основных образований — Республики Сербской, с преимущественно сербским населением, и Федерации Боснии и Герцеговины, разделенной на десять кантонов, где босняки и хорваты составляют большинство. Кроме того, существует независимый округ Брчко, находящийся под международным управлением. Сложное устройство боснийской государственности, до сих пор находящейся в зависимости от внешних сил, воспринимается как серьезное, порой даже непреодолимое препятствие для развития страны.

Три государствообразующих народа — босняки, хорваты и сербы — представлены тремя господствующими партиями, образованными по этническому признаку. Вопреки решению Европейского суда по правам человека относительно дела Сейдич — Финци (Sejdić — Finčič)², все остальные этнические общины в стране подвергаются дискриминации в качестве «Других». Политические партии за редкими исключениями представляют «главные этнические группы, подчеркивая свою ответственность только перед членами своего этноса, а не перед всеми гражданами страны» (Kapidžić 2020: 82). Такая политическая среда, в которой преобладают националистические дискурсы, создала партийные подсистемы, выстроенные по этническому принципу. Поэтому голосование за представителей другого этноса (cross-ethnic voting) не-

возможно даже вообразить (Kapidžić 2017). В ситуации, когда 60% молодых людей остаются безработными (Turčilo et al. 2019: 11), этническое разделение общественного организма и этнически ориентированная партийная политика «просачиваются» в политику памяти.

По справедливому утверждению Никласа Молла (Nicolas Moll), ландшафт памяти Боснии и Герцеговины характеризуется «фрагментацией, сосуществованием и соревнованием различных нарративов и политик памяти» (Moll 2013: 911). Каждый из трех государствообразующих народов создает свою политику памяти, вне зависимости от того, о каких исторических событиях идет речь: о средневековой Боснии либо о войне 1990-х. Повествование о государственном континуитете ведется с разных «укрепленных позиций» (anchoring points), антифашистская традиция Второй мировой войны «этнизруется» и присваивается, общегосударственный нарратив отсутствует.

Город Мостар является центром одного из десяти кантонов Федерации Боснии и Герцеговины. Он считался одним из наиболее полиэтничных городов социалистической Югославии. После войны город остается строго разделенным по этническим линиям. Граница между общинами босняков и хорватов проходит по реке Неретве, ставшей границей

² Дерво Сейдичу и Якобу Финци, имеющим, соответственно, цыганское и еврейское происхождение, было запрещено участвовать в президентских выборах, поскольку они не идентифицировали себя ни с одной из «общин». Accessed 13 May 2020. См.: Sejdić and Finčič — After 10 years of absence of progress, new hopes for a solution for the 2022 elections // Council of Europe. 22.12.2019. URL: www.coe.int/en/web/execution/-/sejdic-and-fincic-after10-years-of-absence-of-progress-new-hopes-for-a-solution-for-the-2022-elections.

между двумя господствующими политиками памяти. Этнонационалистические нарративы памяти носят конфликтный и антиюгославский характер. Последний инцидент — разрушение надгробных памятников Мемориального кладбища партизанам — произошел в Мостаре в апреле 2020 г. Даже режим изоляции, установленный в связи эпидемией Ковид-19, не остановил войны памяти³. Фашистские граффити и разрушение памятников событиям Второй мировой войны — не редкость для постсоциалистического времени и пространства. При этом идет процесс реабилитации так называемого Независимого хорватского государства, улицы в западной (хорватской) части Мостара переименовываются в честь лидеров режима усташей⁴ (Ibid.: 920).

Попытка создать универсальный символ, а именно установка в 2005 г. памятника Брюсу Ли, указывающему рукой на линию, разделяющую город, не увенчалась успехом. Монумент был вскоре разрушен и с тех пор не восстановлен (Ibid.: 925). Тем не менее остается надежда, что, вопреки разделяющим нарративам, совместными усилиями удастся создать мнемоническую солидарность.

В данном интервью доктор Моника Палмбергер представляет свой взгляд на происхождение и смысл вышеобозначенных проблем, прежде всего, применительно к Мостару.

Палмбергер получила степень доктора Оксфордского университета за работу, основанную на долгосрочных полевых исследованиях памяти и поколенческой проблематики не только в послевоенном Мостаре, но и в Боснии и Герцеговине в целом. В настоящее время она является стипендиатом фонда Элизы Рихтер в Венском университете и научным сотрудником в Центре исследований межкультурных связей, миграций и меньшинств в университете Лёвена (Бельгия). Она является главным исследователем (principal investigator) в «Многофункциональном центре заботы и обучения мигрантов информационным и коммуникационным технологиям (REFUGEEICT — Multi-local Care and the Use of Information and Communication Technologies Among Refugees), проекте, поддержанном Австрийским научным фондом (FWF). Ранее доктор Палмбергер была стипендиатом фонда Герты Фирнберг (Hertha Firnberg Fellow) и главным исследователем проекта «Расставляя памяти по местам: пожилые трудовые мигранты в Вене» (Placing Memories: Ageing Labour Migrants in Vienna), также поддержанном Австрийским научным фондом; научным исследователем Института по изучению религиозного и этнического разнообразия в Гёттингене при Обществе Макса Планка; а также приглашенным профессором в Центре исследований межкультурных связей, миграций и меньшинств в университете Лёвена.

³ Partizansko groblje u Mostaru ponovo meta vandala // BHRT. 10.04.2020. URL: bhrt.ba/1128974/partizansko-groblje-u-mostaru-ponovo-meta-vandala/ Accessed 13.05.2020.

⁴ Хорватское фашистское движение, основанное в 1929 г. Анте Павеличем при поддержке итальянских фашистов. Во время Второй мировой войны усташа создали так называемое Независимое хорватское государство, находившееся в полной зависимости от нацистов.

Исследования Палмбергер опубликованы во многих международных рецензируемых журналах: *Journal of Ethnic and Migration Studies*, *International Journal of Comparative Sociology*, *Space and Polity*, *Identities and Focaal*. Кроме того, она является автором и соредактором следующих книг: *How Generations Remember: Conflicting Histories and Shared*

Memories in Post-War Bosnia and Herzegovina (Palgrave Macmillan, 2016); *Memories on the Move: Experiencing Mobility, Rethinking the Past* (Palgrave Macmillan, 2016, with Jelena Tosic); *Care Across Distance: Ethnographic Explorations of Aging and Migration* (Berghahn, 2018, with Azra Hromadzic).

Вопросы и введение Милицы Попович. Париж — Вена, 01.08.2020.

М.П. В вашей книге «*How Generations Remember: Conflicting Histories and Shared Memories in Post-War Bosnia and Herzegovina*» («Как поколения помнят: Конфликтующие истории и общие памяти в послевоенной Боснии и Герцеговине»), вышедшей в издательстве Палгрэйв Макмиллан в 2016 г., вы используете поколенческий подход к обсуждению стратегий и тактик памяти, которые вы понимаете в духе Мишеля де Серто как индивидуальные усилия жителей разделенного города Мостар придать смысл своим идентификациям и повествованиям. В своей работе вы доказываете, что память невозможно свести к процессам, идущим сверху вниз. Как бы вы описали нарративы индивидуальной и коллективной памяти в сегодняшней Боснии и Герцеговине? Как они взаимодействуют, и каков вклад индивидов в «тканье» публичных нарративов памяти? Конфликтуют ли личные памяти о социалистической Югославии с государственной политикой памяти?

Мон.П. Большинство научных и медиа-дискуссий по поводу памяти

в государствах-наследниках Югославии сосредоточены на том, что мы называем «публичной памятью», которая активно пропагандируется в том числе политиками, журналистами и историками. Поэтому многообразие индивидуальных позиций по отношению к прошлому исследовано в незначительной мере. Этот односторонний взгляд рисует картину политики памяти как процесс, идущий сверху вниз. В процессе полевых исследований в Мостаре я заметила, что люди не просто противостоят изменениям политического контекста и политики памяти, но они таким образом стремятся согласовать их со своим личным опытом прошлого. Поэтому их реконструкции прошлого более изменчивы, чем созданные профессионалами, пишущими официальную национальную историю. Для того чтобы «уловить» эти нюансы, я применила к своей работе различия между стратегией и тактикой, предложенные Мишелем де Серто (*de Certeau* 1984). Я показываю, какие дискурсивные стратегии применяются теми, кто объявляет себя представителями нации, чтобы проповедывать «правильную» (легитимную) версию национальной исто-

рии. Дискурсивные тактики используются индивидами, чтобы создать собственное пространство в поле власти. В конечном счете индивидуальные памяти должны оставаться более гибкими, чем публичные нарративы прошлого. Тогда как последние являются стратегическими, то первые могут быть описаны как ориентированные на конкретные задачи (target-seeking). Это прекрасно видно в случае памяти о социалистической Югославии. Персональные памяти намного более двусмысленны и порой конфликтуют с публичными нарративами социалистической Югославии. Поэтому, отвечая на ваш вопрос, да — персональные памяти о социалистической Югославии временами конфликтуют с государственной политикой памяти. Это особенно справедливо для поколения, которое я именую «последние югославы».

В ходе полевых исследований в Мостаре (2005–2008) я поняла, что «последние югославы» — это поколение, которое обнаруживает, что находится в промежуточном положении между старыми и новыми политическими воззрениями, и которое весьма своеобразно действует, когда сталкивается с противоречиями по поводу собственного прошлого и прошлого родных городов. Так, война 1992–1995 гг. всеми моими респондентами воспринималась как биографический разрыв, но данное поколение ощущало этот разрыв в гораздо большей мере (*Palmberger* 2013b). Сравнивая «первых югославов», переживших Вторую мировую войну и трудности послевоенного периода, и «постъюгославов», которые были детьми во время войн 1990-х

и не обладали личным опытом жизни в Югославии, с «последними югославами», необходимо сказать, что это поколение выросло в сравнительно стабильных условиях. Когда началась война, «последние югославы» либо уже обладали собственным жильем и делали карьеры, либо были на пороге этого. Реальные жизненные ситуации, в которых представители этого поколения находились к началу войны, играют ключевую роль в понимании их дискурсивных тактик. Война и кардинальные социальные преобразования сыграли решающую роль в биографиях представителей всех поколений, но «последние югославы» рассматривали эти события как глубочайший перелом их жизнью.

Тактики этого поколения переключаются между двумя дискурсами: первый — яркие позитивные воспоминания о жизни в Югославии, второй — защита того пути «развития нации», который привел к разделению Мостара. Разрыв, причиненный войной и концом социалистической Югославии, не только разделил жизни «последних югославов» на до и после войны, но и проник в совокупность их нарративов, спецификой которых является недостаток убежденности (*lack of conclusiveness*).

Интересный вопрос: как интегрировать хорошие памяти о (довоенном) прошлом с памятьми о конфликтах и войне? Это тот вопрос, с которым наверняка сталкиваются все люди, живущие в Боснии и Герцеговине. Иногда они приходят к выводу, что не могут доверять собственной памяти об югославском прошлом. Таков случай молодой женщины

из Мостара, которая недвусмысленно охарактеризовала себя как хорватку, изучавшую хорватский язык в университете, расположенном в хорватской части города. Ее детство пришлось на последние годы Югославии. Этот период жизни она вспоминала с заметной ностальгией. В центре ее памяти были многоквартирный дом, где она выросла, и добрососедские отношения жильцов (*komšiluk*). Соседи различного этнического происхождения жили дружно, ходили друг к другу в гости, а их дети играли вместе. Эти воспоминания были не только дороги ей, но и представляли вызов. Время от времени она переставала доверять собственной памяти и начинала думать, что взрослые только притворялись друзьями и лишь дети дружили искренне, поскольку не знали о своих этнических различиях.

Публичное выражение ностальгических чувств по поводу Югославии можно также увидеть в дискуссиях по переименованию улиц. Так, жители Сараево активно протестовали против переименования улицы Маршала Тито в честь первого президента Боснии и Герцеговины Алии Изитбеговича. Это один из случаев, когда решение культурных, академических и политических элит относительно того, что надо вспоминать публично, а по поводу чего следует хранить молчание, не нашло отклика у значительной части жителей Сараево (*Palmberger 2018*).

М. П. Каким образом, если перейти на локальный уровень, различные нарративы памяти взаимодействуют в разделенных городах? Вы исследовали практики по созданию

городских «мест памяти». Как вы считаете, они усиливают или ослабляют разделение городов по этническому принципу?

Мон.П. Для ответа мне необходимо вернуться к молодой хорватке, о которой я уже говорила. Она и другая молодая женщина, которая определяла себя в качестве боснячки, часто навещали меня. Однажды, когда мы вдвоем встретились у меня дома, боснячка соблюдала пост, т.к. было время Рамадана. Хорватка не знала об этом и спросила вторую мою гостью, почему она не хочет отведать с нами кофе с тортом. Когда она узнала причину, наступила неловкая тишина. Потом они прервали молчание и начали делиться детскими воспоминаниями об Югославии, о том, какие сладости им тогда нравились и с каким восторгом они вступали в ряды юных пионеров Тито. Это был не единственный случай из моего опыта, когда общая память об Югославии помогала преодолеть нынешние этнонациональные расхождения (*Palmberger 2008*).

Надо сказать, что в городе существует всего несколько мест, где босняки и хорваты могут встречаться, и еще меньше, где они могут обмениваться различными точками зрения по поводу опыта прошлого. Босняки и хорваты обучаются отдельно по различным школьным и университетским программам. Им предлагаются противостоящие нарративы истории их родных мест, особенно повествования о Второй мировой войне, об Югославии эпохи Тито и о войне 1990-х. Существуют инициативы по созданию учебников, представляющих разные точки зрения.

Есть несколько публичных мест, которые позиционируются как места для встреч всех горожан Мостара, но это большая редкость.

Тем не менее не стоит недооценивать силу позитивных памятей о довоенном периоде. Мои работы демонстрируют, что позитивные памяти о довоенных межэтнических отношениях обладают мощным интеграционным потенциалом. Я имею в виду не только физическое пересечение границ, но и более метафорические значения, например вопрошание по поводу «примата» национальной идентификации. Подобные акты пересечения границ в столь значительной мере опираются на позитивные памяти о довоенных межэтнических отношениях, что в послевоенные годы их постоянно воскрешают, с целью восстановить эти отношения. Моя работа содержит предложения по усилению интегративного потенциала таких памятей. Для этого требуется уделять им большее внимание, рассматривая их не только как правдивую и ценную интерпретацию прошлого, но и как часть местного наследия, обладающую объединительным потенциалом (PalMBERGER 2013a).

М.П. Как различаются реакции основных религиозно-этнических общин Боснии и Герцеговины на события Второй мировой войны и создание социалистической Югославии?

Мон.П. Господствующий дискурс босняков — представление себя в качестве жертв — прежде всего связан с событиями 1992–1995 гг., а потом уже с периодом Второй мировой

войны. Господствующий дискурс хорватов сосредоточен в первую очередь на памяти о титовском периоде подавления как хорватской нации, так и католической религии, а также на памяти о многовековой борьбе хорватов за национальное освобождение. На мой взгляд, боснийский и хорватский дискурсы концентрируются на разных исторических периодах.

В господствующем боснийском дискурсе война 1990-х представлена исключительно как время страданий мирных жертв. В этом нарративе хорваты и сербы воспринимаются как угроза боснийской нации, т.к. два этих народа отрицают право босняков на государственную независимость. Себя же босняки изображают как нацию, которая уважает права других народов. Необходимо отметить, что Вторая мировая война рассматривается, в том числе и в школьных учебниках, в «связке» с недавней войной. Авторы учебников внушают, что война 1990-х может быть объяснена и, может быть, даже была предвосхищена событиями прошлого, а именно длящейся десятилетиями, если не столетиями, враждебностью хорватов и сербов по отношению к боснякам.

В господствующем хорватском нарративе социалистическая Югославия представлена как темное прошлое, которое было необходимо преодолеть в целях национального освобождения. Эпоха Тито выступает как время подавления хорватской нации, а война 1990-х — как время окончательного освобождения. Этот нарратив не привлекает внимание к участию хорватов в социалистическом

проекте Тито. Война за независимость 1991–1995 гг. (*domovinski rat*), согласно данному нарративу, принесла освобождение. При этом полная независимость была достигнута только хорватами Хорватии, но не хорватами, проживающими в Боснии и Герцеговине. В дискурсе освободительной борьбы хорватской нации преступления так называемого Независимого хорватского государства в годы Второй мировой войны замалчиваются, или им отводится незначительная роль.

М.П. В чем, по вашему мнению, состоит специфика памяти Боснии и Герцеговины?

Мон.П. Из-за войны мы как-то забыли, что народ Боснии и Герцеговины пережил еще и глубочайшие социальные и экономические перемены. Даже специалисты в области социальных наук чаще всего не учитывают этот аспект. В моей работе о памяти поколений различный жизненный опыт, который охватывает более ранние, чем война 1992–1995 гг., периоды и основанные на этом опыте различия памяти играют решающую роль в том, что я именую «поколенческим позиционированием». Если вернуться к поколению «последних югославов», то, как я уже говорила, они выросли в относительно стабильной, по сравнению с предшествующим и последующим поколениями, политико-экономической ситуации. Для «последних югославов» одной из главных, если не важнейшей, из сегодняшних забот является чрезвычайно ограниченный рынок рабочих мест в Мостаре. Многие общественные предприятия обанкротились из-за войны, утраты

рынков и отъезда многих квалифицированных работников. Переход от югославской экономики с ее социалистическим рынком к неолиберальной капиталистической экономике безжалостно ударил по жизненному укладу «последних югославов». Утрата социальных гарантий и экономического благосостояния прямо сказались не только на их быте, но и на том, как они вспоминают более ранние времена. Память об Югославии жестко увязана с опытом безопасности. Говоря о сегодняшней необеспеченной жизни в Мостаре, некоторые даже утверждают, что в годы недавней войны проблем было меньше, хотя подобные утверждения и отдают цинизмом. Один из «последних югославов» сказал мне, что во время войны было легче, поскольку тогда люди думали лишь о выживании, а не о том, как оплатить счета за электричество.

М.П. Исходя из долговременной исторической перспективы, могли бы вы сказать, насколько актуальны и (или) уместны в современной Боснии и Герцеговине колониальные нарративы об Австро-Венгерской и Оттоманской империях? Существует ли то, что Боян Баскар (Bojan Baskar) назвал «австроностальгией», хотя бы среди старших поколений?

Мон.П. Да, я встречала несколько человек, в основном преклонного возраста, с глубокой ностальгией вспоминавших империю Габсбургов. Особенно запомнились двое.

Одного из них — глубокого старика — я встретила в Сараево. Он родился на исходе оккупации Боснии

Габсбургами, и, когда он был ребенком, отец каждое лето отправлял его в Австрию практиковаться в немецком. Мы встретились в историческом центре Сараево в кафе, именуемом *Wiener Café*, где он смаковал венский *Sachertorte* (типичный венский шоколадный торт) и делился своими воспоминаниями. Мне как австрийке было любопытно встретиться с австроностальгией старого босняка, который вспоминал далекие времена, разговаривая на австрийском диалекте немецкого, и чьи манеры вызывали в памяти так называемую венскую школу.

С другим пожилым босняком я познакомилась в Мостаре и тесно общалась с ним в течение нескольких лет. Он был учителем немецкого языка на пенсии, и у него часто квартировали немецкоязычные студенты. Его тесная связь с немецким языком включала и причастность к истории Габсбургов, о которой он «вспоминал» как хорошем периоде в жизни не только Мостара, но и Боснии и Герцеговины в целом. В отличие от сараевского старца, у него не было непосредственной памяти о том времени, но он приводил рассказы старших членов семьи. Несколько раз мне посчастливилось прогуляться с ним по Мостару. В ходе этих прогулок он показывал мне общественные здания эпохи Габсбургов и хвалил инфраструктуру, созданную в тот период. Он уверял меня, что жители Мостара отговаривали эрцгерцога Франца Фердинанда от поездки в Сараево, но тот не прислушался к ним.

М. П. Увы, Франц Фердинанд поехал в Сараево, где был убит Гаврило Принцип. Принципа считают

то террористом, то борцом с колониализмом. Как эти нарративы пересекаются в контексте Первой мировой войны и сараевских событий 1914 г.?

Мон.П. С учетом рассказов двух пожилых людей, которые ностальгировали по империи Габсбургов, неудивительно, что существуют те, кто видит в Принципе скорее террориста, чем борца за свободу. Наиболее интересным здесь, на мой взгляд, является переосмысление его покушения под влиянием постъюгославского контекста политики памяти. Я хорошо помню беседу с женщиной, родившейся в конце 1960-х. Однажды, когда мы сидели с ней в кафе, она совершенно серьезно сказала, что сожалеет о прежнем согласии с версией своего школьного учебника истории, прославлявшего убийцу Франца Фердинанда. Теперь, сказала она, ей жалко и эрцгерцога, и его супругу Софию.

М. П. Обратимся от прошлого к будущему, в какой мере городские нарративы памяти отражают надежды жителей Мостара?

Мон.П. Мои основные полевые исследования проводились с 2005 по 2008 г., т.е. я начала их десять лет спустя после войны. Сейчас прошло уже двадцать пять лет после ее окончания. В ходе моих недавних посещений я обратила внимание, что негативный взгляд на будущее Мостара чрезвычайно усилился. Если в 2005 г. экономические и политические проблемы можно было списать на войну, то в 2020 г. ситуация воспринимается как тупиковая. Даже те несколько знакомых мне молодых

людей, которые клялись, что никогда не покинут обожаемый город Мостар, уехали из страны, потому что не усматривают более здесь надежд на успешное будущее.

Тем не менее было бы ошибкой исследовать только то, что сегодня не работает, и обращать внимание исключительно на обстоятельства, создающие социальное напряжение и разделяющие город. Существуют акты сопротивления государственной политике памяти, практики «переченения границ» и солидарности, основанные на общих идентификациях, которые существовали до нынешнего разделения по этнонациональному принципу. Из историй, которые мне рассказывали люди, я узнала, что эти практики не исчезали даже во время войны, а я их наблюдала десять лет спустя после войны. И я счастлива, что возникло новое поколение исследователей, которые движутся в этом направлении. Их работы показывают, что Мостар, подобно другим «разделенным» городам, это много больше, чем конфликт, национализм и в конечном счете этническое разделение (см. специальный выпуск о Мостаре в *Space and Polity*, edited by Carabelli et al., 2019, Issue 2).

ЛИТЕРАТУРА

de Certeau 1984 — *De Certeau Michel*. The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.

Kapidžić 2017 — *Kapidžić Damir*. Segmentirani stranački sustav Bosne i Hercegovine // *Političke perspektive: časopis za istraživanje politike*. 2017. Vol. 7. № 1-2. P. 71–201.

Kapidžić 2020 — *Kapidžić Damir*. Subnational competitive authoritarianism and power sharing in Bosnia and Herzegovina // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2020. 20:1. P. 81–101.

Moll 2013 — *Moll Nicolas*. Fragmented memories in a fragmented country: memory competition and political identity-building in today's Bosnia and Herzegovina // *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41. № 6. P. 910–935.

Palmberger 2008 — *Palmberger Monika*. Nostalgia Matters: Nostalgia for Yugoslavia as Potential Vision for a Better Future // *Sociologija*. 2008. Vol. 50. № 4. P. 355–370. O MLADIM JUGOISTOČNE EVROPE

Palmberger 2013a — *Palmberger Monika*. Practices of Border Crossing in Post-War Bosnia and Herzegovina: The Case of Mostar // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2013. Vol. 20. № 5. P. 544–560.

Palmberger 2013b — *Palmberger Monika*. Ruptured Pasts and Captured Futures: Life Narratives in Post-War Mostar // *Focaal. Journal of Global and Historical Anthropology*. 2013. №. 66. P. 14–24.

Palmberger 2018 — *Palmberger Monika*. Renaming Streets and Nationalizing Public Space: The Case of Mostar, Bosnia-Herzegovina // R. Rose-Redwood, D. Alderman, and M. Azaryahu (eds.) *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics, and Place*. London: Routledge, 2018. P. 168–184.

Turčilo et al. 2019 — *Turčilo et al.* *Studija o mladima — Bosna i Hercegovina 2018/2019*. Sarajevo: Friedrich Ebert Stiftung, 2019.

“THERE ARE PRACTICES OF ‘BORDER CROSSING’ AND ACTS OF SOLIDARITIES BEFORE, DURING AND AFTER THE WAR”.

Interview with Monika Palmberger

Palmberger Monika – Elise Richter Research Fellow and Lecturer, Department of Social and Cultural Anthropology, University of Vienna (Austria)

Key words: memory politics; generations; Yugonostalgia; divided cities; ethnic divisions.

Abstract. Monika Palmberger: “There are practices of ‘border crossing’ and acts of solidarities before, during and after the war”. As Bosnia and Herzegovina remains a country institutionally-divided on an ethno-national basis between its three constituent peoples – Bosniaks, Croats and Serbs, top-down memory politics encourage these divisions. Using the still divided city of Mostar as an example, Dr. Monika Palmberger gives insight into the discursive tactics opposing hegemonic memory narratives, through a generational approach and focusing on the generation of the Last Yugoslavs, thus underlining the importance of studying the integrative potential of positive memories of the pre-war period.

5. РЕСПУБЛИКА ЧЕРНОГОРИЯ.

«В 1960–1980-е ДУХОВНЫЕ НАСЛЕДНИКИ ЧЕРНОГОРСКИХ ЧЕТНИКОВ ПРИДЕРЖИВАЛИСЬ СУГУБО ПРОАМЕРИКАНСКИХ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ. СЕЙЧАС ОНИ С ТОЙ ЖЕ СТРАСТЬЮ ПОДДЕРЖИВАЮТ РОССИЮ КАК БАСТИОН ПРАВОСЛАВИЯ И АНТИГЛОБАЛИЗМА».

Интервью с М. Вукановичем

Ключевые слова: политика памяти, Черногория, ревизионизм, учебники, музеи, архивы.

Аннотация. Недавняя историческая победа трех оппозиционных блоков в ходе парламентских выборов в Черногории отражает многолетнюю историю растущего недовольства правлением Мило Джукановича и его Демократической партией социалистов, которое вылилось в требования отставки. Более трех десятилетий этот режим продвигал неолиберальную рыночную экономику, «зачумленную» вопиющей коррупцией, в сочетании с амбивалентной национальной идеей, построенной на таких несовместимых идеалах, как романтический черногорский национализм и государство гражданской нации. В своем интервью магистр Милош Вуканович (Miloš Vukanović) обсуждает дискуссии в сфере политики памяти, порожденные данной политикой социального разобщения. Прежде всего, речь идет о месте, занимаемом коллективной памятью в структурах среднего и высшего образования, музеологии и архивного дела.
DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-136-158

© Историческая Экспертиза, 2020

Вуканович Милош — бывший исп. директор Национального музея Черногории, советник Центра гражданского образования Черногории, координатор Ассоциации преподавателей истории Черногории, Подгорица (Черногория)

Черногория объявила о независимости 3 июня 2006 г., после того, как в пользу этого решения высказались 55% участников национального референдума (Morisson 2018: 130). Референдум стал итогом постоянно ухудшавшихся отношений между правительствами Черногории и Сербии, которые после распада в 1991 г. Социалистической Федеративной Республики Югославия составляли союзное государство. В период 1992–2003 гг. оно именовалось «Федеративная Республика Югославия», а в 2003–2006 гг. — «Сербия и Черногория». Декларация о независимости Черногории сопровождалась обещаниями правительства продвигаться по пути демократизации, либерализации экономики, вступления в НАТО и европейской интеграции. К 2006 г. такие планы не были новостью для международного сообщества, т. к. нынешний президент страны, ветеран черногорской политики Мило Джуканович, который является одним из главных защитников идей черногорской государственности, постоянно делал подобные заявления с 1996 г. (Gallagher 2003).

Отношение Черногории к дезинтеграции социалистической Югославии решительно изменилось на протяжении последнего десятилетия XX в. В начале 1990-х черногорское правительство поддерживало Сербию, стремившуюся сохранить целостность Югославии. Одним из проявлений этого стала активная роль черногорцев в военной операции в Дубровнике в 1991 г. (Lukic 2001; Gallagher 2003). В последующие годы агрессивная националистическая повестка президента Сербии (1989–1992) и Федеративной

Республики Югославия (1992–1997) Слободана Милошевича столкнулась с нарастающим неприятием международного сообщества, что низвело истощенную войной страну до положения пария. Чрезвычайно непривлекательный образ «обкромсанной» (gump) Югославии открыл путь черногорскому национальному проекту (Gallagher 2003). Этой возможностью воспользовалась часть черногорских элит во главе с Джукановичем, который за три десятилетия политической карьеры «из самого молодого европейского премьер-министра и коммуниста превратился вначале в сербского националиста и союзника Слободана Милошевича, а потом стал поборником независимой Черногории и гарантом как европейской интеграции страны, так и региональной стабильности» (Marović 2019)

После финансового кризиса 1993 г. протее Милошевича Джуканович начал критиковать экономическую и международную политику своего покровителя. К 1997 г. их разногласия привели к решительному расколу. Этот конфликт совпал по времени с размежеванием внутри партии Джукановича (Демократическая партия социалистов (ДПС) Черногории, преобразованная из Союза коммунистов Черногории), что привело к преобладанию возглавляемой им фракции и его победе на президентских выборах (Džankić, Keil 2017). Первый президентский срок Джукановича был отмечен стремлением получить поддержку независимости Черногории со стороны международного сообщества и (пост)югославских республик. С этой целью было заявлено, что черногорцы имеют

иную, чем сербы, национальную идентичность. Прагматические шаги включали переговоры с правительством США, занятие направленной против Милошевича отчетливо пронаатовской позиции во время войны в Косово в 1999 г. и такие экономические меры, предпринятые в том же году, как учреждение собственной таможни и введение немецкой марки в качестве официальной валюты Черногории. Джуканович не только объявил себя «модернизатором» и «технократом», который стремится демократизировать Черногорию по западным образцам, в 2000 г. он стал первым (пост)югославским политиком, который принес официальные извинения Хорватии за злодеяния, которые черногорские солдаты и резервисты совершили в этой стране во время югославских войн (*Gallagher 2003; Morrison 2018: Chapter 7*).

К концу 1990-х на международном уровне признавалось, что Черногория подвержена «словенскому синдрому» (*Gallagher 2003*), под которым понималось стремление к выходу из федерации с Сербией, которая все больше теряла свою привлекательность и эффективность. Кроме того, доводы Черногории в пользу независимости опирались на основанную в XVII в. династией Петровичей-Негошей традицию государственности, которая получила международное признание на Берлинском конгрессе 1878 г. (*Saggau 2017*). Тем не менее международное сообщество долго воздерживалось от поддержки распада Федеративной

Республики Югославии, особенно после падения режима Милошевича в 2000 г., когда возникла надежда на возобновление сербско-черногорских отношений в рамках федерации, т.к. существовали опасения, что распад может осложнить ситуацию в Косово, которое после войны 1999 г. стало протекторатом ООН (*Morrison 2018: 119*).

Падение режима Милошевича в 2000 г. не привело к улучшению отношений внутри федерации, которая с 1999 г. де-факто разделилась на два параллельных государства. В 2003 г. она изменила название на «Сербию и Черногорию». Результаты референдума о независимости 2006 г. открыли двери будущему, о котором Джуканович вещал с середины 1990-х. В 2017 г. Черногория присоединилась к НАТО, выполнив одну из задач по обретению независимости, но процесс присоединения к ЕС, начавшийся в 2006 г.¹, сегодня находится под угрозой в связи с озабоченностью международных структур состоянием государственного управления.

ДПС Джукановича, которую Флориан Бибер охарактеризовал как «партию без отчетливого идеологического лица» (*Bieber 2010*), правила со времени учреждения многопартийной системы в 1990 г. и впервые потерпела поражение в ходе одиннадцатых парламентских выборов, состоявшихся 30 августа 2020 г. ДПС была побеждена альянсом трех оппозиционных формирований (консервативный просербский блок «За

¹ Переговоры по поводу Соглашения о стабилизации и ассоциации (Stabilisation and Association Agreement) начались в 2006, соглашение было подписано в 2007 и вступило в силу в 2010.

будущее Черногории», центристский блок «Мир — это наша нация» и коалиция социального прогресса «Черное на белом») в результате более чем десятилетней обоснованной критики «непрозрачного» управления страной, основанного на вопиющей экономической коррупции. Правительство Джукановича упорно игнорировало эти обвинения, раздававшиеся со стороны не только оппозиции, но и международного сообщества.

Черногорские власти официально всегда заявляли о своей приверженности к полиэтничности и религиозному плюрализму. Эти модные словечки (buzzwords) преследовали цель интегрировать этнические меньшинства (албанцев, босняков, черногорцев-мусульман и сербов) в черногорский национальный проект, поэтому ими пронизаны заявления правящих политических элит Черногории (Pavlović 2016). На основании этих туманных слов невозможно прийти к ясным выводам о содержании государственной политики в этом направлении, но ими постоянно щеголяют в ходе долгих и напряженных дискуссий. Вопреки формальным заявлениям Джукановича о приверженности демократии, технократии и модернизации, вопреки тому, что Черногория в Конституции объявлена «государством всех ее граждан», различные политические силы (stakeholders) постоянно продвигают свои повестки, используя националистическую риторику (Vachudova 2019; Morrison 2018: Chapter 10), подражая тем самым националистическим тенденциям ДПС.

Общественное мнение Черногории отличает трепетное отношение к эпо-

хе социалистической Югославии, которая воспринимается как время экономического развития и прогресса (Stojanović 2016). Об этом напоминают не только неизменные названия улиц и охраняемые памятники, но также ностальгические отсылки к социалистическому наследию. Одна из них — использование социалистического названия столицы (Титоград) в наименовании продуктов различного рода (Morrison 2018: Chapter 10). С позитивными оценками социализма соседствуют «подводные течения» национализма. Зарождавшийся черногорский национализм, продвигавшийся политическими элитами с середины 1990-х, (пере)изобрел себя на перекрестке романтической мифологии XIX в. и избирательных воспоминаний об югославском периоде истории страны, которые широко использовались государственными СМИ для укрепления режима Джукановича. Однако результаты недавних выборов показывают, что раздающиеся годами громкие обвинения режима в преступной деятельности (Marović 2019; Džankić, Keil 2017) не могут быть полностью нейтрализованы медийной политикой.

Трудно предсказать, каким образом новая идеологически разнородная оппозиция сможет повлиять на дальнейшее развитие национального воображения в Черногории, но необходимо отметить, что националистические настроения присущи всему политическому спектру. Популистский Демократический фронт, тесно связанный с Сербской православной церковью (СПЦ), который в качестве главной силы блока «За будущее Черногории» будет

играть важную роль в правящей коалиции, представляет один из наиболее очевидных примеров подобных тенденций.

В настоящем интервью магистр Милош Вуканович обсуждает намеченные здесь темы в широком историческом контексте и проливает свет на то, как они отзываются в повседневной практике среднего и высшего образования и в научной среде. Вуканович является советником Центра гражданского образования Черногории и одним из основателей Ассоциации преподавателей истории Черногории. Он является историком со степенью магистра в области международных отношений, полученной в 2016 г. в Черногорском университете (Подгорица), а также обучался музеологии в 2017 г. в Европейском колледже Йенского университета (Германия). Его работа в области исторического образования сосредоточена на вопросах музеологии, преподавания и выставочной деятельности применительно к процессам познания истории XX в. в постконфликтных обществах. В 2011–2018 гг. Вуканович был куратором Исторического музея в составе Национального музея Черногории и внес большой вклад в создание новой постоянной экспозиции. Он также сотрудничал

с Европейской ассоциацией преподавателей (EUROCLIO) в качестве координатора и редактора от Черногории и был послом этой ассоциации в своей стране. В качестве эксперта и консультанта он участвует в проектах, поддерживаемых такими межправительственными и неправительственными организациями, как Совет Европы, Совет регионального сотрудничества (Regional Cooperation Council), Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов в Гааге (International Residual Mechanism for Criminal Tribunals in the Hague), Международный совет музеев (International Council of Museums, ICOM), Историческая мастерская Европы (Geschichtswerkstatt Europa), Документа (Documenta), Топография террора (Topography of Terror), Яхад ин Унум (Yahad in Unum), Центр демократии и примирения в Юго-Восточной Европе (Center for Democracy and Reconciliation in Southeast Europe, CDRSEE). Его размышления по поводу исторического образования в Черногории регулярно публикуются в учебных изданиях Центра аттестации и образования (The Center for Credentialing & Education) и других медиа, в том числе в онлайн-журнале «Европиан палс» (European Pulse).

Вопросы и введение Наталии Майсовой. Брюссель — Любляна — Подгорица, 03.04.2020.

Н. М. Ваша деятельность имеет большое социальное значение, т. к. нацелена на внедрение находок, сделанных современными исследователями памяти, в образовательные программы. Ваши публикации вызывают

серьезные дискуссии среди черногорских историков и представителей институтов, причастных к политике памяти, одна из них — СЦП. Каковы, по вашему мнению, главные цели черногорских учебников истории для

начальной и средней школы и какого рода культуру национальной памяти они поощряют?

М. В. Согласно стандартам, которые были установлены примерно 15 лет назад в соответствии с рекомендациями Совета Европы, черногорские учебники должны сочетать международные и национальные сюжеты, что повлекло разделение учебных программ на национальную, региональную и глобальную истории. Кроме того, школьные учебники на протяжении этих 15 лет руководствуются указаниями Совета Европы по развитию умений и других качеств, приобретаемых в процессе обучения. Наряду с этим Министерство образования Черногории ставит условием воспитание национальной гордости, вместе с тем поощряя толерантность, полиэтничность и веротерпимость в рамках черногорской гражданской нации. Такой подход соответствует полиэтничному составу Черногории, где, согласно последней переписи, проживают черногорцы (45%), сербы (29%) и другие этнические группы, например босняки².

В то же время черногорские учебники истории не чужды и национали-

стической культуры памяти. Ранняя версия национального нарратива была построена на сопротивлении Османской империи, культура которой характеризовалась при помощи негативных стереотипов. При этом подчеркивалось, что черногорская нация — это один этнос, исповедующий одну религию.

В связи с тем, что создание черногорского государства и его борьба за независимость во многом связаны с отношениями с Османской империей (с XV в. до 1913 г.), важная роль нарратива об османском владычестве на территории Черногории вполне объяснима. Но в XXI ст. возникло общее чувство, что культура османов не должна изображаться в качестве враждебной. Это отразилось и в содержании школьных учебников. Например, термин «турок», который во время югославских войн 1990-х использовался для уничижительного именованья местных мусульман, был заменен термином «осман» (Osman/Otoman). Османская империя по-прежнему рассматривается в качестве захватчика, но современные учебники также признают многостороннее влияние османской культуры на черногорское общество.

² Процентное соотношение сербов и черногорцев, согласно данным переписей (см. таблицу) после 1991 г. радикально изменилось, прежде всего, за счет того, что порядка 20% граждан, которые в эпоху социализма идентифицировали себя в качестве черногорцев, стали именовать себя сербами (прим. редакторов).

Этническая группа	Перепись 1948		Перепись 1953		Перепись 1961		Перепись 1971	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Черногорцы	342,009	90.7	363,686	86.6	383,988	81.4	355,632	67.2
Сербы	6,707	1.8	13,864	3.3	14,087	3.0	39,512	7.5

Этническая группа	Перепись 1981		Перепись 1991		Перепись 2003		Перепись 2011	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Черногорцы	400,488	68.5	380,647	61.9	267,669	43.2	278,865	45.0
Сербы	19,407	3.3	57,453	9.3	198,414	32.0	178,110	28.7

В этом же русле следует воспринимать заметные усилия рассматривать албанскую культуру как часть официальных дискурсов черногорской идентичности. За несколько последних десятилетий произошел сдвиг от одностороннего описания Османской империи в качестве исторического врага к более сложному описанию, в котором историческая ответственность имперских властей и местной администрации отделяется от значительного влияния, которое османская политика и культура оказали на региональную и всемирную историю.

Несмотря на усилия сделать культуру национальной памяти более инклюзивной, ряд вопросов истории XX в. недостаточно прояснен в учебных программах и учебниках. К первому блоку тем, по которым у историков существуют разногласия, относятся Первая мировая война и создание Королевства Югославии в 1918 г. В Черногории внимание к событиям этого периода сосредоточено вокруг Подгорицкой ассамблеи 1918 г., которая де-факто упразднила Королевство Черногорию, включив его весьма неоднозначным способом в состав Королевства Югославии. Второй блок разногласий вращается вокруг Второй мировой войны,

злодеяний, совершенных в ее годы всеми сторонами, и особенно вокруг послевоенных преступлений. Третий блок вопросов, которым не уделяют должного внимания, относится к эпохе распада Югославии (1991–1995) и роли Черногории в югославских войнах. Учебники для начальной и средней школы сходным образом обращаются с этими тремя блоками вопросов, избегая разногласий и представляя лишь тот нарратив, который подкрепляет господствующую линию черногорской историографии.

Возьмем для примера события 1918 г. и Первой мировой войны, когда в дебаты о будущем Черногории были вовлечены две стороны — «зеленые» и «белые». Современная историография больше расположена к «зеленым», в ней отсутствует взвешенная оценка той роли, которую сыграли «белые»³. События, относящиеся к упразднению Королевства Черногория в 1918 г., а также роль, которую играли представители черногорской династии Петровичей-Негошей, рассматриваются без должной критики, они просто описываются как «плохие». Злодеяния времен Второй мировой войны просто не рассматриваются. Никаких следов признания ответственности

³ Великое национальное собрание сербского народа Черногории (Podgorica Assembly) завершилось 29 ноября 1918 г. Странники объединения с Сербией напечатали лист кандидатов и повестку на белой бумаге, тогда как сторонники независимой Черногории напечатали свои предложения на зеленой бумаге. С тех пор под «белыми» понимают сторонников объединения с Сербией, а под «зелеными» сторонников независимой Черногории, состоящей в тесном союзе с Сербией, или по меньшей мере сохранения автономии Черногории в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев. Незначительное большинство высказалось за вхождение в состав Сербии, управляемой династией Карагеоргиевичей и отстранения от власти Николы I Петровича-Негоша и его династии. После Подгорицкой ассамблеи Великое национальное собрание объявило об объединении Сербии и Черногории. Им последовали Босния и Герцеговина и Хорватия. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Королевство Югославия) было провозглашено 1 декабря 1918 г. (Morrison 2018: 26–27) (прим. редакторов).

Черногории в югославских войнах 1991–1995 гг. и описаний роли, которую она в них сыграла, в учебниках обнаружить невозможно⁴.

Н. М. Какие исторические нарративы и периоды представляются в школьных учебниках в качестве наиболее важных? Каким образом учебники позиционируют Черногорию относительно Европы и ее ближайших соседей?

М. В. Ядро нацистроительного нарратива образует государственная преемственность трех политических образований: княжества и позже королевства Дукли (X–XI вв.), княжества Зеты (XIV–XV вв.) и княжества (с 1910 г. — королевство) Черногории, управляемого династией Петровичей-Негошей (1696–1918). Согласно современному господствующему нарративу эти три образования имели общую политическую идею, следовательно, речь идет о долговременной государственной традиции. Поэтому в 2016 г., в ходе празднований первого десятилетия независимой Черногории, усиленно подчеркивалась идея тысячилетней государственности, а именно издание первого официального черногорского документа, подписанного князем Дукли в 1016 г. В современных учебниках истории прописан этот

«всеобъемлющий» нарратив: 10 лет независимости и 1000 лет государственности.

Этот национальный миф прекрасно иллюстрирует идею «воображаемого сообщества» (Бенедикт Андерсон). Действительно, почти все европейские нации, (пост)югославские нации здесь не являются исключением, стремятся сконструировать свою связь и преемственность с политическими образованиями, которые располагались на тех же территориях в прошлом. В Черногории миф тысячилетней государственности отмечен в том числе спорами государства с СПЦ. В то время как церковь утверждала, что ее традиция насчитывает «восемь столетий», прежнее правительство ДПС не стеснялось соревноваться с церковью, подчеркивая, что черногорская государственность обладает более древней тысячилетней традицией⁵.

Более того, история Дукли и Зеты не является исключительно историей православия. Княжество Зета, которое существовало в 1220–1421 гг., в связи с экспансией Венецианской республики в этот прибрежный регион, испытало серьезные католические влияния. Когда об этой особенности религиозной идентичности Черногории упоминается

⁴ Подробнее см. публикации Центра гражданского обучения. По поводу учебников истории: Montenegro Textbooks: What Do They Conceal and Reveal about the Contemporary History of Montenegro? Centar za građansko obrazovanje: Podgorica, 2016. URL: media.cgo-cce.org/2016/07/cgo-cce-montenegrin-textbooks.pdf. О современных вызовах обучения антифашистским ценностям: Antifascism in Montenegro. Between political trend and educational policy. Centar za građansko obrazovanje: Podgorica, 2018. URL: media.cgo-cce.org/2019/07/Antifaszizam-u-CG-ENG.pdf (прим. М. Вукановича).

⁵ Эти споры, о которых будет подробнее рассказано ниже, вращаются вокруг вопросов собственности и культурного наследия. СПЦ настаивает, что ее права распространяются на такие религиозные здания, как средневековые церкви и монастыри, которые государство считает своим имуществом (прим. М. Вукановича).

в школьных учебниках, а это новый конструкт в черногорском контексте, то ученикам не так просто это уразуметь. В Черногории отсутствуют официальные опросы по поводу религиозной самоидентификации, но современные этнологические исследования показывают, что религиозные взгляды и идентификации черногорцев весьма разнообразны, и православие, в отличие от утверждений СПЦ, вовсе не занимает доминирующее положение. Путаница по поводу отношений между черногорскими государственными образованиями и СПЦ сохраняется в связи с тем, что школьные учебники не обращают внимания на то, что правители династии Петровичей-Негошей (1696–1918) традиционно проводили скорее светскую политику, не особенно озабочиваясь вопросами религии.

Кроме всеобъемлющего мифа преемственности тысячелетней государственности Черногории, нарратив подпитывает и другие мифы, относящиеся ко времени до образования Югославии. Во-первых, это возникшая в XIX в. идея, что черногорская нация никогда не была полностью завоевана османами. Во-вторых, это идея о так называемых исторических «чистках исламского населения». Этот миф был сотворен Петром II

Петровичем-Негошем в середине XIX в. В конце 1990-х в учебники истории были внесены изменения и эти прежде широко пропагандировавшиеся мифы были удалены. В 1995 г. в Черногории вышли первые (пост)югославские учебники истории, в которых представлялась история Сербии и Черногории. Частично они разобрались с давними национальными мифами, но гораздо больший разрыв с прежним нарративом произошел в 2003 г., когда в Черногории было издано новое поколение исторических учебников без сотрудничества с Сербией (MPN RCG 2003: 47).

В нынешних учебниках, созданных и одобренных Департаментом школьного образования (*Zavod za školstvo Crne Gore*) и Департаментом учебников (*Zavod za udžbenike*) Министерства образования⁶, нарратив нациестроительства запечатлен с помощью подчеркивания важности правления династии Петровичей и антифашистской национально-освободительной борьбы в годы Второй мировой войны. Символы черногорской монархии, такие как Петр II Петрович Негош⁷, стали частью иконографии сразу после Второй мировой войны в годы социалистической Югославии. Югославские власти рассматривали эти аспекты

⁶ В Черногории по каждому предмету официально утвержден только один учебник (прим. М. Вукановича).

⁷ Поэт-романтик Петр II (1813–1851) был пятым владыкой (наименование светского и церковного правителя) из династии Петровичей-Негошей и правил в 1830–1851 гг. В центре эпических произведений Негоша стоит героический и поэтический образ черногорского вождя, сражающегося, подобно фольклорным мифам о православном средневековом Сербском царстве, против османов. Негош также связывает героических представителей своей династии и их борьбу с событиями своего времени, в первую очередь изображая в эпическом ключе лидеров Сербского восстания 1815–1817 гг. против османского владычества. Негош, по всей видимости, не делает в своих произведениях четких различий между понятиями «черногорский» (Crnogorski) и «сербский» (Srpski), оставляя место для интерпретаций. Его эпическое наследие и его конструкция национальной

истории Черногории в качестве важных элементов национального строительства. Как показал социологический опрос 2016 г., большинство населения Черногории демонстрирует почти полное невежество в отношении ранних периодов истории, не только ранее правления династии Петровичей-Негошей, но и более того, до правления Петра II Петровича-Негоша (1830–1851).

Эти нарративы позиционируют Черногорию как нацию, которая благодаря славным победам на протяжении длительной вооруженной борьбы вступила в международные отношения с великими державами (Россией, Францией и Италией) и добилась международного признания своей независимости в 1878 г., а также была на стороне союзников в двух мировых войнах.

Н. М. Какие интерпретации периода социалистической Югославии поддерживаются государством?

М. В. Благодаря активному участию местных жителей в партизанской национально-освободительной борьбе в годы Второй мировой войны, Черногория вошла в состав новой социалистической Югославии на правах республики. Это было важное политическое решение, т.к. Черногория была лишена независимости в 1918–1941 гг. В годы социализма ее экономика развивалась высокими темпами, были осуществлены реконструкция и индустриализация, после землетрясения 1979 г. Черногория получила большую помощь от других

членов федерации. До 1945 г. в стране существовало менее 10 промышленных предприятий. После 1945 г. была осуществлена электрификация и открылось более 50 фабрик. Были основаны две судоходных компании, насчитывающие 76 торговых судов. По их тоннажу на душу населения Черногория занимала первое место в мире. Эти перемены сопровождались быстрой урбанизацией, строительством сетей канализации и созданием эффективной системы медицинского обслуживания. Кроме того, власти Югославии внесли большой вклад в формирование национальной идентичности Черногории, учредив, в частности, университет и Академию наук и искусств. Это помогает объяснить, почему поддерживаемая государством интерпретация социалистического периода истории Черногории до сих пор носит преимущественно положительный характер. По причине отсталости Черногории в период до 1945 г. здесь в намного меньшей степени проявились антагонизмы в отношении национализации и денационализации по сравнению, скажем, с Хорватией и Сербией. Конец Королевства Югославия сопровождался исчезновением местной буржуазии и экономических элит. Ряд источников, например историк Бранимир Ковачевич (Branimir Kovačević), подчеркивают, что после 1945 г. несколько крупных предприятий, которые пережили разрушения Второй мировой войны, были конфискованы государством. Их собственники, тесно связанные с прежним режимом, либо не пережили войну, либо были оттеснены

на обочину и бежали из страны вскоре после 1945 г. Поскольку число таких предпринимателей, а также политиков и государственных служащих было невелико, их послевоенное исчезновение ознаменовало конец класса, который сформировался в Королевстве Югославия и был ему лоялен в 1918–1945 гг. (Kovačević 1993)⁸.

Даже широкие дискуссии по поводу противоречивых аспектов социалистического режима, включая чистки, последовавшие за диспутом 1948 г. по поводу Информбюро и разрывом советско-югославских отношений, когда югославские коммунисты просталинской ориентации были отправлены на принудительные работы на остров Голи Оток (Goli Otok), не изменяют общую картину интерпретации прошлого. Эти дискуссии вошли в состав учебников в 1990-е и стали общим достоянием. Тем не менее недавняя инициатива провести закон о компенсации жертвам коммунистических преступлений была отклонена правительством ДПС, что вызвало жаркие дискуссии. Это, действительно, самый обсуждаемый вопрос истории Черногории. Кроме всего остального, Лига коммунистов Черногории была в целом просталинской, и поэтому процент представителей Черногории, за-

ключенных в лагере Голи Оток, был наибольшим в сравнении с другими республиками СФРЮ.

Когда в 2019 г. в Подгорице был воздвигнут памятник Иосипу Броз Тито, журналист «Голоса Америки» спросил меня: «Почему вы ставите памятник столь авторитарной личности?» Американскому корреспонденту не просто было понять, что, по мнению многих, Тито был лучшим из всех авторитарных фигур прошлого и настоящего Черногории. Возможно, это трудно осознать тем, кто живет в стабильном демократическом обществе, но Черногория вступила на путь демократии только в 1991 г., и ее уровень демократии все еще является предметом дискуссий.

Нарративы репрессий ограничены преобладающим восприятием социалистического югославского прошлого в качестве эпохи, которая обеспечила высочайшее экономическое развитие Черногории, значительно улучшила качество жизни, существенно снизила социальное неравенство и внесла большой вклад в формирование национальной идентичности. Кроме того, преступления сторонников социализма, совершенные в 1941–1945 гг., и преступления социалистического режима в первые послевоенные годы практически

⁸ Национализация частной собственности, однако, не приводила к тому, что семьи обрекались на голодную смерть, о чем пишет и сам Ковачевич в своей книге, подчеркивая, что четники распространяли ложную информацию о коммунистических репрессиях. Подробнее о заключительных сражениях Второй мировой войны в Черногории см.: Milan Radanović's "Kazna i zločin. Snage kolaboracije u Srbiji: odgovornost za ratne zločine (1941–1944) i vojni gubici (1944–1945)" (Наказание и преступление. Сербские коллаборационисты: ответственность за военные преступления (1941–1944) и военные потери (1944–1945)) Rosa Luxemburg Stiftung, Beograd, 2016. Черногорские элиты, о которых упоминает здесь Вуканович, активно, не всегда напрямую участвовали в движении четников-коллаборационистов. О движении четников см.: Radoje Pajović "Kontrarevolucija u Crnoj Gori – Četnički i federalistički pokret 1941–1945" (Контрреволюция в Черногории – Четники и федералистское движение 1941–1945 гг.) Obod, Cetinje, 1977 (прим. редакторов).

не обсуждаются. Спецификой Черногории является отсутствие широких дискуссий по поводу внутренних конфликтов во время и после Второй мировой войны. Тем не менее идеи, возникшие в националистической среде Боснии и Герцеговины, Хорватии и Сербии, проникают и в Черногорию. Имеются в виду неспособность югославского государства рассмотреть такие вопросы, как концентрационный лагерь Ясеновац⁹ и преступления усташей против сербов в районе Дрины в 1941–1945 гг. В противоположность боснийской, сербской и хорватской национальным идентичностям нынешняя черногорская национальная идея не основана на идеях невинных жертв и конфликтов с соседями, т.е. она основана не на «преступлениях против нас», а на том, что Черногория вышла победительницей из противостояния с османами и из Второй мировой войны. Однако набор идей, сосредоточенных на таких преступлениях, как Ясеновац, набирает обороты и вовлекает некоторые части черногорского общества в усиление националистических трендов и в националистическое понимание национальной идентичности. К сожалению, ревизионистский подход к социалистическому периоду связан с идеями возмездия, цель которого односторонняя криминализация социалистического периода в пользу националистических нарративов.

Это относится не только к наследию Второй мировой войны, но и к дис-

куссиям по поводу югославских войн 1990-х. Например, в отличие от черногорской общины, сербская община Черногории отрицает геноцид 1995 г. в Сребренице, приводя в оправдание исторические обиды на злодеяния мусульман в отношении православного населения. Если говорить о мусульманской общине Черногории, то чувство невинной жертвы, о котором я упомянул ранее, в большей мере характеризует общину босняков, проживающих на севере страны и тесно связанных с сербской областью Санджак, а также с Боснией и Герцеговиной, чем у тех мусульман, которые идентифицируют себя в качестве черногорцев.

Н.М. Какие источники (личные воспоминания, литературные произведения, фильмы и т.д.) наиболее важны, по вашему мнению, для того, чтобы нюансировать нарративы учебников, и как эти источники используются институтами сохранения культурного наследия и музеями? Каково может быть общественное воздействие таких источников (могли бы вы дать примеры особенно удачных проектов, выставок и т.д.)?

М.В. Лучшими источниками являются те, которые способны передать общую атмосферу того или иного периода. Практика показала, что наибольшее воздействие оказывают личные воспоминания. Недостаток подобных материалов в Черногории, где антропологические исследования

⁹ Лагерь уничтожения Ясеновац был создан в годы Второй мировой войны на территории Славонии (историческая область на востоке Хорватии) властями так называемого Независимого государства Хорватия. Это был один из десяти крупнейших концентрационных лагерей Европы. Режим усташей был единственным из «квислинговских» режимов, который самостоятельно занимался уничтожением евреев, сербов, цыган и других этнических групп (прим. редакторов).

в данной сфере все еще весьма ограничены, можно возместить опубликованными воспоминаниями или предметами личного пользования, которые позволяют передать персональные истории. Эти простые принципы: нечто личное, позволяющее рассказывать о большой истории, и нечто общее, пробуждающее личные воспоминания, — используются далеко не всеми школьными учителями в Черногории, но постепенно усваиваются молодыми учителями, которые стремятся приблизить прошлое к ученикам. Увы, остро не хватает систематических исследований, выполненных на основе устной истории и методов этнографии. Подобные проекты все еще являются личными инициативами, и их рамки ограничены. В академической среде Черногории лишь недавно, по сравнению с такими (пост)югославскими странами, как Сербия, Хорватия и Словения, начали создаваться возможности для исследования недавнего прошлого. Черногорская академия наук и искусств только начала публиковать обстоятельные словари, посвященные национальной дипломатии, писателям и поэтам и т. д. Такой уровень государственного понимания, что из прошлого должно вызывать интерес, не предусматривает внимания к вышеупомянутым источникам не «элитного» происхождения. К 2011 г., когда я начал работать Национальном музее Черногории, были оцифрованы архивные коллекции, относящиеся к периоду после 1998 г. При этом было оцифровано лишь 5% коллекций более раннего времени. С тех пор был продемонстрирован заметный прогресс. Я покинул музей в 2017 г., но к сегодняшнему дню команда более молодых экспертов

почти полностью завершила проект. Тем не менее проблемы остаются. Отсутствие в Черногории программ музейного образования приводит к тому, что кураторами становятся профессионалы из других областей, являющиеся самоучками в музейном деле, либо, как было в моем случае, получившие образование за рубежом. Другая проблема — это отсутствие в музеях специалистов, способных привлекать финансирование из европейских структур через механизмы, подобные Творческой Европе (Creative Europe), поскольку институты культуры, кроме Министерства, сосредоточены на решении долгосрочных проблем, этот аспект музейного менеджмента остается «недокормленным».

Описанная ситуация создает проблемы для музейных кураторов. Музейная политика в Черногории большей частью все еще предпочитает концентрироваться на том, что рассматривается в качестве позитивных аспектов прошлого. Например, в 2014–2015 гг. Национальный музей получил щедрое финансирование для организации выставки бальных платьев черногорских принцесс, считается, что подобные темы способны вызвать интерес публики.

Тем не менее нам удалось обновить постоянные экспозиции Национального музея, относящиеся к современной истории, в соответствии с решениями, основанными на современных музейных стандартах. Так, для того, чтобы сделать для школьников более «осязаемым» так называемый «Период Информбуро», последовавший за разрывом советско-югославских отношений в 1948 г.,

в качестве опорного элемента мы использовали кожаные пальто офицеров полиции, которые отправляли людей в лагерь на остров Голи Оток. Благодаря прежним знакомствам мы получили два личных свидетельства — дочери одного из узников Голи Отока и внучки одного из офицеров секретных служб, отправлявших людей на этот остров. Такие пальто, как показывают исследования, символизировали уныние и страх узников, но для их преследователей они выступали символом патриотизма, принадлежности к элите и современности. Необходимо отметить, что и отец первой дамы, и дед второй — оба были участниками партизанского движения в годы Второй мировой войны. Эти свидетельства использовались для затравки дискуссии с группами 14-летних школьников и 18-летних студентов. Не берусь утверждать, что в результате их мнение об этом историческом периоде полностью переменялось, но это, несомненно, подтолкнуло их к рассмотрению прошлого в качестве более сложного, чем им представлялось прежде, явления. Мы также хотели экспонировать знаменитый югославский автомобиль Застава 750, в просторечии именуемый Фичо (Fičo, Zastava 750), чтобы продемонстрировать многоаспектность памяти, но, к сожалению, были вынуждены отказаться от этой затеи, т. к. музейный пол мог не выдержать веса машины¹⁰. Присутствие такого экспоната явилось бы весьма значимой частью экспозиции, поскольку Застава 750, как один из первых массовых автомобилей, сообщает многое о жизни юго-

славских рабочих и среднего класса того времени. Особенности его производства, дизайна и т. д. дают понятие об югославской экономике того времени, вызывают личные воспоминания и взывают к тем или иным моментам истории югославского рабочего класса. С автомобилем также связаны воспоминания о начале эры массового туризма, который югославское население рассматривало в качестве одного из символов национального процветания.

Новая команда кураторов музея также организовала несколько успешных выставок, посвященных важным социальным аспектам истории, в том числе истории системы здравоохранения, сочетавшейся с массовым социальным обеспечением, оформление которой в Черногории пришлось на 1950-е. В экспозиции отмечалось искоренение малярии и холеры, пришедшееся на 1950-е, с целью представить аргументы для споров с представителями нынешних антипрививочных движений, ставящих под сомнение необходимость национальной системы здравоохранения.

Кроме того, в 2018 г. Национальный музей провел серию лекций по поводу «годовщин», выдвигая на первый план такие важные события, как упразднение Черногорского королевства и конец Первой мировой войны в 1918 г., последствия Второй мировой войны и разрыв советско-югославских отношений в 1948 г., студенческие протесты 1968 г. Такие инициативы позволяют привлечь в музей публику в условиях, когда

¹⁰ Такое решение было использовано Музеем современной истории в Любляне для экспозиции, посвященной югославскому периоду словенской истории (прим. М. Вукановича).

финансирование, необходимое для организации технологически продвинутых выставок, отсутствует.

В 2019 г. музей организовал достаточно успешную выставку, посвященную столетию Коммунистической партии Югославии. Как и все музейные проекты, эта выставка была подготовлена местной командой из четырех кураторов и двух исследователей. Кроме того, часть текстов предоставили ряд региональных исследователей. Национальный музей постоянно обращается к Институту истории в составе Университета Черногории, но не всегда встречает положительный отклик, т.к. историки часто предпочитают оставаться внутри привычных каналов академической коммуникации. Я постоянно высказываюсь по поводу необходимости распространения результатов научных исследований. Наука сейчас часто находится вдали от общества, требуются десятилетия для того, чтобы научные находки попали в школьные учебники.

Н.М. Государственные архивы — важный институт исследований памяти. Как организована архивная система Черногории? Отражается ли в ней специфика политики памяти?

М.В. Система черногорских архивов включает центральный Национальный архив в Цетинье¹¹ и подчиненные ему подразделения в муниципальных центрах, среди которых важнейшим является архив Под-

горицы. При этом не все архивные коллекции включены в архивную систему и частично находятся в составе Национальной библиотеки и в библиотеках Национального музея и Института истории.

Цетинье являлся административным центром области (banovina) Черногория в составе Королевства Югославия (1918–1941). После 1945 г. административная инфраструктура постепенно переместилась в Подгорицу, а культурные институты остались в Цетинье, включая многие музеи, академии искусств и музыки, Национальную библиотеку и Национальный музей. В то же время Институт истории при Университете Черногории был учрежден в Подгорице. В связи с этим в местном филиале Национального архива содержатся коллекции, особенно важные для историков, такие как коллекции источников по истории рабочего движения (собирались начиная с 1918) и местного партизанского движения, собиравшиеся с 1945 г. Таким образом, большое количество материалов по политической, экономической и социальной истории социалистической Югославии содержатся в архиве Подгорицы. Существуют проблемы с архивами таких медиа, как фильмы и фотографии. Например, Синеотека Черногории отвечает за хранение фильмов, но она была учреждена только в 2000 г., до этого все фильмы хранились в Синеотеке Югославии в Белграде¹². Большая коллекция фотографий, относящихся к периоду после 1945 г., в резуль-

¹¹ Столица Черногории до 1918, после чего она была перенесена в Подгорицу (в СФРЮ именовалась Титоград). (Примечание М. Вукановича).

¹² Югославская синеотека в Белграде была ответственна за сохранение всей кинопродукции СФРЮ (прим. редакторов).

тате преобразований государственных институтов забавным образом оказалась в президентской администрации. Сейчас идет процесс их оцифровки, но оригиналы остаются под управлением администрации.

Другое примечательное подразделение Национального архива находится в приморском городе Котор, некогда бывшем важным политическим и торговым центром, который соперничал с Дубровником. В отличие от других приморских городов Черногории, он никогда не был под властью османов и в нем не было значительных разрушений. Благодаря этой специфике Которский архив содержит богатую средневековую коллекцию.

Эти особенности архивов Черногории демонстрируют, каким образом одни материалы сохраняются и исследуются в преимущественном порядке, благодаря особенностям политики памяти и интересов исследователей. Так, существует значительный государственный интерес к изучению династии Петровичей, в том числе к дипломатической и военной истории Королевства Черногории. Один из недавних интересных проектов был посвящен системе образования того времени. Но другие важные социально-исторические темы, такие как здравоохранение, банковская система, почтовая служба и т.д., могут быть изучены только после того, как будут отсортированы и описаны архивные коллекции. Я столкнулся с подобным случаем, когда работал в Национальном музее и возникла необходимость привести

в порядок коллекцию из примерно 10 000 фотографий, относящихся ко Второй мировой войне. Главная проблема состояла в том, что материалы (фотографии и сопроводительные документы к ним) не были оформлены по единой системе и часть информации об этих фотографиях было практически невозможно установить.

Н. М. С учетом этих различающихся интерпретаций могли бы вы отметить, чем различаются нарративы о королевском периоде истории Югославии? Как эти различия подпитывают современные нарративы памяти Черногории?

М. В. Нарратив югославской монархии, первой Югославии всегда был в тени истории Королевства Черногории и социалистической Черногории. Главная причина этого состоит в том, что в составе Королевства Югославия Черногория не была самостоятельной политической единицей. Период 1918–1941 гг. почти полностью игнорируется в публичном дискурсе, потому что потеря независимости в 1918 г. оценивается отрицательно. Включение в состав Югославии сопровождалось Рождественским восстанием 7 января 1919 г., поднятым сторонниками независимости, но было подавлено сербской армией. При этом Черногория оставалась международно признанным государством, ее представители были приглашены на Версальскую конференцию. Но там участие черногорских представителей было заблокировано¹³. До сих пор

¹³ В январе было сформировано правительство Черногории в изгнании. Главными целями этого правительства были: постановка вопроса о Черногории на международной арене, в том числе путем обращения к великим державам во время Парижской мирной конференции 1919 г.;

в Черногории это событие расценивают как предательство союзников. Страна была стерта с лица земли, поскольку кто-то из собравшихся во Франции представителей великих держав решил учредить Королевство Югославия, в составе которого Черногории не было места как политической единице.

В этом контексте возникли три интерпретации. В национальном нарративе Черногории этот период рассматривается исключительно в негативном ключе. Отрицательная оценка Королевства Югославия была принята еще в социалистический период. Это упрощение приводит к тому, что местные историки игнорируют данный сюжет, предпочитая ему османский период и эпоху социалистической Югославии. Один из немногих сюжетов истории королевской Югославии, включенных в школьные учебники, — это борьба Коммунистической лиги. Сегодня, когда в Черногории прилагаются усилия писать историю, исходя исключительно из националистической перспективы, этот период остается проблемным и малоизученным. Для того чтобы преодолеть недостаток исследований, важных с точки зрения целей школьного образования, необходимо прекратить рассматривать этот период как полностью отрицательный. Но это сделать не просто в связи с тем, что политические события, происходившие в Чер-

ногории с 1918 до конца 1920-х гг., сопровождались и ужесточались общим экономическим кризисом, поразившим Королевство Югославия, и сопутствующим кризису голодом. Кроме того, 1930-е были отмечены массовыми преследованиями членов Коммунистической партии. Это приводит к тому, что простейшим решением, которое пользуется общественной поддержкой, становится дискредитация периода в целом.

В то же время существует сербский националистический нарратив, в котором Королевство Югославия рассматривается как процветающее государство, принесшее капиталистический и культурный ренессанс. Действительно, в 1930-е Черногория пережила период беспрецедентного развития гражданского общества, включая открытие большого числа кинотеатров и книжных клубов, проведение политических кампаний и осуществление строительных проектов. Эта интерпретация последнее время получает возрастающую поддержку в сербских СМИ.

Недавно возникла третья волна интерпретаций, которая уделяет внимание политическим и экономическим проблемам этого периода, но при этом обращает внимание на рождение и развитие новых политических идей и гражданских движений. В целом господствующий современный нарратив этого периода в Черно-

поддержание связей с группами вооруженного сопротивления на территории Черногории и создание армейских формирований в изгнании. Но международная конъюнктура обрекла эти планы на неудачу. В ходе Парижской мирной конференции место представителя Черногории оставалось пустым поскольку, согласно Уоррену Уитни (Warren Whitney), ее рассматривали скорее как «завоеванную нацию, а не как союзника, который во время войны понес жертвы в ходе борьбы за общее дело». Поэтому черногорское правительство в изгнании, располагавшееся в Италии, следило за событиями издали (прим. редакторов).

рии колеблется между первыми (негативистскими) и третьими (рефлексивными) интерпретациями.

Н. М. Какие моменты истории Черногории в годы Второй мировой войны и создания социалистической Югославии вызывают наибольшие дискуссии? Как эти спорные вопросы интерпретируются в академической и политической среде, а также в массовом сознании?

М. В. Эти дебаты в основном вращаются вокруг обвинений, оправдания (validation) и критики или недостатка критики по отношению к преступлениям, совершенным разными местными вооруженными группировками в 1941–1945 гг. Национально-освободительная борьба партизан Черногории в годы Второй мировой войны включала также борьбу с местными четниками, чей экстремизм превосходил их коллег из Сербии, с мусульманской милицией, албанскими баллистами¹⁴ и черногорскими зелеными, формированием местных националистов. Кроме партизан, все вышеперечисленные формирования были коллаборационистами и антикоммунистами, получавшими помощь от итальянцев и, позже, от немцев. Вместе с тем все они враждовали между собой, а также с партизанами. Все стороны, вовлеченные в войну, совершали злодеяния. Тем не менее Комиссия по военным преступлениям (1945–1947) расследовала только преступления коллаборационистов. Поскольку преступления партизан документированы в незначительной мере, дебатов по этому поводу

не возникает. Отсутствие прозрачности и верифицированной научно установленной информации создает пространство для манипуляций. Тем не менее правительство Черногории не инициирует никаких исследований по вопросам военных и послевоенных злодеяний. В то же время местные сербские националисты при поддержке СПЦ постоянно поднимают вопрос о преступлениях партизан, в то время как правительство их игнорирует, надеясь на то, что поскольку преступления националистических группировок носили гораздо более масштабный характер, то это должно в итоге положить конец подобным обвинениям.

Более того, сейчас идет дискуссия между гражданским обществом и правительством. Такие организации, как Действие в защиту прав человека (Human Rights Action NGO), выступают за введение закона о компенсациях жертвам коммунистических преступлений, в том числе преследованиям коммунистов-сталинистов на острове Голи Оток после дела Информбюро. Принятие этого закона должно будет привести к тщательному изучению архивов югославских секретных служб в Черногории. Нынешнее правительство стремится это предотвратить, предпочитая не создавать новых исторических споров. Их главный аргумент состоит в том, что факт совершения этих преступлений был признан, и в память об этих жертвах, подавляющего большинства которых уже нет в живых, была названа площадь в Подгорице.

¹⁴ Балли Комбетар (алб. Balli Kombëtar — Национальный фронт) — созданная в 1939 г. албанская националистическая и антикоммунистическая организация (прим. редакторов).

Н. М. Какова специфика черногорской югоностальгии? Как она отражается в личных нарративах, инициативах активистов и официальных интерпретациях югославского прошлого?

М. В. Важнейшая особенность черногорской югоностальгии — это постоянное тихое сопротивление агрессивному ревизионизму националистов, который просачивается из соседних Сербии и Боснии и Герцеговины. Оценки социалистической Югославии в Черногории сосредоточены, прежде всего, на позитивном воздействии на местное социальное и экономическое развитие. Националистическая ревизия этого нарратива происходит в результате некритического усвоения националистических поветрий из вышеупомянутых соседних стран и приводит к росту национализма в общинах сербского, боснийского и албанского меньшинств. В настоящее время эти нарративы не вызывают заметного политического отклика. Скорее порой они приводят к парадоксальным результатам. Так, правые сербские националисты могут критиковать партизан, но при этом посещать парад победы 9 мая в Москве. В 1960–1980-е духовные наследники черногорских четников придерживались сугубо проамериканских антикоммунистических позиций. Сейчас они с той же страстью поддерживают Россию как бастион православия и антиглобализма. Эти примеры показывают, что в политике историче-

ская и научная аргументация часто уступает дорогу националистическим и религиозным идеям.

Конечно, мы можем говорить и о черногорском национализме, но он чрезвычайно слаб в сравнении сербским, боснийским и албанским национализмами и не находится в антагонистических отношениях с коммунизмом. В связи с этим большинство из 600 монументов, посвященных национально-освободительному партизанскому движению, сохраняются в хорошем состоянии, 13 июля остается главным национальным праздником¹⁵, школы и улицы продолжают, за редкими исключениями, носить имена героев-партизан. Партизанское наследие занимает важное место в официальной интерпретации югославского прошлого в связи с постоянным продвижением антифашистской традиции Черногории в качестве основы мультикультурализма и межэтнической терпимости. В то же время на уровне популярной культуры югоностальгия формируется под влиянием персональных нарративов и инициатив, коллективов хоровой музыки и популярных музыкальных групп, таких как Кидс Поп Квайр (Kids' Pop Choir), популярных песен партизан, субкультуры социалистического стиля жизни, в смысле эстетизации югославской популярной культуры 1960–1980 гг. Не случайно одна из ведущих коммерческих радиостанций все еще называется Радио Титоград.

¹⁵ 13 июля является символической датой истории Черногории по двум поводам. Это годовщина восстания против итальянских фашистов, поднятого Коммунистической партией Югославии 13 июля 1941 г. Это еще и день Черногорской государственности, т. к. 13 июля 1878 г. на Берлинском конгрессе Черногория была признана 27-м независимым государством в мире (прим. редакторов).

Н. М. Какие социальные группы вы бы назвали агентами или даже активистами памяти?

М. В. Идущая сверху вниз поддерживаемая правительством политика памяти в Черногории все еще находится в состоянии саморазвития. Она все еще колеблется между двумя концепциями государственности: нарративом этнической нации Королевства Черногория и нарративом гражданской нации (как заявлено в Конституции), основанном на антифашистском наследии 1941–1945 гг. Хотя оба нарратива частично разделяют сходные ценности, между ними тем не менее возникает диссонанс.

Доморощенная черногорская националистическая политика памяти начала набирать обороты совсем недавно, благодаря нарастающей государственной поддержке. В связи с тем, что провозглашение независимости в 2006 г. не сопровождалось значительным ростом уровня жизни, правительство, чтобы сохранить свой авторитет, постепенно начало поддерживать националистические интерпретации прошлого, в том числе рассматривая события 1918 г. с позиции невинной жертвы, как год международного предательства Королевства Черногории. Такой подход противоречит изначальной национальной идентичности Черногории, основанной на идее мультикультурализма и терпимости ко всем этническим идентификациям, и сопровождается все более громкими заявлениями: «Никогда больше 1918! Никогда больше мы не падём жертвами сербского национализма!» Это — тревожная тенденция. Нар-

ратив «одна страна — одна нация» не только неприемлем в нашем контексте, он также противоречит Конституции.

Националистические нарративы черногорской идентичности приводят к умножению подобных нарративов других этнических групп Черногории, что подрывает модель гражданской нации. Кроме того, политические силы часто извращают нарративы черногорской идентичности и истории для достижения краткосрочных политических целей. Так, два года назад возник спор между правительствами Хорватии и Черногории по вопросу нематериального наследия Которской бухты, в связи с тем, что правительство Черногории подало заявку на включение Бокельского флота (*Bokeljska mornarica*) — старейшей морской организации мира — в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. В заявке игнорировалась роль хорватской общины, которая играла важную роль в местной традиции мореплавания, что вызвало возмущение не только хорватов Черногории, но и правительства Хорватии. В 2018 г. проводились черногорско-хорватские переговоры о подаче совместной заявки, но они не увенчались успехом, и Черногория подала заявку в первоначально задуманном виде.

СПЦ выступает противников обоих вышеописанных нарративов, т.к. рассматривает Черногорию в качестве одной из «сербских земель», а черногорцев как часть сербского национального тела. В этом смысле СПЦ представляет главную угрозу

развитию нарративов идентичности обеих (как этнической, так и гражданской, включающей все этнические группы и религии) форм черногорской нации. СПЦ также является главным агентом памяти в Черногории, предпринимающим огромные усилия по продвижению националистического просербского исторического ревизионизма. В последнее десятилетие церковь признала, что Черногория стала независимым государством, но по-прежнему относится к христианскому населению как части сербской нации. Это последний идеологический, социальный и экономический бастион просербской национальной идеи в Черногории, который в ходе различных видов своей деятельности, от проповедей до публичных мероприятий, настойчиво внедряет описанные выше утверждения о близости Сербии и Черногории. Более того, в связи с тем, что СПЦ владеет и управляет всеми монастырями на территории страны, она рассматривает черногорское христианское культурное наследие в качестве сербского культурного наследия. Последние три десятилетия церковь активно преобразует культурное наследие Черногории, приспособляя церкви и монастыри к стандартам просербского нарратива. Дизайн православных церквей всегда отражает местные особенности. Вопреки этому, Сербская православная церковь не соблюдает международные и национальные нормы сохранения культурного наследия и меняет внешний вид

и интерьеры православных церквей Черногории, чтобы они походили на церкви в Сербии. Все новые церкви строятся по сербским образцам. Несмотря на возмущение дизайнеров, архитекторов и историков, правительство Черногории терпимо относится к таким практикам, не желая потревожить общественное спокойствие. Все-таки в 2019 г. новый закон о религиозной свободе был принят парламентом Черногории, который запрещает подобные вмешательства в культурное наследие, что вызвало громкие протесты СПЦ¹⁶.

Н. М. Так как это интервью будет опубликовано в русском журнале, то уместен еще один вопрос. Как вы сегодня дискурсы Российской Федерации и СССР? Существуют ли в черногорских нарративах памяти какие-либо выдающиеся русские фигуры, такие как Сталин и, может, кто-нибудь еще?

М. В. Россия всегда рассматривалась как долговременный политический, военный и культурный союзник. В 2011 г. в Черногории праздновали 300-летие установления отношений с Россией. С этой точки зрения правительство подчеркивало важность доброжелательных отношений между самой большой и самой маленькой славянскими нациями. После того как Черногория сразу после обретения независимости объявила о стремлении вступить в НАТО, отношения ухудшились, что повлияло на общее отношение к России, ко-

¹⁶ Данный закон вступил в силу 8 января 2020 г. Согласно ст. 62, религиозные общины Черногории должны доказать права собственности на религиозные объекты, построенные ранее 1918 г. В противном случае право собственности переходит к государству. Поэтому СПЦ должна доказать свои права на все сооружения, построенные до 1 декабря 1918 г., когда Черногория стала частью Королевства сербов, хорватов и словенцев (Maksimović 2020) (прим. редакторов).

торое начиная с правления Петра Великого в начале XVIII в. было преимущественно положительным и было связано с идеей, что Россия щедро помогала Черногории в ходе ее сопротивления османскому владычеству. Такое отношение отзывалось и в культурной сфере. Примеры из русской культуры, прежде всего из русских литературных произведений, обильно включались в программы начальной и средней школы.

Сегодня официальное отношение и отношение публики к России остается в целом благоприятным, но прилагаются усилия по детализации прежних упрощенных представлений. Заметны попытки показать нарратив трех столетий доброжелательных отношений в более сложном свете. Русская помощь Черногории в XVIII–XIX вв. сейчас все больше интерпретируется скорее как политический бизнес России, чем безусловная поддержка, основанная на братской любви, как изображалось до объявления Черногорией о своей независимости.

Советский Союз до сих пор рассматривается как страна, внесшая главный вклад в победу и как главная жертва Второй мировой войны. В Черногории продолжает существовать всеобщее восхищение Россией и русской культурой. В 2019 г. во время 80-й годовщины начала Второй мировой войны президент Черногории открыто высказал свое возмущение тем, что президент России Путин не был приглашен на международную церемонию памяти об этом событии. В то же время нарастают критические оценки сталинизма и постсталинской эпохи.

Положительные чувства по отношению к России находятся сегодня под угрозой из-за того, что Россия оказывает безусловную поддержку просербским и другим крайне консервативным группам.

ЛИТЕРАТУРА

Bieber 2010 — *Bieber Florian*. The party system of Montenegro // V. Stojarova and P. Emerson (eds.) Party Politics in the Western Balkans. Abingdon: Routledge, 2010. P. 119–130.

Džankić, Keil 2017 — *Džankić Jelena, Soeren Keil*. State-sponsored Populism and the Rise of Populist Governance: The Case of Montenegro // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2017. 19 (4): 403–418. DOI:10.1080/19448953.2017.1280981.

Gallagher 2003 — *Gallagher Tom*. Identity in Flux, Destination Uncertain: Montenegro during and after the Yugoslav Wars // International Journal of Politics, Culture, and Society 17 (1), Studies in the Social History of Destruction: The Case of Yugoslavia (Fall, 2003). 2003. 53–71.

Kovačević 1993 — *Kovačević Branislav*. Od vezirovog do zidanog mosta — Tragična sudbina crnogorskih četnika u završnoj fazi rata 1944–1945. Beograd: Službeni list SRJ, 1993.

Lukic 2001 — *Lukic Reneo*. The Withering Away of the Federal Republic of Yugoslavia. Nato Academic Forum. 2001. Available at: URL: www.nato.int/acad/fellow/99-01/lukic.pdf (15.06.2020).

Maksimović 2020 — *Maksimović Sandra*. Montenegrin Law on Religious Freedom: Polarization that benefits the government(s)? European Western Balkans, 13.01.2020. Available at: URL: europeanwesternbalkans.com/2020/01/13/montenegrin-law-on-religious-freedom-polarization-that-benefits-the-governments/ (20.07.2020).

Marović 2019 — *Marović Jovana*. Déjà vu, Montenegrin style: Milo Đukanović

wins Montenegro's presidential election. LSE European Politics and Policy (EUROPP) Blog (2019). Available at: URL: eprints.lse.ac.uk/89525/1/europpblog-2018-04-18-deja-vu-montenegrin-style-milo-dukanovic-wins.pdf (15.06.2020).

Morisson 2018 — *Morisson Kenneth*. Nationalism, Identity and Statehood in Post-Yugoslav Montenegro. London, New York: Bloomsbury Academic, 2018.

MPN RCG 2003 — *Ministarstvo prosvjete i nauke Crna Gora*. Strateški plan reforme obrazovanja 2002-2004. Podgorica: MPN RCG. 2003. Available at: URL: www.mpin.gov.me/files/1054202517.pdf (25.08.2020).

Pavlović 2016 — *Pavlović Srđa*. Montenegro's 'stabilitocracy': The West's support of Đukanović is damaging the prospects of democratic change. LSE European Politics and Policy (EUROPP) Blog (2016). Available at: URL: eprints.lse.ac.uk/69998/1/

blogs.lse.ac.uk-Montenegros%20stabilitocracy%20The%20West%20support%20of%20Đukanović%20is%20damaging%20the%20prospects%20of%20democratic%20cha.pdf (15.06.2020).

Saggau 2017 — *Saggau Emil Hilton*. A Shrine for the Nation: The Material Transformation of the Lovćen Site in Montenegro // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 2017. DOI: 10.1080/19448953.2018.1385934.

Stojanović 2016 — *Stojanović Dubravka*. The crossed swords of memory: the image of communist Yugoslavia in the textbooks of its successor states // *European Politics and Society*. 2016. DOI: 10.1080/23745118.2016.1269440.

Vachudova 2019 — *Vachudova Milada Anna*. From Competition to Polarization in Central Europe: How Populists Change Party Systems and the European Union // *Polity*. 2019. 51 (4): 689–706.

"THE DESCENDANTS OF MONTENEGRIN CHETNIKS WERE EXTREMELY PRO-AMERICAN IN THE 1960S-1980S. NOW, THEY ARE PRO-RUSSIAN WITH EQUAL VIGOUR, EMPHASIZING RUSSIA'S STATUS AS A BASTION OF ORTHODOX CHRISTIANITY AND ANTI-GLOBALISM".

Interview with Miloš Vukanović

Vukanović Miloš — mag. sc., former Deputy Director of the National Museum of Montenegro, advisor at the Center for Civic Education (CCE) in Montenegro and coordinator of the Association of History Educators of Montenegro, Podgorica (Montenegro)

Key words: memory politics, Montenegro, revisionism, textbooks, museums, archives.

Abstract. The recent historical victory of an alliance of three oppositional blocs in the Montenegrin parliamentary elections echoes a long history of growing disapproval of the contested rule of President Milo Đukanović and his Democratic Party of Socialists (DPS). Over three decades in power, this regime has advanced a combination of a markedly neoliberal economic model, plagued by outrageous levels of corruption, and an ambivalent national idea, built around the incompatible ideals of a romantic Montenegrin nationalism and the citizen-based model of statehood. In this interview, mag. Miloš Vukanović discusses the socially-divisive reverberations of these policies in memory politics, particularly focusing on the place of collective memory in secondary and tertiary education, museology and archive management.

6. Косово.

«ИСТОРИОГРАФИЯ АЛБАНСКИХ КОСОВАРОВ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ОПИСАНИЕ ДОЛГОЙ ИСТОРИИ УГНЕТЕНИЯ, В РЕЗУЛЬТАТЕ ОНА СОСРЕДОТОЧЕНА НА ПОЛИТИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ».

Интервью с Э. Красничи

Ключевые слова: Косово, политика памяти, гендерные исследования, разделенные общества, мифостроительство.

Аннотация. Косово является самым юным из (пост)югославских государств. Поэтому борьба за наследие, память и видение будущего часто представляется здесь слишком прямолинейно и низводится до побочного продукта векового конфликта представителей сербской и албанской общин и наследия Косовской войны 1998–1999 гг. Тем не менее в каждой из общин также присутствуют несовпадающие друг с другом нарративы, в которых отражаются сложные моменты как местной истории и историографии, так и процесса примирения в Косово. В данном интервью доктор Элифе Красничи рассматривает современные дебаты по поводу коллективной памяти и идентичности косовских албанцев (косоваров) и истории Косово. Особое внимание уделяется пересмотру местных истории и памяти с точек зрения антропологии, гендерных исследований и устной истории. DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-159-185

Два десятилетия спустя после Косовской войны (1998–1999), которая завершилась иностранной интервенцией и учреждением Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово в бывшей югославской автономии, Косово является частично

признанным государством, и эксперты подчеркивают, что долгий процесс примирения между Косово и Сербией хоть и далек от завершения, но не является безнадежным (Baliqi 2017; Miletić 2019). В самом деле, после провозглашения независимости в 2008 г. число случаев

сербско-албанского этнического насилия резко снизилось, в то время как переходная экономика Косово медленно растет (*Tërstena et al.* 2019). Вместе с тем Косово остается непростым случаем для исследователей — экспертов в области миротворчества и специалистов других социальных дисциплин, чьи исследования свидетельствуют о тяжелых последствиях языковых конфликтов и затруднениях, возникающих в международных отношениях.

В отличие от других (пост)югославских государств, Косово не имело статуса республики в составе Социалистической Федеративной Республики Югославия. До националистического вмешательства под руководством Слободана Милошевича, начавшегося в 1989 г., Косово, как и Воеводина, имело статус автономного края (1945–1963) и социалистического автономного края (1963–1990). Согласно югославской конституции 1974 г. права краев были близки к правам республик, но конституционные поправки 1989 г., инициированные Милошевичем, ограничили эти права.

Ответом косовских албанцев на это изменение статуса стало провозглашение суверенитета в сентябре 1992 г. Новая республика была признана только Албанией. Избранный только косоварами в мае 1992 г. президент Ибрагим Ругова был сторонником ненасильственного сопротивления Сербии. Армия освобождения Косова (АОК), ставившая задачей обеспечение безопасности, имела

преимущество перед сербской¹ полицией. Ответом сербской полиции и армии стали этнические чистки, включая убийство семьи Яшари (Jashari). Убийство примерно 60 членов семьи одного из создателей АОК Адема Яшари привело к формированию вокруг его имени культа мученика.

Косовская война закончилась в результате трехмесячных бомбардировок Республики Югославия силами НАТО в 1999 г. Резолюция 1244 Совета безопасности ООН от 10 июня 1999 г., принятая после вывода сербских войск, гарантировала автономию Косово в рамках Республики Югославия в качестве временного состояния на пути к независимости. При этом Косово было превращено в международный протекторат. Была учреждена Временная администрация ООН и введены руководимые НАТО миротворческие силы (КФОР). Международные гаранты настаивали на том, что будущий статус Косово будет определен в соответствии со «стандартами до статуса». Под этим подразумевалось, что Косово может получить суверенитет после того, как в стране будут установлены межэтнический мир, демократия и рыночная экономика (*Ingimundarson* 2007: 95).

Многочисленные исследователи отмечают, что подобные ожидания в постконфликтном регионе, где противостоящие стороны руководствуются несовместимыми интерпретациями прошлого и будущего, были проявлением идеализма

¹ В 1992–2003 гг. Федеральная Республика Югославия состояла из Сербии и Черногории. В 2003 г. Федеральная Республика была переименована в Сербию и Черногорию. В 2006 г. Черногория провозгласила независимость.

(*Ingimundarson 2007; Zupančič, Pejić 2018*). Жестокие преступления армии и полиции, а также парамилитарных структур, совершенные в годы войны, привели к этническому противостоянию косовских албанцев и сербов. Это привело к насилию в отношении сербского населения, к эмиграции тысяч сербов, а также к разрушению косоварами сербских мемориалов и памятников культурного наследия (*Bieber 2002: 105*).

Этнические конфликты послевоенного периода были усугублены неспособностью международного сообщества найти дипломатически нейтральное решение по поводу статуса Косова, способное удовлетворить все стороны. Это привело к одностороннему провозглашению независимости от Сербии в 2008 г., признанному на сегодня 116 членами ООН². Международные институты, включая ООН, НАТО, ЕС и ОБСЕ, сохранили свои миссии в новом государства с целью обеспечить мир, развитие демократических институтов и гражданского общества, а также в связи с тем, что отношения между албанским большинством и сербским меньшинством, в основном проживающим в северной части Косово, остаются напряженными и обе стороны продолжают бороться за собственное параллельное управление, играя на противоречиях международных игроков.

«Согласно опросу по поводу восприятия переходной юстиции в Косово, проведенном Программой развития ООН (United Nations Development Programme), большинство респондентов считают свою этническую группу главной жертвой преступлений и нарушений прав человека во время войны. Хотя большинство представителей всех этнических общин считают, что все военные преступники должны быть наказаны, при этом более 70% косоваров и более 40% косовских сербов не склонны думать, что представители их этноса совершали военные преступления» (*Baliqi 2017: 12*).

Косово остается спорным символом, восходящим к мифам о битве на Косовом поле 1389 г., которая знаменует историческую преемственность сербского государства и духовного наследия сербского народа³. В то время как итоги и последствия этой битвы остаются предметом сомнительных интерпретаций, ее символическое значение продолжает играть важную роль в национальной истории сербов и косоваров и по сей день эксплуатируется политиками с обеих сторон (*Di Lellio 2009; Ejđus, Subotić 2014; Kočan 2019*).

Недавние, прагматические по большей мере, усилия двух сторон двигаться в сторону примирения, воплощенные в том числе в Брюссель-

² 16 государств отозвали свое признание независимости Косова: Сан-Томе и Принсипи, Суринам, Бурунди, Папуа — Новая Гвинея, Лесото, Коморы, Доминика, Гренада, Соломоновы Острова, Мадагаскар, Палау, ЦАР, Того, Гана, Науру, Сьерра-Леоне.

³ Битва на Косовом поле является одним из основных мифов сербского национализма. Битва между коалицией сербских князей и Османской империей состоялась в день святого Вита 15 (по принятому сейчас григорианскому календарю 28) июня 1389 г. В надежных исторических источниках содержатся скудные сведения об этой битве, означавшей конец средневекового Сербского царства.

ском соглашении 2013 г., привели к тому, что Сербия признала власти и администрацию (но не суверенитет) Косова, с целью обеспечить позицию Сербии в процессе вступления в ЕС. В то же самое время противоположные мнения о прошлом, настоящем и будущем Косова продолжают высказываться в ходе горячих дискуссий, идущих под прикрытием политического прогресса. Наследие Армии Освобождения Косова продолжает процветать в косо­варской политике в рамках Демократической партии Косова (*Partia Demokratike e Kosovës — PDK*) и Альянса за будущее Косова (*Aleanca për Ardhmërinë e Kosovës — AAK*). Оценка двусмысленного социально-политического климата, данная Ингимундарсоном в 2007 г., не утратила своей актуальности: «С одной стороны, этнонационалистический дискурс, разделяемый и декларируемый политической элитой косоваров, в значительной мере зиждится на понятиях национального строительства, возникших в девятнадцатом веке. Среди них: претворение мифов славного прошлого и продолжающаяся борьба за независимость, подчеркивание героизма, самопожертвования, мученичества и травмы. С другой стороны, албанский национализм включен в пост­модерное видение гражданской нации, основанное на идее о том, что независимость Косова может быть надежно обеспечена только наднациональными “Евроатлантическими структурами”, т. е. Европейским союзом и НАТО» (*Ingimundarson 2007: 95*).

Подобно всему (пост)югославскому пространству, этнонационалистиче-

ские нарративы, которые подчеркивают многовековую национальную идентичность косоваров и сопровождаются тропами самопожертвования, мученичества и страдания, процветают в учебниках, государственной практике коммемораций и политическом дискурсе (*Baliqi 2017*). Лишенные в стратегических целях ссылок на культурное и религиозное исламское наследие (*Ingimundarson 2007: 101*), они подпитывают неолиберальную экономическую модель, отвечающую прагматическим интересам политических элит, которые негласно отказываются от усилий по построению более прозрачной и прочной социальной модели. Подчеркивание этнических конфликтов и национальной борьбы скрывает глубокие и давние исторические проблемы, связанные с классовым и гендерным неравенством (*Baliqi 2017; Zdravković-Zonta 2009*).

Косово является самой молодой (средний возраст согласно переписи 2011 г. — 27 лет) страной Европы с высочайшим уровнем безработицы среди молодежи: «По причинам длительной межэтнической вражды, опыта военной травмы, отсутствия переходной юстиции и неумения работать с прошлым, современной молодежи присущи этнонационалистические тенденции и высокая политизация» (*Baliqi 2017: 11*).

Поэтому борьба за наследие, память и видение будущего не является исключительно конфликтом между сербской и албанской общинами; несовместимые нарративы, которые расцветают внутри данных общин, образуют клубок противоречий, от-

зывающихся в настоящем. Совместные инициативы исследователей, такие как «Книга памяти Косова»⁴, играют в этом смысле чрезвычайно важную роль. Используя методы устной и визуальной истории, исследовательские организации стремятся документировать и сохранить знание о местной истории во всей ее сложности. Использование критических теоретических подходов, от идеологической критики до гендерных исследований, позволяет обнаружить и сделать общим достоянием альтернативные нарративы, которые могут внести вклад во все вышеназванные аспекты кропотливого процесса приречения.

В данном интервью доктор Элифе Красничи сосредоточена на этих потенциальных нарративах. Она включает их в исторический и институциональный контекст, тем самым расширяя понятия национальной идентичности и идентификации.

Вопросы и введение Наталии Майсовой. Люблина — Грац, 22.05.2020.

Н. М. Как писатель, активист и исследователь вы выдвигаете на первый план важные и глубоко укоренившиеся формы неравенства, в том числе гендер, и их не бросающиеся в глаза, но ощутимое воздействие. Говоря о Косове как молодом государстве, вы отмечаете, что его историография и политика памяти основаны на обосновании длительного проживания албанцев на данной территории и их права на государственность.

Красничи является антропологом, активистом женского движения и писателем. С 2018 г. она преподает и проводит исследования в Институте истории и антропологии Юго-Восточной Европы Грацкого университета. Она является сооснователем и бывшим главой «Альтер Хабитус» — Института феминистских исследований общества и культуры в Приштине (2009–2010; 2016–2018). В центре ее научных интересов социальная и визуальная антропология и социальная история. Ее докторская диссертация посвящена изучению семьи и патриархальных отношений в Косово с середины XX до начала XXI в. Ее нынешний исследовательский проект посвящен вопросам расы, власти и семьи на Балканах, в рамках которого она проследживает жизнь чернокожих в различных местностях Балкан в конце XIX — начале XX в., уделяя особое внимание жизни домашней прислуги и нянек.

Какие неравенства скрыты в этом нарративе?

Э. К. Ведущие направления косоварской историографии в целом игнорируют гендер и стараются не замечать вопросы классового неравенства. Подобные умолчания и их причины могут сообщить нам много важного. Прежде всего, это говорит нам о контексте, в котором работают албанские исследователи. Например, Институт албанистики был открыт

⁴ «Книга памяти Косова» — совместная работа косовского и белградского Центров гуманитарного права, перечисляет представителей всех этнических групп, убитых, пропавших без вести и исчезнувших в период 1998–2000 гг. Шеститомный труд был издан на албанском, сербском и английском языках (*Baliqu* 2017: 15).

в 1953 г., закрыт в 1955 г. и вновь открыт год спустя после отставки Александра Ранковича в 1966 г.⁵ Тогда же в 1967 г. был открыт местный Институт истории. В 1969 г. был открыт Университет Приштины, который до 1999 г. был единственным университетом на территории Косова, а также единственным в Югославии, где преподавание велось на албанском языке. Необходимо помнить, что до отставки Ранковича Косово жило в состоянии жесткого политического угнетения и нищеты. После Второй мировой войны югославские власти, в разные периоды разными способами, осуществляли давление на косоваров. Экономические меры, например, включали *принудительные* поставки продовольствия. Правда, такая экономическая политика до 1952 г. проводилась на всей территории Югославии (Horvat 1970). В рамках этой политики крестьяне вне зависимости от уровня их достатка должны были сдавать весь урожай местным властям для последующего равного распределения. В коллективной памяти Косова этот период отмечен как время голода и насилия (Krasniqi et al. 2016). Среди репрессивных мер, которые до сих пор вызывают болезненные воспоминания,

выделяется акция по сдаче властям оружия. Хорватский экономист ссылается на доклад Комиссии по реорганизации Службы государственной безопасности, где описываются методы, которыми отбиралось оружие: людям угрожали, избивали, загоняли зимой в воду, держали в холодных помещениях, калечили и даже убивали. Часто албанцы были вынуждены покупать оружие и сдавать властям в надежде, что это избавит их от насилия. Доклад также сообщает, что эти акции были направлены преимущественно против албанцев, многие из которых были вынуждены бежать в Турцию, но они также не обошли стороной сербов и черногорцев (Horvat 1989: 92).

Давление на албанцев, вынуждавшее их бежать в Турцию (или Албанию), наиболее прямолинейно и жестоко осуществлялось в ходе аграрных реформ и колонизации Косова еще в межвоенный период⁶. Миграция/перемещение югославских мусульман в Турцию регулировалась соглашением между Тито и турецким министром иностранных дел Мехметом Фуатом Кёпрюлю (Mehmet Fuat Köprüllü) и действовало по меньшей мере до отставки Ранковича.

⁵ В 1945–1966 гг. член Политбюро Югославской коммунистической партии Александр Ранкович (1909–1983) обеспечивал контроль сербского меньшинства над албанским населением Косова с помощью репрессивных мер тайной полиции. Подобные кампании также проводились, хотя и с меньшей жесткостью, против венгров Воеводины и мусульман Санджака. Ранкович был противником признания боснийской нации (прим. редактора).

⁶ Обрадович выделяет три волны сербской колонизации: 1920, 1921–1923 и 1931–1941 гг. По его мнению, целью колонизации было изменение этнической структуры Косова посредством принуждения албанцев к эмиграции в Турцию и Албанию. Эти мероприятия проводились государством при поддержке большинства представителей интеллектуальной элиты, включая ученых. Наиболее примечателен «Меморандум для изгнания албанцев», подготовленный историком из Белградского университета Васей Чубриловичем (Vasa Čubrilović) и представленный им в 1937 г. правительству Югославии (Malcolm 1998: 284). Чубрилович доказывал, что албанский вопрос в Косово должен быть решен раз и навсегда и предлагал различные насильственные меры для массового изгнания албанцев. См. полный текст меморандума на английском: URL: albanianhistory.net/1937_CubriloVIC/index.html.

В период, когда должность руководителя Государственной секретной службы (Uprava državne bezbednosti — UDB) занимал Ранкович, эта служба занималась надзором за повседневной жизнью албанцев. Например, если косовар покупал албанскую ежедневную газету «Рилиндья» (Rilindja), этот факт заносился в его досье, которое вели сотрудники секретной полиции (Reuter 1982: 44–45. Цит по: Malcolm 1998: 327).

В то время как современные исследователи обращают внимание преимущественно на историю политических преследований косоваров в период социалистической Югославии, необходимо отметить также и экономическое давление, прежде всего с точек зрения гендерного и классового неравенства. Несмотря на то, что со второй половины 1960-х в Косово направлялись значительные инвестиции, уровень жизни в Косово во весь период после Второй мировой войны был ниже, чем в других частях Югославии. Так, после окончания войны лишь 2,6% косовских семей снабжались электричеством. Но и в середине 1960-х более 70% территории Косова оставалось без электричества (Maxharri 1985: 3–4). Уровень здравоохранения также был чрезвычайно низок. По данным журнала социального обеспечения «Трибуна», в 1974 г. один врач общей практики приходился на 10 589 жителей и один фельдшер на 15 702 жителя. На все Косово были два эпидемиолога. В 1975 г. лишь 225 населенных пунктов, где проживало 46,3% населения, располагали центрами здравоохранения, остальные жители должны

были обращаться за медицинской помощью за пределами их поселений (Трибуна. 15 декабря 1977 г.). В так называемый «золотой период» 1970-х происходило значительное развитие провинции, но процесс этот был неравномерным и поэтому положительно влиял на жизненные траектории далеко не всех косоваров и углублял классовое расслоение. Большинство обитателей сельских районов Косова были лишены тех возможностей, которые были доступны людям, находившимся на более высоких уровнях классовой иерархии, например жителям Приштины. Дети образованных родителей, служивших в государственных учреждениях Приштины, имели большие жизненные возможности в сравнении с остальными. С середины 1960-х денежные переводы также становились важным источником доходов тех, кто имел родственников-мигрантов.

В западной части Косова — Пежа (Peja), Гжакова (Gjakova), Призрен (Prizren) на юге и Митровица (Mitrovica) на севере — партизанское движение в годы Второй мировой войны было особенно активным (Ströhle 2016). После войны люди из этого региона имели больше возможностей занять должности в аппарате управления. Более того, в названные города и Приштину вкладывали больше средств, чем в другие населенные пункты, такие как Дреница (Drenica, в центральном Косове, где в 1998 г. началась Косовская война). В этом смысле социализм не вел к равному распределению благосостояния и возможностей⁷.

⁷ Первой после Второй мировой войны массовой реакцией на эти притеснения были демонстрации 1968 г. Большинство историков анализируют эти события сквозь линзы национализма, обращая внимание, прежде всего, на требования придать Косово статус республики. Вместе с тем речи

Все это влияет на восприятие прошлого разными людьми. Меньшинство албанцев, которые были облагодетельствованы социалистическим режимом, вспоминают об Югославии с ностальгией, т. к. это было время, когда они радовались тому потребительскому стилю жизни, который сложился в стране в 1970-х. Сельское население имеет другой опыт, их память не связана с государством и его благодеяниями. В этот период не только не возник средний класс, но даже более-менее обеспеченный нижний класс, который бы состоял из обитателей сельской местности (Ibid.).

Н. М. Вы упомянули об исходе тысяч косоваров в Турцию. В научной литературе этот процесс именуется и «изгнанием», и «миграцией». Эти понятия не являются синонимами. О чем все-таки, по вашему мнению, идет речь в данном случае?

Э. К. Большинство албанских историков и исследователей косовской коллективной памяти определяют этот тип миграции и как «перемещение» (shpërngulje), и как «изгнание» (dëbim)⁸. Контекст, в котором индивиды или семьи уезжали в Турцию, подобен опыту мусульман из Македонии, тщательно изученному Бурку Акан Эллис (Ellis 2003). Она не рассматривает волну миграции, начавшуюся в 1953 г., как принудительную миграцию. Тем не менее, пе-

речислив различные виды давления, вынуждавшие людей покинуть страну, она утверждает: «Все эти “сигналы”, посылаемые мусульманам, давали понять об уязвимости их положения в Югославии и усиливали их убеждение о необходимости эмигрировать в Турцию» (Ibid.: 54–55). Рассматривая положение косовских албанцев, Эдвин Пезо использует те же аргументы, доказывая, что эмиграция в этот период не может рассматриваться как организованная государством принудительная миграция. В то же время он признает, что существовали различные виды политического и экономического давления (Pezo 2018). Эти, используя термин Эллис, «сигналы», по воспоминаниям моих собеседников, с которыми я общалась в ходе написания диссертации, имели экономический, политический и психологический характер. Экономическое давление включало, в частности, закрытие магазинов, принадлежавших албанцам, а также лишение их других источников существования. Политическое давление включало похищения среди ночи, допросы, тюремное заключение, пытки и т. д. Психологическое запугивание со стороны властей приводило к созданию общей атмосферы страха и незащищенности.

Получить документы для миграции в Турцию не составляло труда. Надо было только подтвердить свою турецкую идентичность. Это было

организаторов демонстраций свидетельствуют, что речь также шла и о классовом неравенстве (Novosella 2008). В определенном смысле демонстрации 1968 г. в Косово отличались от демонстраций, состоявшихся в том же году в других регионах Югославии, поскольку албанцы в то время не обладали равными правами во многих сферах, в частности в праве на высшее образование на родном языке. Вместе с тем данные демонстрации имели много общего с выступлениями в других местах, т. к. были также направлены против привилегий правящей элиты.

⁸ См. об этом: (Pezo 2018).

несложно для *шехирли* (*şehirli* — по-турецки городские жители), тех, кто жил в городах долгое время и использовал османский турецкий язык в повседневной жизни⁹. В ряде случаев эти документы могли без особых проблем получить и сельские албанцы, которые не говорили по-турецки. Тут действовал принцип домино. Достаточно было одной влиятельной семье из какой-нибудь *махалле* (*mahalle* — сообщество соседей по-турецки) уехать, многие следовали этому примеру. Этот тренд соответствовал общей политике государства в отношении османского наследия. Коммунистические идеи модернизации, проводившейся под лозунгом: «Разрушай старое, чтобы расчистить место для нового», — содействовали разрушению многих зданий османский периода в старых частях городов, где жили *шехирли* (*Çarkagjii* 2011: 53–54). *Шехирли*, рассматриваемые государством в качестве нежелательных носителей османского наследия, наблюдали за разрушением привычной среды обитания и отъездом соседей, и также начинали собираться в дорогу, а за ними следовали многие сельские жители. В это время образованные люди, учителя и особенно политические активисты, которые требовали образования на албанском языке и права вывешивать албанский флаг, считались националистами. Они и члены различных подпольных движений подвергались преследованиям, тюремному заключению и насилию. В этих условиях, по моему мнению, соглашение Тито — Кёпрулю оставляло для косоваров единственный выход из ситуации

государственного угнетения и насилия. Я, наряду с Пезо, использую подход социолога Энтони Ричмонда, который утверждал, что решение покинуть свой дом может быть либо *проактивным*, принятым по экономическим или культурным мотивам, либо *реактивным* — последствием политического или социального угнетения, принятым в состоянии паники (*Richmond* 1988: 17). Я считаю, что решения отправиться из Косова в Турцию в большинстве случаев носили реактивный характер, хотя принимались и не столь многочисленные проактивные решения. Эти практики нельзя приравнять к изгнанию, т.е. принудительным перемещениям албанцев из Косова, которые имели место в 1999 г., тем не менее нельзя называть их свободными миграциями. Я склонна именовать этот процесс (за отсутствием лучшего понятия) *обусловленной миграцией* (*conditioned migration*).

Важным элементом обсуждаемого вопроса является межпоколенческая память. Историк Мемли Красничи, спросил Эмина Битичи (*Emin Butuçi*, 1930 г.р.), почему он уехал в Турцию в 1964 г., когда силовые государственные акции, например, по отъему оружия уже не проводились. Битичи ответил, что люди продолжали бояться, что нечто подобное может повториться, поскольку «они помнили недавний опыт» Под этим подразумевался страх повторения пыток, которым члены его семьи, наряду с другими албанцами, подвергались после Второй мировой войны (*Krasniqi et al.* 2016: 299, 304–307). Поэтому вопросы травмы и межпоколенческой

⁹ Подробнее см.: (Ellis 2003: 1–39; Pezo 2018).

памяти должны стать необходимой частью данной дискуссии. В марте 1999 г., когда почти миллион албанцев были депортированы сербскими силами в Македонию и Албанию, на почти обезлюдивших землях и в лагерях беженцев особую актуальность приобрела память о перемещениях и изгнании старших поколений албанских семей.

Н.М. Ваше исследование памяти оспаривает ряд устойчивых исторических тропов, относящихся к социальной организации и социальной динамике Косова. Каким образом антропология может внести вклад в корректировку исторических нарративов?

Э.К. Югославская историография и в какой-то мере другие дисциплины, изучающие албанцев, обращаясь к таким проблемам, как права и свободы, включение и исключение, центр и периферия и т.д., используют дискурсы колониализма и культурного расизма. В ходе исследования косовской семьи я внимательно читала работы известного хорватского антрополога Веры Эрлих, изучавшей причины, по которым албанская семья осталась последней *задругой*¹⁰ на территории Югославии (Erlich 1976). Опираясь на работы социолога Рудольфа Биканича (Rudolf Bičanić) и историка Траяна

Стояновича (Traian Stoianovich)¹¹, Эрлих доказывает, что на рубеже XIX и XX вв. политические и экономические перемены привели к фактическому исчезновению задруги в Югославии (Erlich 1966: 48–49, 153–154). Эрлих приводит следующие причины сохранения задруги среди албанцев: ислам, верность традициям, кровная месть и приверженность османскому наследию (Erlich 1976). Первым в данном случае возникает вопрос, почему экономические и политические факторы не сыграли в Косово той роли в разрушении задруги, которую они сыграли в других частях Югославии? Эрлих считает, что в Косово сказались неграмотность населения, вызванная «частично нехваткой школ, а также враждебностью [албанцев] к светскому школьному обучению. <...> Наряду с экономической отсталостью это грустное наследие Османской империи» (Erlich 1976: 248). Данное объяснение использует не только язык культурного расизма, но и не принимает в расчет ряд очевидных фактов. Албанские исследователи, в отличие от Эрлих, считают, что совместное ведение хозяйства албанцами было законсервировано, благодаря, прежде всего, экономическим и политическим факторам. При этом они согласны с ней, что традиции и обычаи также сыграли свою роль (Krasniqi 1979; Rrapi 1995).

¹⁰ Сельская община, считающаяся типичной для южных славян, обычно формировалась из членов большой семьи или группы родственных семей. Во владении задруги находились недвижимость, скот и деньги, которыми обычно распоряжался старейший мужчина. Со временем он мог передать свои права одному из своих сыновей. Мария Тодорова считает, что название «задруга» привело к созданию мифа о том, что это наследие первобытнообщинного строя. По ее мнению, задруга возникла на территории Османской империи в XVIII – начале XIX в. в составе товарного типа сельского хозяйства, имевшего название чифлик (çiflik), который пришел на смену натуральной спайхской военно-ленной системе (цит. по: Kaser 1994: 39–40).

¹¹ Рудольф Биканич (1905–1958), хорватский социолог и экономист; Траян Стоянович (1921–2005), американский историк (прим. редактора).

Мои этнографические наблюдения в области Опожа (Ороја), расположенной в южном Косове, свидетельствуют, что указанный Эрлих фактор кровной мести не свойствен местному населению. Ни один из стариков, которых я интервьюировала, не слышал, не говоря уже о личном участии, об этом обычае. Следовательно, стереотипное представление о том, что всем албанцам присуща традиция кровной мести, не получает эмпирического подтверждения. Относительно утверждения Эрлих: «Албанцы продемонстрировали, что ислам и задруга совместимы» (*Erlich* 1976: 246), — необходимо привести мнение албанского социолога Гьергя Ррапи, высказанное в 1970-х (опубликовано в 1995 г.), что задруга преобладает также среди албанцев-христиан и число членов общины в данном случае было обычно больше, чем у мусульман (*Rrapi* 1995: 88). По поводу образования необходимо сказать, что в 1970 г. албанские семьи, даже в таких удаленных районах, как Опожа, уделяли огромное внимание образованию своих детей. После открытия Университета Приштины туда записалось огромное число косоваров, включая женщин. Деян Йович показывает, что в конце 1970-х каждый третий косовар был охвачен университетскими программами (*Jović* 2009), что противоречит утверждению Эрлих о враждебности албанцев к обучению. Бурный рост образовательного уровня внес вклад в рост эмансипации, вовлечение молодежи и женщин в социальные, политические и культурные формы деятельности. Кроме того, Эрлих совершенно не уделяет внимания образованию албанцев в эпоху Королевства Югославии. Тогда албанские

школы, учрежденные в период австрийской оккупации (1915–1918), были закрыты (*Schmitt* 2012: 143) или переведены исключительно на сербский язык обучения (*Malcolm* 1998: 267). Лишь несколько начальных мусульманских школ (*Ramet* 2006: 47–48) и частных «турецких школ» получили разрешение на преподавание при условии, что оно будет вестись на турецком языке (*Malcolm* 1998: 267). Запрет албанских школ шел рука об руку с отрицанием этнической и национальной идентичности албанцев (*Ibid.*: 268–269).

Н. М. Какие изменения произошли в научных исследованиях косовской проблематики после Косовской войны? Каковы сегодня отношения между наукой и политическим активизмом?

Э. К. После войны 1998–1999 гг. историописание, а также различные манифестации коллективной памяти, такие как мемориалы и памятники, посвященные этой войне, приобрели популярность. После 1999 г. стало возможным свободно писать о притеснениях и жестокостях, совершенных югославскими и сербскими властями против албанцев. В то же время в Косово происходил бурный процесс воплощения разных видов коллективной памяти. Исторические исследования и историография в Косово продолжают рассматривать гендерные отношения с традиционной точки зрения. В этом смысле исторические нарративы позволяют увидеть, с помощью каких концепций и каким языком осмысливается гендер. Становится очевидным, что за пределами феминистских исследований женщины и мужчины

описываются по-разному. Женский активизм, вклад женщин в политику, историю и общественную жизнь практически не освещается, несмотря на недавний прилив общественного интереса к этой части истории.

В тех случаях, когда в исторических исследованиях и учебниках воздаётся должное роли отдельных женщин в национальном и государственном строительстве, нарратив остается в патриархальных рамках, где важную роль играет материнство. Письменные и телевизионные нарративы истории стремятся описывать женщин как «мать этого героя», «сестра этого видного политического заключенного» и т. д., не придавая значения тому, что многие матери и сестры сами были политическими активистами. Язык описания активизма женщин вращается либо вокруг их семейного статуса (мать, сестра), либо подчеркивается их «мужественный» характер, с помощью таких выражений, как «она сражалась как мужчина» и т. д.

В середине 2000-х я исследовала роль женщин в подпольном движении сопротивления 1960–1980-х, которое получило общее наименование «Илегалья» (Pegalja — нелегальность). Эти подпольные группы действовали по меньшей мере с 1950-х. Эти десятилетия отмечены несколькими волнами противостояния угнетению со стороны югославского и сербского режимов. Подпольный характер движения ставит серьезные эпистемологические, теоретические и методологические проблемы перед его исследователями. Женщины выполняли в составе Илегальи разные функции: от курьеров до членов ру-

ководства. Для того, чтобы оценить и изучить их вклад в национальное освобождение и в государственное строительство, необходимо осмыслить, какие последствия влекло участие в подпольном движении, каков был его характер и каким был опыт его участников. Исследования подобного рода должны сочетать различные методы и междисциплинарные подходы. В большинстве случаев до нас дошла скудная информация о роли женщин в подпольном движении. За пределами феминистских исследований, в большинстве работ по истории Косова обнаруживается недостаток нюансированного (критического) подхода к прошлому, к многообразию его измерений, включая гендер и класс.

Революционные для определенных исторических периодов поступки женщин, такие как отказ от замужества и решение учиться в школе, часто остаются за пределами внимания исследователей и сохраняются в памяти в виде анекдотов, пересказываемых родственниками и знакомыми. Малое внимание косовской историографии к социальной истории и преобладание истории политической обусловлены долгой историей угнетения, которая приводит к сосредоточению на политических нарративах. Такой подход к прошлому отражается на понимании гендера, согласно которому в трудах большинства историков женщины рассматриваются в рамках семьи и родственных отношений, а мужчинам приписываются героические качества. Сам язык описания красноречиво демонстрирует позицию исследователя. Включение феминистской точки зрения могло бы предоставить

иные подходы к производству знания о власти и позиционировании относительно власти. Проблема такого включения не является особенностью Косова и Балкан. Это гораздо более широкая проблема, как нам уже более ста лет постоянно напоминают международные феминистские (особенно постколониальные) исследования.

Феминистские группы и неправительственные организации Косова, такие как Центр косоварских гендерных исследований и Косовская женская сеть, уже поднимали вопросы, связанные с гендерным перекосом в текстах, предназначенных для школьного обучения, а также с дискриминацией женщин в общественной и семейной жизни. Летняя школа Университета Приштины, проводимая в рамках программы Центра гендерных исследований (основанного и руководимого исследователями феминизма Нитой Лучи (Nita Luci), Линдой Гусия (Linda Gusia), Вжоллкой Красничи (Vjollca Krasniqi)), включает методологические курсы по этой проблеме. Как и везде, огромные усилия приводят лишь к медленному прогрессу, и исследователи феминизма пока редко занимают ключевые позиции в научных институтах. Деятельность Центра гендерных исследований как инновационного пространства для междисциплинарных и гендерных исследований сопряжена с постоянной борьбой и переговорами. Необходимо отметить, что возможность преподавать и исследовать гендерные и феминистские проблемы обеспечивается тем, что исследователи феминизма являются сотрудниками таких кафедр, как социология и антропология.

Н.М. В чем, по вашему мнению, состоит специфика современной политики памяти в Косово в сравнении с остальным (пост)югославским пространством?

Э.К. По мнению Флориана Бибера, ключевой вопрос состоит в том, что «герои одного народа являются врагами» или военными преступниками в глазах представителей другого народа (*Bieber 2014*). Несколько инцидентов в Сербии и в Косово в 2013 г. обнаружили незатухающие постконфликтные противоречия, порожденные войной 1998–1999 гг. В январе 2013 г. сербская полиция демонтировала памятник албанским мученикам — членам парамилитарного формирования Освободительная армия Прешева, Медведжи и Буянока (алб.) / Буяноваца(серб.) (*Ushtria Çlirimtare për Preshevë, Medvegjë dhe Vujanoc — UÇPMB*), установленный в ноябре 2012 г. в сербском городе Прешева. Уже на следующий день Косовская ассоциация ветеранов войны снесла в ответ памятник социалистического периода в городе Витине (Viti) в восточном Косово. Данный случай нельзя назвать типичным для Косова, тем не менее многие памятники периода социализма разрушены, порой исключительно потому, что они были заброшены и пришли в негодность. Этот пример указывает на то, что в представлениях албанцев сербский национализм и югославский федеративный социализм сливаются в процессе построения образа «врага». Месяцем позже албанцы Буянока/Буяноваца, расположенного в Южной Сербии, протестовали против установки памятника сербскому полицейскому, который погиб в Косово

в 1999 г. Эти случаи показывают, что напряженные отношения между двумя странами распространяются и на памятники¹². Коллективная память поляризуется не только вовне, но и внутри Косова, выражением чего являются выступления членов гражданского общества и художников, которые выступают против разрушения и политизации памятников социалистического периода, представляющих художественную ценность. Так, в 2017 г. муниципалитет Гилана (Gjilan), расположенного в Восточном Косове, при поддержке Лиги историков Косово «Али Хадри» (Ali Hadri), решил переместить памятник социалистического периода¹³, чтобы на его прежнем месте воздвигнуть памятник национальному герою Идризу Сефери (Idriz Seferi, 1847–1927). Организации гражданского общества и художники Гилана организовали протест и подписали петицию против этого решения. Они аргументировали это тем, что памятник социалистического периода является частью городской коллективной памяти и обладает художественной ценностью. Протестующие также призвали муниципалитет привлекать общественность к широким дискуссиям по подобным вопросам¹⁴.

Цифровая эпоха приводит к появлению различных конкурирующих нарративов и голосов. Несмотря на это, коллективная память Косова формируется, прежде всего,

правительством и другими представителями власти, а также силами международного сообщества. Международное сообщество без особого успеха стремится денационализировать коллективную память Косова (*Ingimundarson 2007*). День албанского флага, например, не является государственным праздником Косово. Тем не менее люди его широко отмечают, усматривая в нем символ широкой албанской этнической и национальной идентичности. На официальных церемониях используется сине-желтый косовский флаг с шестью звездами, символизирующими различные этнические группы, проживающие в Косове. Он был специально разработан с целью исключить любые этнические интерпретации. В этом смысле он напоминает флаг Боснии и Герцеговины.

Государственное угнетение со стороны югославского и сербского государств и война не оставляют заметного места для ненационалистической памяти. Албанская политическая элита Косова сформировала откровенно националистическую память, в которой мученики и герои поминаются в гораздо большей мере, чем, скажем, жертвы войны (*Weller 2009*). Вопреки высокой степени вовлеченности государства в процессы мемориализации и формирования коллективной памяти, существуют и независимые инициативы. Примером этому служит Музей Фер-

¹² См. также: Shkëlzen Maliqi. The War of Symbols: Remembrance in Kosovo. URL: kosovomemory.org/wp-content/uploads/2017/03/MOnuMENTI_shqip_eng-1.pdf.

¹³ См. о памятнике в Гилане: Nošenje Ranjenika – Ante Gržetića. URL: skulptura-hronologijaizlaganja.rs/spomenik-nosenje-ranjenika-gnjilane/.

¹⁴ См. также: Dorentina Kastrati & Taulant Osmani. ‘Gjilanit i zhvendoset “Panorama” gjysmë shekullore’, 10.11. 2017, Kallxo, URL: kallxo.com/gjate/analize/gjilanit-zhvendoset-panorama-gjysmë-shekullore/.

дони Черкези (Ferdonije Qerkezi) в Джяковице (Gjakovë), расположенном на Юго-Западе Косова. 27 марта 1999 г. полиция похитила мужа и четырех сыновей Фердонии, двое из которых считаются пропавшими без вести. Черкези не хотела ничего менять в доме и в конечном счете превратила его в музей, открытый для посетителей. 14 июня 2016 г. муниципалитет Джяковицы, который в тот момент возглавляла женщина-мэр Мимоза Кусари (Mimoza Kusari), объявил дом Фердонии домом-музеем (shtëpi muze) и установил на нем мемориальную доску с надписью: «Традиционный дом семьи Черкези, исторический музей событий 1999»¹⁵. С прошлого года негосударственные аспекты мемориализации, включая семейную память, оказались в центре моих научных интересов. Меня интересует глубинный уровень «морального обмена» между государством и семьями (например, мучеников) и как это взаимодействие проявляется в публичном пространстве.

В 2009 г. Институт исследований общества и культуры «Альтер Хабитус» (Alter Habitus)¹⁶ провел исследование фокус-групп в семи различных муниципалитетах Косова, опрашивая граждан, как они понимают коллективную память и переходную юстицию. Другой нашей це-

лью было создание базы памятников и мемориалов Косова, содержащей сведения о местонахождении, заказчиках, скульпторах и архитекторах, о мучениках и жертвах, которым памятники посвящены, их происхождении и т.д. Наши наблюдения показали, что эстетика памятников и мемориалов основана, прежде всего, на национальных символах, таких как флаг, белая албанская шапка, двуглавый орел и т.д. В городской местности заказчиками этих памятников выступали в первую очередь ветеранские организации и друзья мучеников, которые получили разрешение местных властей на строительство мемориалов¹⁷. После 2009 г., благодаря поддержке муниципалитетов, появилось больше памятников женщинам — участникам войны 1998–1999 гг., среди которых памятники Хирё Эмини (Hygë Emini) в городе Феризай (Ferizaj) и Джевё Лладровчи (Xhevë Lladrovci) в городе Дренас (Drenas). Мемориал «Героиня» (Heroinat), который был создан в 2015 г. по инициативе бывшего члена парламента Альмы Лама (Alma Lama), представляет женское лицо, собранное из более чем 20 000 медальонов, что символизирует примерное число женщин, изнасилованных в ходе войны 1998–1999 гг. сербскими военными и участниками парамилитарных формирований¹⁸.

¹⁵ Në ditën e Çlirimit përurohet shtëpia-muze e familjes Qerkezi, Lajmi.net, 14 June 2016. URL: <https://lajmi.net/ne-diten-e-çlirimit-perurohet-shtepia-muze-e-familjes-qerkezi/>.

¹⁶ «Альтер Хабитус» — Институт изучения общества и культуры, неправительственная организация в Косове, основанная в августе 2005 г. группой социологов, антропологов, лингвистов и активистов феминистского движения (прим. редактора).

¹⁷ См. обзор мнений об этом с точки зрения экономики и гендера, которые были получены в ходе работы с фокус-группами в 2009 и 2010 гг.: URL: www.alterhabitus.org/wp-content/uploads/2017/10/Report-of-findings-from-focus-groups_CM-TJ.pdf.

¹⁸ Надпись на мемориале: «Мемориал создан из 20 145 медальонов, символизирующих многообразный вклад и жертвы всех албанских женщин в ходе войны 1998–1999 в Косово. Вместе с тем мемориал создан в память порядка 20 000 албанских женщин, изнасилованных представителями

Этот памятник, или, точнее, то, как он описывается, прежде всего, политиками, не изменяет романтический дискурс вовлечения женщин в войну в терминах материнства и самопожертвования ради нации. Важно подчеркнуть, что даже в период мира и свободы эти жертвы никогда не осмысливаются в терминах, выходящих за пределы биологии.

Кроме мемориалов, разработаны ритуалы коммеморации и возникли песни, посвященные мученикам, которые становятся частью албанского фольклора. Названия улиц переименованы в третий раз в течение XX в. Последнее переименование стало ответом на деалбанизацию 1990-х. После отмены автономии Косова при режиме Милошевича в 1989 г. только в Приштине были переименованы более 7000 улиц, школ, организаций. Даже названия памятников были изменены с отсылками к культурным и религиозным сербским «иконам» памяти. После войны 1999 г. сербские названия были частично заменены старыми, а частично переименованы в честь косоварских героев и мучеников, прежде всего войны 1998–1999 гг. и в меньшей степени в честь политиков, ученых и т. д. более ранних исторических периодов. В 2014 г. «Альтер Хабитус» совместно с Программой гендерных исследований Университета Приштины и Форумом служения гражданскому миру¹⁹ провел мемориальную мастерскую для студентов, в рамках

которой проводилось изучение базовых понятий коллективной памяти, гендерных исследований и феминистской эпистемологии.

Новые памятники, построенные в Косово, прежде всего, подчеркивают этнический элемент войны, развернутой против косоваров. Большинство этих памятников выполнены в стиле социалистического реализма, заимствованного главным образом из Албании, поскольку заказчики поручали избранным ими скульпторам создавать памятники в близкой им эстетике, возможно, даже несмотря на то, что они ощущали, что молодым поколениям она чужда. Эта эстетика действительно не близка многим участникам фокус-групп, с которыми работали сотрудники «Альтер Хабитус», в ходе исследования 2009 г. Часть наших собеседников ставила под сомнение милитаристский характер памятников, часто представляющих вооруженных людей. По их мнению, несмотря на то, что речь идет о памятниках, посвященных боевым действиям, они должны способствовать миру, а не пропагандировать войну.

В политическом дискурсе Косова политика памяти формируется таким образом, чтобы капитализировать итоги войны за независимость 1998–1999 гг. Под этим понимаются шаги по обеспечению проектов будущего политических партий, построенных вокруг интерпретаций прошлого, ко-

сербских вооруженных формирований во время этой войны. Совместными усилиями всех женщин создан собирательный портрет косоварской героини. В нем воплощены ценности достоинства, преданности, воспитания, заботы, смелости и выносливости».

¹⁹ Форум является неправительственной организацией, занимающейся, прежде всего, исследованием прошлого на Западных Балканах, в том числе и поощрением критики господствующих нарративов (прим. редактора).

торые осуществляются нынешними политическими элитами. Эти образы будущего должны дать политические преимущества победителям в войне. В случае Косова речь идет о создании преимуществ для тех, кто обеспечил независимость страны. Руководимая Руговой Демократическая лига Косово (Lidhja Demokratike e Kosovës — LDK), которая выступала за мирное сопротивление, ставила себе в заслугу способность сделать косовский вопрос проблемой международного сообщества. Однако с середины 1990-х Косово в международном масштабе находилось в тени Дейтонских соглашений по Боснии и Герцеговине. После войны 1998–1999 гг. политический ландшафт Косово определялся соревнованием Демократической партии Косово (Partia Demokratike e Kosovës — PDK) и Демократической лиги Косова, в чем отражалась определенная региональная динамика. Эти политические силы используют коллективную память как инструмент для утверждения в общественном сознании своей роли в достижении независимости с целью убедить граждан голосовать за них и позволить им оставаться у власти.

Н. М. Как эти изменения политического дискурса коллективной памяти и их разнообразные «преломления» сосуществуют в местах памяти?

Э. К. На мой взгляд, мемориал в Веланье (Velanija) примечателен тем, что показывает, каким образом мемориализация может содействовать, по меньшей мере в физическом пространстве, примирению различных идеологий и тех времен, когда эти идеологии доминировали. Мемо-

риал, названный по расположению в пригороде Приштины Веланье, изначально был мемориальным кладбищем солдат, погибших во Второй мировой войне. Необходимо сказать, что большинство этих солдат были сербами, т. к. лишь немногие албанцы сражались против нацистского режима. Эта часть истории стала частью общественных дискуссий лишь недавно, благодаря таким историкам, как Мрика Лимани Миртай, которые обратились к этому вопросу. По их мнению, роль косоваров во Второй мировой войне была не столь однозначной, как ее описывали ряд представителей югославской историографии, а именно как главным образом союзников нацистской Германии. Оливер Йенс Шмитт пишет по этому поводу: «На самом деле косовары не хотели создать фашистское государство, но и коммунистическая идеология не была близка их традиционным представлениям. Албанцы приняли помощь от тех сил, которые предлагали им покровительство и оружие, для того, чтобы они могли сражаться против возвращения сербской администрации, и этими силами были державы Оси. Понятно, что не только во время войны, но и после ее окончания такое поведение косоваров не нашло понимания в западных столицах» (Schmitt 2012: 171). В свою очередь косовары-коммунисты присоединились к антифашистской борьбе по той же причине, они надеялись, что после освобождения получат право на самоопределение. Об этом было сказано в резолюции Совецания коммунистов Косова и Албании (среди участников были 43 албанца, 3 серба и 3 черногорца), которое состоялось в селе Буян (Бујан) в Албании 31 декабря 1943 —

2 января 1944 г.: «Косово — это территория, населенная преимущественно албанцами (Shqiptar), которые всегда стремились объединиться с Албанией (Shqipëri). Поэтому мы видим свой долг в том, чтобы содействовать реализации этих стремлений албанского народа» (*Ramet 2006: 155–156*).

Часть членов Коммунистической партии Югославии (КПЮ) согласились с этой резолюцией, имея в виду, что после войны Албания станет частью Югославии (*Ibid.: 156*). Рамет считает, что КПЮ «дважды высказалась за передачу Косова Албании: в 1928, когда Тито еще не был руководителем партии, и в 1940 на съезде партии в Загребе, когда Тито был генеральным секретарем» (*Ibid.: 155*). В 1942 г. КПЮ искала поддержки этнических меньшинств и напоминала им об угнетении, которому они подвергались в составе Королевства Югославии. В декабре 1942 г. в партийной газете «Пролетер» (*Proleter*) Тито писал: «Мы никогда не откажемся от принципа права наций на самоопределение вплоть до отделения, провозглашенного нашими великими учителями и руководителями Лениным и Сталиным. Вопрос Македонии, Косова и Метохии, Черногории, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины будет легко разрешен к общему удовлетворению, когда его возьмется решать сам народ, вступивший в борьбу с оружием в руках» (*Magas 1993: 28*). Коммунисты-косовары были убеждены, что им будет предоставлено право на самоопределение. В тот период КПЮ

действительно критиковала идеи унификации, но решение по этому вопросу было отложено до окончания войны (*Ibid.: 33–34*). Хорват считает, что эти события должны рассматриваться в контексте того периода и его динамики. Он утверждает, ссылаясь на обмен письмами между КПЮ и косовским комитетом Коммунистической партии: «Из этого становится очевидным, что КПЮ не отвергло идеи, сформулированные в резолюции совещания в Буяне, потому что она открывала путь для совместной борьбы. Принцип самоопределения был подтвержден, но решение принято не было. Подчеркивалось, что законность любого политического запроса зависит от участия в общей борьбе. Важно отметить, что этот обмен письмами состоялся еще до совещания в Буяне» (*Horvat 1989: 85*). Впоследствии эта «открытая возможность» была «закрыта» в том смысле, что любой, кто был заподозрен в нелояльности идее унификации, сурово наказывался югославскими властями.

Возвращаясь к мемориалу в Веланье²⁰, где рядом с мучениками Второй мировой войны лежат мученики Армии освобождения Косова, погибшие в ходе войны 1998–1999 гг. В 2006 г. здесь был установлен мавзолей для погребения первого президента Косова Ибрагима Руговы. В 2016 г. вечный покой на этом кладбище нашел Адем Демачи (*Adem Demaçi*), который провел 28 лет в югославских тюрьмах. В этом смысле холм Веланья примирил под общим «зонтиком» освободительной борьбы, неза-

²⁰ См. дискуссию об этом мемориале: Isabel Ströhle, “Prishtina’s Martyr’s Cemetery: Conflicting Commemorations” (2006).

висимости и государственности сторонников различных политических идей: сторонника мирного сопротивления Ругову, участников вооруженной борьбы из Армии освобождения Косова и представителя подпольного движения Демачи.

Н. М. Какие аспекты истории Югославии вызывают повышенный интерес косовских историков и исследователей памяти?

Э. К. В центре внимания большинства косовских историков по-прежнему находится политическая история Косово. Особо подчеркивается угнетение албанцев в Королевстве Югославия, в Социалистической Федеративной Республике Югославия и в Сербии. Рассматриваются многочисленные заявления и планы сербского руководства, направленные против косоваров. Среди других исторических событий, которым в официальной историографии уделяется особое внимание, те, что усиливают албанскую национальную идентичность косоваров, и те, что рассматриваются как шаги по обретению государственности, независимости: подпольное движение, студенческие демонстрации 1968 г., демонстрации 1981 г., студенческие демонстрации конца 1990-х, война 1998–1999 гг., Армия освобождения Косово и т. д.

Эти сюжеты находятся в центре внимания таких финансируемых государством исследовательских организаций, как Институт истории Университета Приштины. В то же время ряд исследователей из Университета Приштины, а также независимые историки и интеллектуалы обратились

в последнее время к периоду 1990-х. Этот период характеризовался мирным сопротивлением сербским властям, которое велось под руководством первого президента Косова Ибрагима Руговы (1944–2006) и созданной им Демократической лиги Косова. Эта первая независимая партия, созданная после 1989 г., стала основой так называемой «параллельной системы» самоуправления, возникшей после ликвидации косовской автономии в рамках Сербии в 1989 г. (*Hockenos* 2003: 185–187). Албанцы, изгнанные тогда с государственной службы, создали параллельные структуры образования и медицинской помощи, которые располагались в частных домах, гаражах и подвальных помещениях. До этого в ходе выступлений 1988 г. албанцы пытались сохранить автономию Косова в соответствии с принципами Конституции 1973 г. (*Pula* 2004: 803). Тем не менее в 1989 г. Милошевич отменил косовскую автономию, после чего наступило десятилетие государственного насилия и убийств албанцев. Этот период демонстрирует, каким образом в процессе мирного сопротивления албанцев частное и публичное переплеталось между собой, когда различные сферы общественной жизни работали в обход сербских институтов. Этот период также отмечен рождением нового чувства национальной идентичности и национальной гордости албанцев. В это время в рамках национальной борьбы также оформилось женское движение (*Mertus* 1999). Тогда объединили свои усилия женщины, участвовавшие в подпольном движении 1960–1980-х, сотрудницы местной администрации периода социализма и те, кто состоял на государственной службе в начале 1990-х.

При этом не все участницы мирного сопротивления были членами Демократической лиги Косова. Часть феминисток того времени не была согласна с тем, чтобы их рассматривали как часть ДЛК. Это привело к возникновению первых женских общественных организаций Косова, которые при этом продолжали сотрудничать с женщинами, входившими в структуры ДЛК (*Farnsworth 2008; Gusia 2016*). При этом в центре глорификации по-прежнему находятся те группы, которые состояли в рядах Армии освобождения Косова. Контр-нарративы, или, точнее, индивидуальные голоса представителей гражданского общества и независимых интеллектуалов, бросающие вызов господствующим представлениям, встречают жесткую критику политических элит и дискредитируются медиа, которые работают на политические элиты.

Н. М. Как и с каким успехом группы активистов, такие как «Альтер Хабитус», полемизируют с этими нарративами?

Э. К. Я считаю, что провозглашение независимости Косова в 2008 г. стало поворотным моментом для расширения пространства, в котором как новые исторические нарративы, так и новые интерпретации старых нарративов получили возможность бросать вызов господствующим представлениям. Работы исследователей феминизма и представителей феминистского искусства наметили новое измерение истории женщин, которое открывает путь для нового

взгляда на историю Косова, включающего проблемы класса и гендера. Я отношу этот поворот к 2008 г., потому что в 1990-х задачи национального освобождения и государственного строительства отодвинули в тень инициативы феминисток и женских организаций. Тогда подразумевалось, что гендерное равенство по умолчанию является частью борьбы за независимость. После 2008 г., когда приоритеты национального освобождения стали историей, феминистки смогли создать собственное пространство для радикального протеста и теоретической контекстуализации. Это особенно заметно изнутри феминистского движения, где были созданы новые лояльности, основанные скорее на политических и идеологических убеждениях, чем на таких понятиях, как нация, государство, семья и т. д. В этом смысле я признательна тому вкладу, который «Альтер Хабитус» внес в привлечение внимания академического сообщества к множеству критических подходов при обсуждении проблем политики коллективной памяти (2009–2010, 2014–2017)²¹. Кроме того, в 2017 г. «Альтер Хабитус» стал организатором конференции, где обсуждались вопросы классовой и феминистской эпистемологии социальных движений. Это мероприятие собрало исследователей из Косова и их зарубежных коллег, чтобы впервые за многие годы обсудить различные стороны общественных движений Косова в периоды социализма и 1990-х²².

Общественные движения традиционно рассматривались с точки зрения

²¹ О деятельности «Альтер Хабитус» см. на сайте: www.alterhabitus.org.

²² См. URL: alterhabitus.org; и статью: (Archer 2016).

национальной идентичности и политических прав албанцев. Этот подход не является местной спецификой и присущ многим исследователям за пределами Косова. С помощью конференций, дебатов и других видов активизма памяти, документированных на сайте организации, «Альтер Хабитус» создала пространство, в котором ученые могут представлять и проверять на практике новые темы и направления исследования, а также развивать эпистемологию критического подхода. Общественная организация «Устная история Косова» уделяет огромное внимание персональным нарративам и их общественному воздействию и рассматривает различные вопросы истории политики, общества, искусства и т.д. Эта организация создала цифровую платформу, на которой устные воспоминания доступны в форме видеointервью, которые транскрибированы на албанском. Кроме того, «Устная история Косова» много работает с визуальной историей. В частности, они курируют онлайн- и традиционные выставки, где многочисленные устные интервью проливают свет на различные исторические события, например, кампанию примирения сторон, вовлеченных в традицию кровной мести²³.

Н.М. Каковы функции гендерной политики в рамках коллективной памяти Косова? Какие изменения произошли в гендерной политике за последние два десятилетия и с какой целью они осуществлялись?

Э.К. Активисты и исследователи феминизма изменили способы обсуждения коллективной памяти, что повлияло на формирование активизма памяти. Одним из примеров этого является акция, осуществленная активистами феминизма 8 марта 2016 г. под лозунгом: «Мы маршируем, мы не празднуем». В этот день активисты, одетые в белые маски, самовольно переименовали названия ряда улиц, назвав их именами женщин — учителей, деятелей искусства, национальных героинь и т.д. В частности, бульвар, названный в честь албанского национального героя Скандербег, был ими переименован в «Площадь женского сопротивления». Годом позже Программа гендерных исследований Университета Приштины и Форум служения гражданскому миру организовали обсуждение марша, который состоялся в марте 1999 г., когда примерно двенадцать тысяч женщин с хлебом в руках отправились в путь, чтобы оказать помощь женщинам и детям Дреницы, после убийства семьи Яшари, состоявшегося 5–7 марта 1999 г. В 2018 г. те же организации организовали памятные мероприятия по поводу годовщины женских демонстраций 1998 г., в том числе мультимедийную выставку «Данные: Марш, забытый женский активизм — Косово, март 1998»²⁴. Для социолога Линды Гусии, которая проводила обширное диссертационное исследование о Косово 1990-х и была инициатором этой выставки,

²³ Кампания примирения сторон, вовлеченных в традицию кровной мести (1990–1991), была направлена на объединение косоваров в начальный период репрессий, которые были развернуты режимом Милошевича (<https://oralhistorykosovo.org/research/blood-feuds-reconciliations/>) (прим. редактора).

²⁴ URL: kosovotwopointzero.com/en/exhibition-brings-back-1998-womens-activism-at-national-museum/.

это была, кроме всего, еще и практика в сфере организации широкого обсуждения актуальных тем памяти. Подобные мероприятия важны не только в плане активизма памяти. Они также помогают исследователям наблюдать, как изменяется производство знания о прошлом. Эти мероприятия не только представляют материал для исторических исследований, в том смысле, что они заполняют пробелы знания, добавляя новый материал для современного этапа историописания в Косово, начавшегося после 1999 г. Они также проблематизируют и нюансируют дискуссии по истории и коллективной памяти албанской нации, а также по истории женщин, не только как представительниц албанского народа, но и в феминистском ключе. Это приводит к тому, что политическая власть, которая легитимизирует как историю, так и коллективную память, вынуждена отвечать на вызовы, которые освобождают историю и память от подчинения политикам.

Н.М. Косово должно вызывать особый интерес со стороны исследователей, занимающихся так называемой югоностальгией. Могли бы вы рассказать о специфике югоностальгии в современном Косове?

Э.К. Этот феномен не присутствует в Косово в том смысле, в каком он проявляется в других бывших республиках Югославии. Как пишут многие авторы, югоностальгия вызвана преимущественно экономическими и политическими проблемами, с которыми столкнулись бывшие

югославские республики. В Косово лишь 5% участников опроса, проводившегося международной компанией маркетинговых исследований ИПСОС (IPSOS) в рамках проекта «Стратегии символического национализма в западнобалканских государствах: намерения и результаты», выразили сожаление по поводу распада Югославии. Среди причин свою роль играют такие факторы, как поколение и класс. Бедные слои населения, в большинстве своем проживающие в сельской местности, не испытывают ностальгии по поводу Югославии. Для большинства Югославия является напоминанием о том, как им было плохо тогда и как могло быть плохо сейчас. У молодежи образы Югославии формируются на основе рассказов их родителей, и большинство этих историй повествуют не о больших жизненных успехах, а о больших трудностях, таких как преследования стремившихся обучаться на родном языке, безработица и т. д.

Тем не менее югоностальгия иногда возникает в ходе публичных дискуссий. Таков, например, был диспут деятелей искусств по поводу бывшего торгового центра Гёрмия (Gërmia), построенного в начале 1970-х²⁵. После 1999 г. в этом здании располагаются различные министерства и ведомства. Музыкантам была обещана поддержка Европейской комиссии в осуществлении проекта по переоборудованию здания в концертный зал классической музыки. Художники возражают против разрушения или модернизации здания и предлагают превратить его в му-

²⁵ См. иллюстрации Гермии: а) исходный дизайн: URL: www.ecmandryshe.org/?page=1,17,565#.X4NvApMzau4; б) современный вид: URL: zeri.info/kultura/218197/me-peticion-kundershtohet-renimi-i-ish-germise/.

зей современного искусства. В ходе этих дебатов оппоненты именовали защитников Гёрмии сторонниками югоностальгии, и это именование носило совсем не положительные коннотации.

Другим конфликтом, в ходе которого использовался термин «югоностальгирующий» (*jugonostalgjik*), были дебаты о необходимости переноса социалистического мемориала «Единство и братство» (*Bashkim Vllazërim*). Ассоциация ветеранов войны требует переместить мемориал и на его месте воздвигнуть памятник национальному герою войны 1998–1999 гг. Адему Яшари. Часть жителей Приштины, в основном гражданские активисты, возражают против этой инициативы и обосновывают свое несогласие тем, что им дороги их детские воспоминания, когда они играли по соседству с мемориалом. Этим людям также было присвоено негативно понимаемое звание югоностальгирующих. Дискуссии по этому вопросу в социальных сетях показали, что югоностальгирующими именуют выходцев из слоя албанских функционеров периода социализма, которые озабочены лишь своими личными и семейными интересами и далеки от политических задач, стоящих перед албанцами. Считается, что это те люди, которые были облагоустроены, прежде всего, в период потребительского бума 1970-х.

Н. М. Что означает политика памяти для вас как писателя, и как литература, наука и активизм соотносятся в вашей деятельности?

Э. К. В моей литературной работе женские жизни, город и семья соеди-

нены общей нитью, именуемой памятью. Я изучаю литературные нарративы, особенно принадлежащие женщинам, которые писали в период социализма и в 1990-х, таким как Фехиме Селими (*Fehime Selimi*), Шукрие Гаши (*Shukrije Gashi*), Факете Рекша (*Fakete Rexha*) и т. д. Для меня они имеют значение не только с точки зрения истории литературы Косова, но также в антропологическом и феминистском смысле. Для меня литература является местом, где работа памяти происходит через переработку личного опыта. В истории Косова опыт в значительной мере формировался под влиянием политического угнетения, войны и принуждений, ощущаемых индивидами (особенно женщинами) в тесной связи со своей национальной идентичностью. В недавнем прошлом, особенно после войны 1998–1999 гг., в Косово возникло большое число работ, основанных на воспоминаниях. Об этом, например, свидетельствует интерес людей к своему семейному прошлому, обращающихся с этой целью к изобразительным материалам. Один из методов, который я использовала при работе над докторской диссертацией, основывался на работе с фотографиями. Я просила интервьюируемых показывать свои семейные фотоальбомы. Параллельно я работала с коллекциями фотографий из Косовского управления государственных архивов. Фото из семейных альбомов и из архива рассказывают истории разного типа. В письменных материалах, как и в литературных произведениях, истории тоже рассказываются по-разному. Так, при чтении сочинений, созданных активистами подпольного движения сопротивления Косово,

особенно поколения 1980–1990-х, понимаешь, что эти произведения дают много сведений для научного исследования, особенно о включении женщин в политическую деятельность и их идеологических представлениях. Тем не менее очень трудно балансировать между наукой, литературой и активизмом. В то время как антропология предлагает писателю множество источников для творчества, для ученого возможность писать, не отрываясь, — это роскошь, которая ему не часто доступна. Разумеется — это очень субъективно. Иногда я мучаюсь тем, что три моих роли взаимно саботируют друг друга, а иногда я чувствую себя богаче благодаря их взаимодействию. Я считаю, что наука неотделима от общественного активизма, особенно тогда, когда первая служит последнему.

Н. М. Последний вопрос обусловлен тем, что это интервью будет опубликовано в русском журнале. Каков сегодня публичный дискурс по отношению к Российской Федерации?

Э. К. Россия чаще всего упоминается в политическом контексте, особенно в связи с поддержкой, которую она оказывает Сербии. Тем не менее в дискуссиях об искусстве, прежде всего о литературе, русская литература остается незаменимой, особенно для моего поколения и людей более старшего возраста. К сожалению, даже люди моего поколения гораздо лучше знают русскую литературу XIX и начала XX в., чем произведения современных авторов. Тарковский по-прежнему сохраняет первостепенное значение для местных кинематографистов. Феминистки

Косово следили за развитием дела Пусси Райот. Для немногочисленной группы местных анархистов важной точкой отсчета являются русские анархисты XIX и начала XX в. К сожалению, в период после 1999 г. мне неизвестны какие-либо инициативы по культурному обмену между нашими странами, т. к. участие косоваров в международных мероприятиях, в частности в спортивных соревнованиях, является проблематичным, в том числе, как сообщает пресса, по причине визовой политики России в отношении косоваров.

ЛИТЕРАТУРА

Введение

Baliqi 2017 — *Baliqi Bekim*. The Aftermath of War Experiences on Kosovo's Generation on the Move — Collective Memory and Ethnic Relations among Young Adults in Kosovo // *Zeitgeschichte* — Januar/Februar 2017 — 44. Jg. February 2017. P. 6–19.

Bieber 2002 — *Bieber Florian*. Nationalist Mobilization and Stories of Serb Suffering: The Kosovo Myth From 600th Anniversary to the present // *Rethinking History*. 2002. (6) 1: 95–110.

Di Lellio 2009 — *Di Lellio Anna*. The Missing Democratic Revolution and Serbia's Anti-European Choice: 1989–2008 // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2009. (22) 3: 373–384.

Ejduš, Subotić 2014 — *Ejduš Filip, Subotić Jelena*. Kosovo as Serbia's Sacred Place: Governmentality, Pastoral Power and Sacralization of Territories // G. Ognjenović and J. Jozelić (eds.) *Politicization of Religion, The Power of Symbolism: The Case of Former Yugoslavia and its Successor States*. Palgrave Macmillan. Basingstoke, 2014: 159–184.

Ingimundarson 2007 — *Ingimundarson Valur*. The Politics of Memory and the Reconstruction of Albanian National Identity

in Postwar Kosovo // History and Memory. Vol. 19, No. 1 (Spring/Summer 2007). P. 95–123.

Kočan 2019 — *Kočan Faris*. Collective Memory and an Interpretative Approach: The Struggle over Kosovo's Independence as an Ideational Background for Contemporary Serbia's Foreign Policy Choices // *Politička misao: časopis za politologiju*. 2019. Vol. 56. No. 3–4. P. 200–2017.

Miletić 2019 — *Miletić Natalija*. Kosovo: A hostage crisis. Perspectives: Southeastern 5 (2019): 3.

Tërstena et al. 2019 — *Tërstena A., Mehmeti I., Krasniqi S.* Fiscal policy and foreign trade as a determinant of economic development — focus Kosovo // *International Journal of Finance & Banking Studies* (2147-4486). 2019. 8(3), 77–87.

Zdravković-Zonta 2009 — *Zdravković-Zonta Helena*. Narratives of Victims and Villains in Kosovo // *Nationalities Papers*. 2009. 37 (5): 665–692. DOI: 10.1080/00905990903122891.

Zupančič, Pejić 2018 — *Zupančič Rok, Nina Pejić*. Limits to the European Union's Normative Power in a Post-conflict Society: EULEX and Peacebuilding in Kosovo. Springer, 2018.

Интервью

Archer 2016 — *Archer Rory*. “Kosovo” on the Rakovica shop-floor (and on getting beyond the shop-floor and into the field). Between Class and Nation. 2016. Available at: <https://yulabour.wordpress.com/author/roryarcher/> (27.11.2020).

Bieber 2014 — *Bieber Florian*. Monumental Exchange. My hero, your terrorist. Florian Bieber's notes from Syldavia. 2014. Available at <https://florianbieber.org/tag/world-war-one/> (27.11.2020).

Çarkagjiu 2011 — *Çarkagjiu Petrit*. Dealing with the past and Identity // Karmit Zysman and Ballsor Hoxha (eds.) Considering the Future: Perspectives on Dealing with the Past in Kosovo. Prishtina: Forum ZFD, 2011.

Ellis 2003 — *Ellis Burcu Akan*. Shadow genealogies // Memory and identity among urban Muslims in Macedonia. Boulder, CO, New York: East European Monographs, 2003.

Erlich 1966 — *Erlich Vera*. Family in transition: a study of 300 Yugoslav villages. Princeton: Princeton University Press, 1966.

Erlich 1976 — *Erlich Vera*. The last big zadrugas: Albanian extended families in the Kosovo Region // *Communal Families in the Balkans*. Essays by Philip E. Mosely and in his Honor. 1976: 244–251.

Farnsworth 2008 — *Farnsworth Nicole*. History is herstory too. The History of Women in Civil Society in Kosovo 1980–2004. Prishtinë: Kosovar Gender Study Centre, 2008.

Gusia 2016 — *Gusia Linda*. Gjinia, Reprezentimi dhe Sfera Publike. Prishtina: PhD Dissertation, University of Prishtina “Hasan Prishtina”, 2016.

Hockenos 2003 — *Hockenos Paul*. Homeland calling: Exile patriotism & the Balkan wars. Cornell University Press, 2003.

Horvat 1970 — *Horvat Branko*. Privredni sistem i ekonomska politika Jugoslavije: problemi, teorije, ostvarenja, propusti. Belgrade: Institut ekonomskih nauka, 1970.

Horvat 1989 — *Horvat Branko*. Kosovsko Pitanje. Zagreb: Globus, 1989.

Jović 2009 — *Jović Dejan*. Yugoslavia: a state that withered away. Purdue University Press, 2009.

Kaser 1994 — *Kaser Karl*. The Balkan joint family household: seeking its origins // *Continuity and Change*. 1994. 9, no. 1: 45–68.

Krasniqi 1979 — *Krasniqi Mark*. Gjurmë e Gjurmime: studime etnografike [Traces and Tracing: ethnographic studies]. Prishtina: Instituti Albanologjik, 1979.

Krasniqi et al. 2016 — *Krasniqi et al.* Kujtesa Kolektive: Dëshmi dhe Ngjarje 1944–1966 [Collective Memory: Testimonies and Events]. Prishtinë: Instituti Albanologjik, 2016.

Magas 1993 — *Magas Branka*. The destruction of Yugoslavia: Tracking the break-up 1980–92. London: Verso, 1993.

Malcolm 1998 — *Malcolm Noel*. Kosovo: A short history. London: Papermac and University Press New York, 1998.

Maxharri 1985 — *Maxharri Binak*. Ekonomia e Kosovës në periudhën e ndërtimit socialist [Kosovo's economy in the period of socialist development]. Kosova Kosovo. 13/14, 3–6. Prishtinë: Instituti i Historisë së Kosovës, 1985.

Mertus 1999 — *Mertus Julie*. Kosovo: How myths and truths started a war. Berkeley: University of California Press, 1999.

Novosella 2008 — *Novosella Selatin*. Demonstrata e gjashtëdhjetetës [Demonstrations of sixtyeight], Vol. 2 Dokumente. Prishtinë: Shoqata e të burgosurve politikë të Kosovës. 2008.

Pezo 2018 — *Pezo Edvin*. Emigration and Policy in Yugoslavia: Dynamics and Constraints within the Process of Muslim Emigration to Turkey during the 1950s // European History Quarterly. 2018. 48, no 2: 283–313.

Pula 2004 — *Pula Besnik*. The emergence of the Kosovo “parallel state”, 1988–1992 // Nationalities Papers. 2004. 32, no. 4: 797–826.

Ramet 2006 — *Ramet Sabrina P*. The three Yugoslavias: state-building and legitimation, 1918–2005. Indianapolis: Indiana University Press, 2006.

Richmond 1988 — *Richmond Anthony H*. Sociological Theories of International Migration: The Case of Refugees // Current Sociology. 36, no 2, 7–25. Immigration and ethnic conflict. New York, London: Springer, 1988.

Rrapi 1995 — *Rrapi Gjergj*. Savremene albanske zadružne porodice na Kosovu. Beograd: Inst. za Sociološka Istraživanja Filozofskog Fak. u Beogradu, 1995.

Schmitt 2012 — *Schmitt Oliver Jens*. Kosova: Histori e shkurtë e një treve qëndrore ballkanike. Prishtinë: Koha. Die Albaner: Eine Geschichte zwischen Orient und Okzident. Vol. 6031. Munich: CH Beck, [2008] 2012.

Ströhle 2016 — *Ströhle Isabel*. The creation of a rural underclass in Yugoslav Kosovo1 // Social inequalities and discontent in Yugoslav socialism. 2016: 112.

Weller 2009 — *Weller Nora*. The uneven commemorative landscapes of Kosovo // Prishtina Insights. 02.12.2019. Available it: https://prishtinainsight.com/the-uneven-commemorative-landscape-of-kosovo/?fbclid=IwAR0QiI4gJruyhi20Y4O_mffLRx5SDkW7PAS01CL9y-5w3agVMPqXOBEEDU0E.

“KOSOVAR ALBANIAN HISTORIOGRAPHY REFLECTS A LONG HISTORY OF OPPRESSION, WHICH CONDITIONED THIS FOCUS ON POLITICAL NARRATIVES”.

Interview with Dr. Elife Krasniqi

Krasniqi Elife — Dr., University of Graz (Austria)

Key words: Kosovo, memory politics, gender studies, divided societies, myth-building.

Abstract. In Kosovo, the youngest (post-)Yugoslav state, the struggle over heritage, memory, and visions of the future is often simplified into the byproduct of centuries of conflict between the Serbian and Albanian communities and the legacy of the Kosovo war of 1998–1999. However, divergent narratives thrive in each of these communities too, reflecting the complexities of local history

and historiography, and complicating the reconciliation process. In the following interview, anthropologist Dr Elife Krasniqi discusses the current debates on Albanian collective memory, identity, and history in Kosovo with a special focus on the potentialities of re-assessing the history and memory of Kosovo within the frameworks of anthropology, gender studies, and oral history.

7. СЕВЕРНАЯ МАКЕДОНИЯ.

«ПРАКТИКИ ПРЕДЧУВСТВУЮЩЕЙ ПАМЯТИ МОГУТ СТАТЬ МОЩНЫМ ОРУЖИЕМ В БОРЬБЕ С СОВРЕМЕННЫМ КАПИТАЛИЗМОМ».

Интервью с С. Анастасовой

Ключевые слова: политика памяти, политическая философия, имагология (изучение образа «другого»), югостальгия, социалистическая феминизация труда, популярная культура, искусство.

Аннотация. В очередной раз столкнувшись с вето, наложенным, на этот раз Болгарией, на вступление в ЕС, Северная Македония ощущает себя местом столкновения различных внешних и внутренних политических сил, обусловленных различными политиками памяти. Профессор Сенка Анастасова размышляет об отношениях между историей, историографией и, используя ее термин, нарративными идентичности и том, как они преломляются в политике памяти. Особое внимание она уделяет ландшафту памяти Северной Македонии в контексте давления, которое в процессе вступления этой страны в Европейский союз оказывают члены ЕС Греция и Болгария. Отмечая важное место югостальгии, а также наследия гендерной политики периода социалистической Югославии, Анастасова демонстрирует разнообразные стратегии политики памяти, используемые местными политическими элитами, и показывает, как они влияют на сближение и разделение двух крупнейших общин страны — македонской и албанской. Ее анализ проекта Скопье 2014, который является одним из показательных ревизионистских проектов, осуществляемых политическими элитами, дает нам представление о напряженной войне памяти, которая ведется внутри и извне Северной Македонии.

DOI 10.31754/2409-6105-2020-4-186-209

Северная Македония самым непосредственным образом страдает от политики памяти и уже долгое время борется за признание своей идентичности. Несмотря на то, что страна

является кандидатом на вступление в ЕС с 2005 г., она не раз встречалась с препятствиями на этом пути, порожденными спорами по поводу идентичности и исторического прошлого

© Историческая Экспертиза, 2020

Сенка Анастасова — профессор философии, приглашенный научный сотрудник Исследовательской группы имени Беатрис Байн Департамента гендерных и женских исследований Калифорнийского университета в Беркли (США)

го. В 2008 г. Греция наложила вето на заявку Македонии о вступлении в НАТО и в 2009 г. заблокировала начало переговоров о вступлении в ЕС, апеллируя в обоих случаях к названию страны, которое сходно с названием одной из греческих провинций. В 2018 г. правительство Зорана Заева урегулировало этот спор. Страна, которая прежде официально именовалась Бывшая Югославская Республика Македония, была переименована в Северную Македонию, а главный аэропорт страны утратил имя Александра Великого и вернул давнее наименование Международный аэропорт Скопье.

Однако на этом борьба Македонии за международное признание своей идентичности не закончилась. Со всем недавно, в ноябре 2020 г. Болгария заблокировала процесс вхождения Северной Македонии в ЕС на том основании, что не признает существования македонского этноса и языка (Crowther 2017). Министр иностранных дел Болгарии Екатерина Захарьева заявила, что к этому вопросу можно будет вернуться только после того, как две стороны «проведут дискуссии по поводу истории и языка»¹. В Болгарии принято считать, что Македония — это не более чем изобретение социалистического режима Югославии, которое подпитывает националистическую ревизию истории со стороны постсоциалистических македонских режимов. Так, премьер-министр Болгарии

Бойко Борисов недавно заявил, что необходимо отметить 150-ю годовщину революционера Георгия (Гоце) Делчева², который, по мнению премьера, является «общим героем» Болгарии и Северной Македонии (N. A. 2021).

На Балканах этнонациональные идентичности в том смысле, в котором они понимаются в современном научном и публичном дискурсе, стали внедряться в массовое сознание только в начале XX в. Скорее этнические наименования соседствовали с религиозными, классовыми, сословными и профессиональными идентичностями (Detrez 2015). Территория нынешней Северной Македонии до 1913 г. входила в состав Османской империи. Здесь в непрерывно изменяющейся пропорции существовали общины греков, болгар и македонцев, к которым прилагались разные этнонимы, в большей мере основанные на религиозной принадлежности. Поэтому попытки создать образы стабильных на протяжении веков этнонациональных идентичностей вступают в противоречие с историческими обстоятельствами. Единственно для чего они пригодны — для современных упражнений в нацистроительстве.

Территория нынешней Северной Македонии была аннексирована Королевством сербов, хорватов и словенцев в 1919 г. В 1945 г. Македония была провозглашена одной из шести

¹ Интервью имело место во второй половине 2020 г., до болгарского вето на вступление Северной Македонии в ЕС. Перед публикацией текста Анастасова сделала некоторые дополнения.

² Георгий Делчев (1872–1903) боролся против османского ига, отстаивая принцип «Македония для македонцев», который он понимал скорее в региональном, чем в этнонациональном смысле. Сегодня Делчев рассматривается как главный борец за македонскую этнонациональную идентичность.

республик социалистической Югославии. В 1991 г. в результате развала Югославии Македония стала независимой.

Битвы памяти и идентичности между македонским, греческим и болгарским дискурсами охватывают период до VI в. включительно, когда славянские племена проникли в эту часть Византийской империи (*Eminoglu, Bugrahan 2020: 211*). Политические элиты, которые ведут битвы памяти с целью повлиять на представления граждан современной Македонии, не в состоянии принять множественность изменчивых идентичностей, исторически присущих региону.

По итогам породившего множество экономических проблем переходного периода 1990-х Македония в 2001 г. столкнулась с этническим конфликтом. После шести месяцев противостояния он закончился подписанием Охридского рамочного соглашения, по которому права албанского меньшинства были расширены. Это привело к усилению этноклиентелистских тенденций в македонской политике (*Piacentini 2019: 274*). В результате в 2006 г. к власти надолго пришла Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за македонское национальное единство, националистическая партия с элементами христианской демократии, входящая в Европейскую народную партию (*Crowther 2017*).

«Социалистическое наследие усиленно выдавливалось из публичного пространства, прежние нарративы общей антифашистской борьбы были оттеснены на второй план и пере-

смотрены» (*Spaskovska 2014*). Правительство бывшего премьер-министра Николы Груевского приняло Закон о люстрациях, согласно которому «социалистический период» был расширен до 2006 г. Закон обязывает «священников, журналистов, членов неправительственных организаций, адвокатов, ученых» уведомлять о возможном сотрудничестве с секретными службами (*Piacentini 2019*). Дистанцирование от прошлого социалистической Югославии сопровождалось усилиями по консолидации македонской идентичности. Одним из правительственных мероприятий, задуманных с этой целью, стал проект архитектурной и пространственной перестройки столицы страны — Скопье.

В 2010 г. правительство Груевского в целях переучреждения македонской национальной идентичности инициировало проект Скопье 2014 по полной перестройке столицы со всеми признаками мегаломании. На центральной площади Скопье была сооружена гигантская (22 метра высотой) статуя Александра Великого. План включал строительство новых сооружений: филармонии, национального театра, трех правительственных зданий, бизнес-центра, церкви, трех музеев, двух гостиниц, триумфальной арки, двух мостов и более двадцати бронзовых и мраморных скульптур исторических деятелей (*Graan 2013*). Все это было спроектировано в стилях барокко и неоклассики ради того, чтобы затмить социалистическое наследие и архитектуру эпохи османского владычества. Целью было сотворить «европейскую» столицу путем придания ей «античного» и исключи-

тельно моноэтнического облика (Ibid.: 169–170). Эта попытка переизобрести культурное наследие и переучредить национальную идентичность (Janev 2015) преследовала цели десманизации и деюгославизации прошлого, а также усиления македонского моноэтнического нарратива, восходящего к незапамятным временам. Проект вызвал многочисленные протесты общественности, архитектурных и научных кругов и простых граждан. С другой стороны, значительная албанская община также консолидировалась в националистическом порыве, и в результате в одном из районов Скопье в 2007 г. был установлен памятник албанскому национальному герою Скандербегу. Антинационалистические чувства населения с особой силой проявились в ходе антиправительственных протестов 2016 г., когда памятники и фасады зданий, воздвигнутых в рамках проекта Скопье 2014, были измазаны краской (Janev 2017: 165).

Вскоре после того, как проект Скопье 2014 изменил имидж столицы и ее нарратив памяти, последовал политический кризис, включая скандал с прослушкой телефонов, который сильно скомпрометировал правительство Груевского. Кульминацией протестов стала так называемая Красочная революция 2016 г. Переговоры политических сил привели к выборам 2016 г., приведшим к формированию нового коалиционного правительства Социал-демократической партии Македонии и Демократического союза за интеграцию во главе с премьер-министром Зораном Заевым. Его усилия позволили разрешить конфликт с Грецией по поводу наименования страны.

Но тут Болгария вновь поставила процесс интеграции Северной Македонии в ЕС под угрозу. Начиная с 2018 г. правительство демонтировало памятники, установленные в рамках проекта Скопье 2014, что явилось новым поворотом политики памяти в стране. Поскольку Болгария зашла столь далеко, что требует изменить македонские учебники истории, то политика памяти до сих пор является повседневной реальностью Северной Македонии.

В своем интервью профессор Сенка Анастасова предлагает философское видение происхождения и последствий проблем, обозначенных выше. Она является профессором философии и эстетики в Университете Св. Кирилла и Мефодия и исследует философские проблемы феминизма. Анастасова — один из редакторов Международного журнала философии феминизма «Ипатия» (Hapatia) и автор книг «Наративни идентитети: Криста Вольф и Дубравка Угрешиќ» (Нарративные идентичности и политические концепции: Криста Вольф и Дубравка Угрешич). Темплум, Скопје, 2007 и «Современа популарна култура: теорија, културни студии, женска популарна култура» (Теория популярной культуры: теория, исследования культуры, женская популярная культура). Центрифуга, Скопје, 2012. Она руководила многими исследовательскими проектами, относящимися к политическим наукам, проблемам женского труда, марксистским подходам к феминизму, постколониальной критике и феминистской политической теории. Основала и возглавляет Феминистский исследовательский центр в Скопье, в котором ведется

работа над концепциями демократии, популизма, социализма, сопротивления, субкультур, исследований культуры, современной экономики, заботы о женщинах, интерсекционального феминизма (изучение проблем политического и социального угнетения женщин не только по гендерному принципу, но и по признакам нации, расы, религии и т. д.). Анастасова была приглашенным сотрудником Департамента политических, гуманитарных наук и искусствования в Университете

Аристотеля (Фессалоники, Греция). Она читала лекции в университетах, музеях и культурных центрах по всему миру: в Варшаве, Праге, Белграде, Берлине, Сиднее, Гааге, Амстердаме, Женеве, Севилье, Хельсинки, Монсе, Атланте, Париже. С 2019 г. Анастасова занимает должность делегированного исследователя социальных проблем здоровья в Национальном институте здоровья (Бетесда, Мэриленд, США). Сейчас она пишет новую теоретическую книгу в Калифорнийском университете в Беркли.

Вопросы, резюме и введение Милицы Попович. Вена — Сан-Франциско. 29.12.2020.

Посвящаю это интервью моей тетушке Ники из Загреба. Я не видела ее уже более 10 лет. В эпоху социалистической Югославии я приезжала к ней в гости на ночном поезде Скопье — Белград — Загреб. Она активно присутствует в социальных сетях и будет счастлива читать это.

Сенка Анастасова

М. П. В числе ваших научных интересов находятся нарративные идентичности и отношения между нарративами и историей. Ваша книга «Нарративные идентичности и политические концепции: Криста Вольф и Дубравка Угрешич» (2007) посвящена отношениям между текстом и культурой. Вы рассматриваете, каким образом индивидуальные и коллективные идентичности представлены в публичном дискурсе и эстетических практиках и, в более широком смысле, их взаимодействие с историей и политической памяти. Как господствующие нарративы, производимые политическими элитами Северной Маке-

донии, влияют на политику национального строительства, в том числе на недавнее изменение официального названия страны?

С. А. Я родилась и выросла в СФРЮ. Ребенком, до тех пор пока в 1990 г. не началась война, я жила между Скопье, Загребом и Любляной. После распада Югославии все изменилось. Длительное время я не могла навещать своих родственников, проживающих в Загребе. Позже я в своих исследованиях сосредоточилась на этом историческом периоде и занялась разработкой теоретических понятий, преследуя цель понять, почему вымер этот мамонт. Я рассматриваю дискуссии по поводу исторической методологии как эпистемологическую критику, как «эпистемокритический пролог» по разработке теоретических понятий, способных дать нам нечто большее, чем просто новое прочтение прошлого с точки зрения исторической науки. В данном случае мой дискурс основан не на диахронии, а на синхрон-

ном аспекте осмысления прошлого. Когда вы рассуждаете о нарративах, идентичности и истории, то основываетесь на диалектическом методе Гегеля, согласно которому настоящее и прошлое находятся в диалектических отношениях, когда они постоянно взаимно влияют и формируют друг друга. Понятие «история» означает событие, которое реально произошло, и историография (*récit historique*) является текстом, в котором эта реальность материализована. История является двусмысленным понятием, в котором соединены объективная и субъективная стороны повествования, и одновременно обозначает как *historia rerum gestarum* (история как наука) и *res gestae* (история в смысле совокупности событий прошлого), это значит, что историческое повествование о событиях возникает *уже в тот момент, когда эти события происходят*.

Понятие «нарративной идентичности» подразумевает философское осмысление нацистроительства через нарратив, память и язык, которое начинается с теории и потом продолжается на практике. Я разработала эту концепцию в книге «Нарративные идентичности», в которой рассматриваю понятие нации с «авторской» (auctorial) позиции повествования. При этом рассказчик помещается в историю, которая понимается как явление не только «объективного», но и одновременно «личного» характера. Различие между этими сторонами истории объясняется спецификой пересказывания прошлого, присущего памяти. Каждая нация является конструктом истории. Каждая нация имеет возможность растянуть общепринятое

понятие нации и ее определение. Расширение практик памяти нации зависит от того, что понимается под исторической травмой, культурной политикой и культурными нормами. Кто-то представляет смысл истории через то, как она выражается средствами языка. Жак Деррида доказывает, что полнота смысла возникает из способности языка различать значения и бесконечно откладывать на будущее исчерпывающее определение этих значений. Для выражения этой двойственности Деррида изобрел неологизм *différance*, чтобы выразить природу языка как системы различий (*difference*) и бесконечной отсрочки (*deferral*) полного понимания явлений реальности. Понимая это, мы сможем понять память культурной традиции в жестком контексте месторасположения (*geolocation*) артефактов, материализованных в дискурсе и практике, из которых возникает сюжет «пессы» для каждой нации, который потом реализуется на практике. Следовательно, рассказы о памяти нации дают понимание о том объяснительном потенциале, который заложен в той или иной политике памяти. Это своеобразный механизм амортизации жесткого отрицания нарративов памяти со стороны истории и встраивания их в историографию.

В македонском контексте это был процесс идеологической трансформации и отказа от социалистического понятия «юг», которое обозначало сущностное единство народов Югославии, несмотря на различия в культуре, историческом опыте и движении в направлении современного контекста памяти. Если, согласно Бенедикту Андерсону, каждая

нация является воображаемым сообществом, то чувство национальной идентичности доступно каждому. Парадоксальным образом, пишет Андерсон, национальная идентичность задумывалась как глубокое чувство «горизонтального» братства всех членов нации (*Anderson 1983*). Элиты, формирующие нацию, обязаны постоянно утверждать, что их нация — это не конструкт, а, напротив, выражение уже существующего единства ее граждан. Строительство нации происходит с помощью практик общей коллективной памяти, которая создает идеологическую основу национального единства. Память учреждает демократию не только когда создает новую нацию, но и когда разрушает старую, воспринимаемую в качестве «тюрьмы народов». Вальтер Бенжамин в «Тезисах о философии истории» утверждает, что будущее никогда не задумывается в качестве цели истории, достижение которой приводит к исполнению обещаний (*Benjamin 1999*). Он не согласен с идеей беспмятного субъекта, воплощающего будущее, т.е. с полным противопоставлением прошлого будущему, с приостановкой прошлого, чтобы сохранить его обещания и возможности. Необходима тщательная проработка существенной связи между двумя подходами: тем, который отказывается понимать будущее как цель истории, и тем, который «спасает» память и обещания, унаследованные из прошлого. Политическое господство приводит к производству националистических реакций, которые откровенно демонстрируются авторитарными режимами. В этом смысле данная теория позволяет считать, что «имя» не тождественно «идентичности»,

что значение не ограничено знаком, значение невозможно сковать цепями языка.

Республика Македония провозгласила независимость от Югославии 8 сентября 1991 г. В 1993 г. страна по предписанию ООН была названа Бывшей Югославской Республикой Македонией по причине возражений Греции, которые были сняты только в 2019 г. В политическом дискурсе название Бывшая Югославская Республика Македония рассматривалось как временное, имевшее целью нормализовать отношения с Грецией и создать условия для переговоров по поводу названия под наблюдением ООН. В принятом в то время названии была отсылка к югославскому прошлому как исходной точке (все еще) бесконечного процесса движения в сторону ЕС. Вдохновляющий поначалу процесс европейской интеграции обернулся страшной сказкой о бессмысленной агонии страны, которая в числе первых постъюгославских стран (2001) была приглашена подписать Соглашение о стабилизации и ассоциации с ЕС. В настоящий момент страна затерялась в «приемной» ЕС среди Сербии, Албании и Боснии и Герцеговины. Страна изменила название на Северную Македонию в соответствии с соглашением, заключенным на озере Преспа в июне 2018 г. После его ратификации парламентами Греции и Македонии в конце 2018 г. оно вступил в силу в феврале 2019 г. Греческий парламент не только ратифицировал договор с Македонией по поводу переименования, но и протокол об ее вступлении в НАТО. Официально наша страна называется Северной Македонией с 12 февра-

ля 2019 г. Изменение названия было условием запуска процесса вступления в ЕС.

Я говорю с точки зрения политического философа, поскольку не являюсь историком. Под термином «политический» я понимаю постоянные взаимодействия между философскими понятиями и политическими событиями, которые время от времени нуждаются в подрывных концептуальных изобретениях, способных влиять на современные процессы политического урегулирования. Перемена названия с Македонии на Северную Македония явилась хирургическим актом, который показывает, что процесс идентификации зависит от исключения различий из практики и, к сожалению, от иерархической оппозиции при принятии решений. Изменение названия, принятое политическими элитами, стало успешным для македонцев завершением мучительного диспута с Грецией по этому вопросу. Но вместе с тем у многих македонцев такое переименование вызвало неприятные чувства (Ngai 2005). Они особенно усилились в связи с блокадой вступления нашей страны в ЕС, предпринятой Болгарией в конце 2020 г. Это случилось после долгих лет пребывания в «подвешенном» состоянии у входа в ЕС. Поскольку существуют условия для «вычисления», сколь вероятны те или иные исторические возможности, я рассматриваю интерпретации политики памяти как прямую задачу политической философии. Она не совпадает с политической теорией и политическим комментированием, но является способом соотнесения интерпретаций, предлагаемых властью, с интерпре-

тациями других общественных сил. Македонский случай показывает, что изменение названия страны случилось только ради практики предвосхищения, имеющей целью вступление в ЕС. Это значит, что данное решение не может рассматриваться вне политического контекста драмы настоящего.

М. П. Каким образом политика памяти Северной Македонии обусловлена ее периферийным положением, а также политикой памяти ЕС? Как вы оцениваете вето на вступление вашей страны в ЕС, наложенное Болгарией?

С. А. В македонском контексте политический дискурс ревизионизма реализуется с помощью переходных практик, направленных на вхождение в ЕС, действие которых можно сравнить с палимпсестом. Эти практики демонстрируют те же неявные процессы обращения с наследием прошлого, которые присущи Греции, Болгарии, Албании, Сербии и другим странам, относящимся к дикой «серой зоне» глобального капитализма. Здесь существуют напряженные отношения между памятью как различающей силой и памятью как сущностью, обладающей способностью не только к интеграции, но и к предвосхищению будущего. Греческое вето на название «Македония» длилось много лет. В октябре 2019 г. Франция наложила вето на вступление Северной Македонии в ЕС, поскольку, по мнению Франсуа Макрона, сейчас не время для расширения Евросоюза. В ноябре 2020 г. Болгария заблокировала процесс переговоров по интеграции Македонии в ЕС, поставив под вопрос македонскую

нацию, ее идентичность, язык и историю. Болгария потребовала обсуждения этих вопросов как условия для возобновления процесса интеграции.

ЕС имеет возможность «исключить» вопросы двухсторонних отношений соседних стран из своей повестки, указав, что эти вопросы можно будет обсудить в будущем, и продолжить процесс приема Северной Македонии в свою организацию. Вопреки этому я вижу, что в данный момент ЕС молча демонстрирует нам свою силу. Создается впечатление, что мы находимся на открытом показе порнофильма. Они требуют патетических речей, или Македония должна просить пощады? Или их цели принудить нацию к самоликвидации, чтобы потом пригласить на ужин? Нет, спасибо. Я рассматриваю подобный процесс «европеизации» как демонстрацию силы по отношению к «поколению переходного состояния». Болгарии с ее пустой риторикой позволено поразвлечься таким весьма непристойным образом.

Ваш вопрос требует обстоятельного ответа по поводу темной периферии Европы XXI в. Политика культурной памяти периферии оказалась способной преобразовать Европу изнутри. Согласно демократической перспективе культурные различия, которыми обладают малые страны, должны иметь право на существование в Европе. С левого фланга открывается другой взгляд на новую периферию стран Юго-Восточной Европы и других «переходных» государств. Один из вопросов, который меня особенно волнует: можно ли говорить о практиках глобальной памяти, пока мы осведомлены о том,

что постколониализм еще не стал только прошлым? Мария Тодорова в книге «Воображение Балкан» (Imagining the Balkans) рассуждает об имагологии, дисциплине, изучающей образы и память о «Другом». Вето, наложенные Францией и Болгарией, не просто являются свидетельством господства и силы Европейского союза. В понятиях символических условностей и семантики политического дискурса под этими решениями подразумевается, что Македония «не готова», как прямо заявила министр иностранных дел Болгарии Екатерина Захарьева. В контексте практик памяти сам процесс «европеизации» подразумевает существенное отличие от европейской «семьи народов». ЕС должен найти более прагматические способы интеграции «остатков» Юго-Восточной Европы с ее периферийными памятьми и периферийным положением этих памятей: места, где прошлое находится в настоящем, пространства, где прошлый опыт и еще-не-наступившее и еще-не-испытанное будущее вступают во взаимодействие друг с другом. Бесконечное подвешенное состояние Македонии хуже, чем ее «колонизация». Когда ЕС смотрит на некоторые части Европы «балканизированным» взглядом, создается впечатление, что они населены нижестоящими существами и что, следовательно, не все европейцы равны, одни более европейцы, в сравнении с другими. Эдвард Саид говорит, что быть колонизированным это значит быть сильно ниже во многих отношениях во времени и в пространстве.

С помощью болгарского вето Европа говорит без слов о своем господстве.

Это господство проявляется даже в требованиях сменить церковный календарь с юлианского на григорианский, как это сделали Греция, Румыния и Болгария. Для большинства македонских православных этот вопрос остается весьма чувствительным. Все это происходит в контексте стратегий демократизации с намерением создать однородных «европейских» граждан. В память закладывается запрос на унификацию. Другими словами, унификация влияет на производство памяти на разных уровнях, и глобальная арена в этом смысле не является единственной. С помощью риторики болгарского вето ЕС настаивает на формировании и преобразовании всех местных национальных памятней в соответствии с вызовами однородного «европейского» гражданина и колонизации культур памяти и политик памяти. Что следует делать в этой ситуации? Является ли официальным требованием ЕС, чтобы все различия (язык, культура, история, нация) будущих членов ЕС были «унифицированными»? Если это так, то Македония должна перестать слушать европейскую сказку и пытаться найти другие альтернативные пути развития.

М. П. Какие мифы основания играют основную роль в господствующих нарративах памяти Северной Македонии? Подхватываются ли эти мифологии популярной культурой, и каким образом они воплощаются? Установка памятников в рамках проекта Скопье 2014 может рассматриваться как главный пример конструирования наследия в Северной Македонии. Чтобы вы могли сказать по этому поводу?

С. А. Переход, который пережили бывшие республики Югославии, осуществлялся на основе идеологических парадигм и политических практик, которые в случае Македонии привели к созданию серых зон капиталистической экономики и этнонационализма, включая патриархальные практики, ксенофобию, национализм и традиционализм. Господствующие нарративы воссозданного исторического наследия были особенно заметны в 2006–2016 гг., когда премьер-министр Никола Груевский установил авторитарный режим, в рамках которого поощрялись оголтелый ревизионизм и антикоммунистические интерпретации прошлого, переписывание истории вплоть до древнейших времен.

Ревизия истории, предпринятая правительством Груевского, стартовала с признания античности в качестве исходной точки нашего культурного наследия. Из-за этого обострился и вышел на дипломатический уровень конфликт с Грецией. Проект Скопье 2014, приведший к массовому строительству памятников, административных зданий, исторических музеев, придал столице страны сходство с Диснейлендом. Это был, согласно терминологии Бодриара (*Baudrillard* 1981), поп-проект по созданию симуляционной гиперреальности, которая должна была стимулировать построение македонского национализма. Происходила семантическая «диснеефикация» Скопье, в котором до этого преобладала архитектура брутального модерна (вроде здания Главпочтамта архитектора Янко Константинова), созданного за годы коммунистического периода. Диснейленд здесь представлен как воображаемый,

Главпочтамт. Скопье. Автор фотографии: Сенка Анастасова

Центральная площадь. Скопье. 2014. Источник фотоматериала: foto Flickr: «Skorje, Macedonia»

чтобы заставить нас поверить, что все остальное реально, тогда как весь Лос-Анджелес и Америка, которые его окружают, больше не реальны, но принадлежат к гиперреальному порядку и порядку симуляции, ассоциированному в нашем случае с ан-

тичной Македонией. Благодаря ассоциациям с античным Македонским царством Скопье 2014 стал проектом пустых значений и пустых идентификаций в полном соответствии с теорией шизоанализа Жюль Делеза и Феликса Гваттари, которая вносит

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

поправки в концепцию Фрейда по поводу либидо, основанного на травме времен античности. Реализация проекта Скопье 2014 никак не цивилизовала травматический опыт, напротив, только привела к искажению представлений об античности. Согласно прочтению Фрейда, предпринятому Делезом и Гваттари, то, что раньше репрессировалось сознанием, сейчас выступает наружу в виде массовой визуализации (*Deleuze, Guattari 1994*). Согласно терминологии Фрейда, это происходит там, где имеет место деятельность бессознательного, где производится идеология и где регулирование экономики сексуальных влечений сказывается на людях в виде тенденций фашистского характера. Этот запретительный набор практик травматической памяти действует на воображаемом и символическом уровнях. Славой Жижек установил это в своих размышлениях об идеологической гегемонии: это не случай особого содержания, прямо ощущающего свою пустоту, а, скорее, сама форма идеологической универсальности, которая свидетельствует о борьбе между (по крайней мере) двумя частными содержаниями: «популярным» содержанием, выражающим тайные стремления угнетаемого большинства, и конкретным содержанием, выражающим силы господства (*Žižek 1989*). Все формы фашистского, империалистического и диктаторского мистицизма могут быть выведены из искажающей перспективы, порожденной патриархальной и авторитарной формами государственной организации.

Проект Скопье 2014 свидетельствует о кризисе идентичности и также о кризисе интерпретации идентично-

сти. Этот проект исходил из принципа сведения к абсурду, где лозунг «организации» общества «нарциссическим» (авторитарным) лидером имел именно тот характер, который придается ему в либидозной экономике значений Фрейда. Античность никогда не занимала первостепенное значение в македонской истории. Македонцы являются славянским народом, что выражается в языке, культуре и православной религии. Процесс внедрения античности в коллективную память начался с переименования улиц и возведения гигантского памятника Александру Великому в центре Скопье. Таким образом, используя терминологию Лакана, объекту было придано достоинство Вещи. Следовательно, объект гегемонистских инвестиций — это просто имя, которое ценится в пределах определенного исторического горизонта; это политически мотивированный подход. Это был проект правых и националистических партий по достижению националистической однородности. Вместо того, чтобы найти решение «кризиса идентичности» с Грецией, эти силы «назло» грекам возвели национальную идентичность к античной эпохе, что привело к охлаждению отношений двух соседних стран.

В рамках проекта Скопье 2014 были также демонтированы некоторые памятники социалистического периода. Один из этих памятников «Обелиск», который более сорока лет являлся символом памяти о нацистской оккупации, был заменен памятником отцу Александра Македонского Филиппу и его семье. Эта смена памятников никак не объяснялась общественности. Официально это было вызвано необходимостью

реконструировать центр города. Реально правительство Груевского стремилось нажиться на дополнительных строительных работах. Недавно левое правительство приняло решение разрушить памятники, возведенные в рамках проекта Скопье 2014. Перед нами новый виток политики по стиранию прошлого, бессмысленной трате общественных средств, но уже на основе новой идеологии.

Не бывает гегемонии без конструирования популярной (великой) идентичности вне многообразного комплекса отношений, который бы объяснял, почему низы должны подчиняться верхам. Гегемония это просто придание позитивного смысла ситуации, ощущаемой как «неполноценное существование». В терминологии Лакана логика *objet petit a* (пустого обозначающего) и логика гегемонии не просто сходны, но идентичны. В политической философии существуют попытки противопоставить революцию и реформирование, но от представителей этой линии мышления ускользает альтернативная логика *objet petit a* — так сказать, возможность, которая может стать невозможной тотальностью (другими словами, гегемонией). Представитель марксистской традиции Грамши представлял гегемонию как решающий эпистемологический разрыв. Единственно возможный горизонт тотальности задается гегемонистской силой, которая разыгрывает представление мифической тотальности. Как объясняет Эрнесто Лакло в своей книге «О популистском разуме», популярный символ или идентичность (выраженная как античность в случае

Македонии), будучи поверхностью надписи, не пассивно выражает то, что в нее вписано, а фактически составляет то, что она выражает через сам процесс его выражения (*Laclau* 2005). Другими словами, выражение «единства нации» через античность и памятники — решающий момент в установлении этого единства; через процесс добавления античности в переплетение исторических слоев, прежде существовавших в коллективной памяти.

М. П. Как ваши исследования и преподавательская деятельность вступают в диалог с памятью о социалистической Югославии, прежде всего в области гендерной политики и в отношении к женскому вопросу?

С. А. Недавно мне довелось участвовать в обсуждении третьего тома серии «Интеллектуальные горизонты двадцатого века» издательства Рутледж под названием «Учебная книга по истории Центральной и Восточной Европы» (*The Routledge History Handbook of Central and Eastern Europe in the 20th Century, Vol. 3 (Intellectual Horizons of the 20th Century)*). Во время дискуссии с американским исследователем Холли Кейс (*Holly Case*), которая специализируется на взаимосвязи внешней и социальной политики в Европе XX в., мы обсуждали затронутые вами вопросы. В попытке преодолеть травматичную историю постъюгославские страны создают гиперполитизированную память. Формирование коллективной памяти нации зависит от того, с какой точки зрения мы рассказываем об интеллектуальной истории, гегемонии, маргинальных и господствующих

культурах. По моему мнению, дискуссии о ревизионистской политике по поводу культурной памяти требуют признать существование подавленных памятей и рассматривать их отношение к политическим и экономическим силам государственной гегемонии. В Югославии социалистическое общество исчезло в ходе приватизации общественной собственности, сопровождавшейся коррупцией, присущей дикому капитализму. В процессе дезинтеграции Югославии промышленные предприятия Македонии были закрыты и уничтожены в результате приватизации. Прежде всего, это коснулось текстильной и швейной промышленности, где преобладал женский труд. После обретения независимости при правительстве Бранко Црвенковского (1992–1998) средний класс в стране практически исчез. Приватизация в Македонии носила едва ли не наиболее разрушительный характер в сравнении с другими странами Центральной и Восточной Европы.

В апреле 1949 г. представители 12 стран собрались в Вашингтоне, чтобы создать блок НАТО. Одной из задач блока было противодействовать коммунистической угрозе и остановить распространение коммунизма в Европе. Термин «Восточная Европа» использовался тогда как эвфемизм реального социализма. Под реальным социализмом советские и другие восточноевропейские теоретики вначале понимали реализацию идей марксизма-ленинизма в Югославии, Китае, а также в странах третьего мира, именовавших себя «социалистическими». Существовало даже неявное различие этих социалистических стран как проти-

воядия коммунистическим (революционным) тоталитарным режимам. Построение долгосрочной гегемонии — это процесс опустошения культурных и исторических обозначений при построении исторической сингулярности доминирующего нарратива, и это структурное давление сил в обществе. Таковы исторические тенденции сегодняшнего популизма властей; с точки зрения того, чего ему не хватает: его идеологической пустоты, пустых означающих и гегемонии, его антиинтеллектуализма, преходящего характера и обобщенной риторики. Официальная политика в бывшей Югославии была основана на «интернационализме», т.е. дружеских отношениях с антиимпериалистическими общественными и политическими движениями, борющимися за солидарность; а также на борьбе по всему миру за социализм, самоуправление, свободу и демократию.

В университете я преподаю женские исследования и постсоциалистические феминистские теории, смещая фокус с институциональной и политической сфер ко внутренней динамике самоуправления, основанной на югославской модели 1980-х. После Второй мировой войны политические, экономические и социальные права женщин были записаны в Федеральной конституции, в том числе права женщин на образование и общественный труд. Это был процесс интеграции женщин из наиболее бедных частей Югославии, сопровождавшийся болезненной памятью о непростой женской доле, в процессе индустриализации. Балканские и постъюгославские исследования являются широким направлением

исследований, которые выходят за пределы парадигмы этнонационализма и включают литературу, музыку, память, коллективную память, популярную культуру, народную культуру, альтернативную культуру, искусство, медиа, политический активизм, культуру диссидентства, экономику, социальную организацию в бывших югославских республиках.

Современный взгляд на прошлое через призму политической и культурной памяти позволяет изучать контекст догматического социализма и социальный смысл гражданства в социалистической Югославии и в нынешних постъюгославских государствах. Социалистический извод феминистской политической теории обнаруживает память о женском труде, рассматривает устройство общества, гендерные режимы и современный переход от женского промышленного труда к работе в обслуживании и в домашней сфере. В случае Македонии насильственная приватизация привела к такому преобразованию гендерных отношений и гендерных режимов, когда женский труд переместился в сектор услуг и в сферу неоплачиваемой домашней работы (Federici 2012). Следовательно, память о практиках женского труда никогда не была статичной. В бывшей Югославии женщины и их трудовая деятельность были составной частью социально-политического устройства общественной жизни, в рамках которой они обладали равными социальными правами и были надежно защищены от проявлений гендерного неравенства. Во время Второй мировой войны они активно участвовали в войне в качестве

основной трудовой силы, а также учителей и медсестер. После освобождения от нацистов трудовая деятельность в годы войны стала образцом ударного участия в общем труде не только для македонских, но и всех югославских женщин. В октябре 1978 г. в Студенческом культурном центре Белграда проходила конференция под названием «Товарищ женщина. Женский вопрос: новый подход?» (Drug-ari-ca žena, Žensko pitanje: novi pristup?), где обсуждались вопросы неравенства и обеспечения гендерного равенства в социалистическом самоуправлении. Это было уникальное для Восточной Европы проявление второй волны движения феминизма (Bonfiglioli 2013). Балканские феминистские исследования должны заниматься изучением подобных тем истории.

Борьба за память в условиях нынешнего гендерного режима приводит к новому прочтению наследия и практик памяти, относящихся к понятию «труда» и его пониманию, как в период социализма, так и в современной Македонии. Я считаю необходимым сосредоточиться на исследовании тех аспектов теории социального производства времен социалистической Югославии, которые могут стать исходным понятием для осмысления нынешней демократии. Для этого стоит обратить внимание на социальные эффекты низкооплачиваемого труда, «женского» труда, безопасного/опасного труда, труда по гибкому графику, труда социальных работников, феминизацию труда, что подразумевает рассмотрение политических, социальных и экономических аспектов вовлечения женщин в трудовые отношения.

Следовательно, предвосхищающие аспекты практик памяти или «память пробуждения» должны стать мощным инструментом борьбы с современным капитализмом.

М. П. Как бы вы описали индивидуальные и коллективные нарративы югославской памяти применительно к сегодняшней Северной Македонии? В каком смысле и в какой степени персональная память о социалистической Югославии противоречит государственной политике памяти? Замечаете ли вы примеры того, что можно назвать югоностальгией?

С. А. Несколько лет назад я посетила Музей коммунизма в Праге. При входе на экспозицию я оказалась в почти пустой красной комнате. В углу был стол с телефоном старой модели, который, предполагалось, звонил когда-то в учреждениях коммунистической власти. Посткоммунистическая ностальгия является напоминанием о временах социализма как целостной символической системе, которая была разрушена капитализмом.

Для меня югоностальгия — это тоска по системе здравоохранения, разрушенной капитализмом, по социальному обеспечению, по высоким стандартам и ценностям образования. Людям постъюгославских стран не достает социалистического общества. Югоностальгия стала символом эпохи социализма в современной народной культуре. Сюда включаются: семейные поездки на «Фиате» или «Ладе» в Дубровник или Черногорию, братство и единство (*bratstvo i jedinstvo*), социалистическая охрана труда, оплачиваемый летний отпуск,

оплачиваемый больничный, бесплатные медобслуживание и обучение, дух товарищества, солидарность и маргинализация национализма, достойный уровень жизни, а также югославская система самоуправления как альтернатива советской модели коммунизма. Югославская система самоуправления дала рабочим право демократического контроля своих фабрик и рабочих мест. Югославская модель, сочетавшая социалистический труд и самоуправление, занимала выдающееся место во всей Восточной Европе.

Мария Годорова отмечает, что в общепринятых дискурсах ностальгия представляет анахронизм и является идеологией рабов или людей, оставленных без общественного признания (*Todorova 2009b*). Но это не относится к югоностальгии. Мы обсуждаем сейчас эту тему с американскими коллегами и приходим к выводу, что югоностальгия — это воспоминание об общественном строе, который занимает промежуточное положение между американским капитализмом и советским коммунизмом. Югоностальгия строится на памяти об югославской модели общественного благосостояния: услуги здравоохранения и права на медицинское обслуживание, включая государственную медицинскую страховку; социальное страхование и обеспечение, право на оплачиваемый отпуск, прямая связь между ростом расходов на здравоохранение и зарплатой медиков, децентрализация посредством процессов самоуправления, экономическая стабильность, участие рабочих в управлении производством, мир, отсутствие границ, путешествия без виз и т. д.

В этом интервью я ограничусь культурной памятью. Теория различает индивидуальную и коллективные памяти (Assmann 2010). В связи с этим я понимаю под культурной памятью ее экстернализацию и объективизацию в виде индивидуальных образов и других *мест памяти*. Согласно теориям политики и культуры, если образ прошлого не признается в настоящем заслуживающим внимания, он обречен исчезнуть безвозвратно. Человеческая память всегда относится ко времени и идентичности. Каждая форма памяти имеет свои специфические временные рамки. Различие между формами памяти связано с особенностями их структуры и обнаруживается прежде всего в динамике, создавая напряжения и переходы между различными точками зрения участников дискуссии. Лично мне в детстве было неприятно видеть портрет Тито над холодильником. Мне не нравилось, что он смотрел, как мы с сестрой едим клубничное мороженое. Меня также травмировала синяя школьная форма. У меня присутствовало анархическое стремление преобразовать эту скучную одежду в короткую юбку, сшить синий флаг, покрасить губы синей помадой и выкрасить волосы в синий цвет.

Современная македонская ностальгия — это социалистическая ностальгия, выражающая неприятие капитализма. Когда-то на первом свидании я подарила своему парню «Лексикон югославской мифологии» (Leksikon YU mitologije)³. Но я

не единственная, у кого был роман с коммунизмом. Автор книги «Товарищ» (Comrade) профессор и один из ведущих голосов левого крыла литературной критики Джоди Дин (Dean 2019) упоминает в разговоре по поводу книги Вивиан Горник «Романтическая история американского коммунизма» (Vivian Gornick. Romance of American Communism, first published in 1977), что американский коммунизм — это скорее «долговременное человеческое чувство», чем набор определенных принципов. Джоди Дин не согласна с Густавом Стадлером, который в своем замечательном эссе «Коммунизм чувств» (A Communism of Feelings) утверждает, что это был язык идентичности и самореализации (Stadler 2020). Почему это важно для моего понимания югоностальгии? Политическая память выражается посредством культурной памяти, но она зависит от политического контекста, который ее учреждает. Культурная память развивается как процесс взаимодействия ностальгии, общественного строя и политических действий. Югоностальгия не сводится к коммунизму, это, прежде всего, тоска по утраченной человечности. Вместе с тем югоностальгия приводит к коммерциализации югославского прошлого, путем превращения его в китч. В результате мы потребляем сакрализованное прошлое: в наших домах воскресают своего рода музеи винтажных югославских книг, виниловых пластинок, обуви, культуры повседневной жизни, памяти о социалистическом прошлом,

³ Совместный проект издательств «Постскриптум» (Загреб) и Ренде (Белград), основанный на концепции Дубравки Угрешич, Дежана Кршича (Dejan Kršić) и Ивановой Молека (Ivana Moleka), разработанной в 1989 г. Первое издание вышло в 2004 г. под редакцией Владимира Арсеньевича (Vladimir Arsenjević), Джордже Матича (Đorđe Matić) и Ирис Адрич (Iris Adrić).

о качестве жизни и солидарности. Все это пропускается через фильтры соцреализма и окрашивается в цвет сепии в современных постсоциалистических нарративах: все эти дедушкины и тетушкины «Фико» и «Юго» производства автомобильного завода «Застава», старые видео и рок-клубы, ностальгические кафе, фильмы о партизанах, футбольные клубы «Црвена звезда» и «Партизан», чтение на кириллице и латинице. Линда Хатчеон подчеркивает, что ностальгия всегда носит «трансидеологический» характер (*Hutcheon* 1988). Это то, что можно описать как тоску по «иллюзии идентичности» (*Sen* 2006).

В моей первой теоретической книге «Нарративы идентичности» я пишу о музее памяти, путешествии по социалистической повседневной жизни, воссозданном в нарративах постъюгославской писательницы Дубравки Угрешич и немецкой писательницы Кристи Вольф. Я пишу о политике памяти не как о представлении памяти, а скорее как о придании законной силы операциям с памятью, в том духе, в каком Рената Лахман читает колониальные и постколониальные дискурсы и культурные артефакты (*Lachmann* 1997). Я подчеркиваю отличие историографии от реальной истории, а также отмечаю, что прошлое, которое «не признается» настоящим, будет утрачено. Присущая памяти функция идентичности всегда подразумевает различие «наших» и «других». В этом смысле современная югостальгия представляет систему верований в определенную эпоху, т.е. разговор об этом времени через практики сохранения памяти.

Несколько недель назад в социальных сетях возник разговор об эссе А. Барича «Конец Югославии научил меня осознавать мою принадлежность» (*What the end of Yugoslavia taught me about belonging*) (*Baric* 2020), в ходе которого исполнительный директор Альянса семи немецких университетов прикладных наук (UAS7) Патриция Ноббе (*Patrizia Nobbe*) отметила, что жители Восточной Германии испытывают подобные болезненные чувства. Она права. Легко испытывать романтические чувства к государству, которое больше не существует. Пример ГДР демонстрирует микроуровень общественных отношений, на основе которых существовали подневольные «рабочие бригады» или «общественные организации», лишённые права на свободные высказывания. Современная тоталитарная риторика антикоммунизма стремится заставить людей поверить, что при социализме они жили в нищете, что указывает на противоречие между свободой и угнетением. Глобальное левое движение наших дней должно строить экономику на основе демократического социализма. Я могу привести единственный пример, где уже реализуется эта идея, это кампания американского социалистического активиста Глории Ла Рива (*Gloria La Riva*), направленная на охрану мировой периферии от давления глобального рынка, на укрепление солидарности женщин в рамках постсоциалистического гендерного режима на рынке женского труда, на борьбу с безработицей и социальной незащищенностью, на создание сильного массового левого движения. Этот широкий план требует обновления тесного сотрудничества

постъюгославских стран, не ограниченного рамками Евросоюза.

М.П. В чем, по вашему мнению, состоит специфика политики памяти Северной Македонии в сравнении с другими (пост)югославскими странами? Насколько вероятно, что албанское меньшинство Северной Македонии сумеет выработать собственные стратегии контрнарративов памяти и собственное прочтение прошлого, которые бы отражали их положение этнического меньшинства?

С.А. Я интересовалась динамикой социальной памяти. В южной части Югославии память о социализме была фрагментирована и приведена в разрозненное состояние в результате переходных процессов. В Югославии менее развитые южные республики финансировались за счет более развитых северных. Экономическая стратегия Югославии была в значительной мере основана на иностранных займах, что привело к нестабильности и росту международного давления. Это приводило к формированию двухсторонних отношений между югославскими республиками. С точки зрения политики памяти в Северной Македонии наблюдается процесс преобразования укорененной памяти о социализме в долговременную культурную память, зависящую от драматических изменений переходного периода. В своих рассуждениях о мнемоистории я должна обратиться к последнему премьер-министру Югославии Анте Марко-

вичу, чье правительство (1989–1991) отменило самоуправление. Это привело к обострению экономических проблем, что стало причиной развала Югославии. Может существовать память рискованного (precarious) существования? Мне могут возражать, что при капитализме «переход» и «стабильная занятость» являются *contradictio in adjecto* (противоречием в определении). Я уже объясняла, что памяти всегда связаны с идентичностью, что они поддерживают представление сообществ о себе самом (self-image of communities). Приспособление самоуправления к требованиям рыночных реформ и рыночной конкуренции противоречило целям и обязательствам социалистической системы. Следовательно, коллективные памяти всегда ограничены и связаны с классом. Свойства социальной памяти ограничены коллективной памятью и трудовыми отношениями⁴.

Кроме экономического и политического кризисов Северная Македония также переживает многосторонний «кризис поколения», который включает:

- споры с Грецией по поводу идентичности, связанные с «геолокацией» и символической географией;
- лингвистические и исторические споры с Болгарией;
- церковные споры с Сербией;
- этнические трения с македонскими албанцами;

⁴ Это результат высокого уровня неравенства и безработицы. В 1980-х официальная безработица варьировала от 1,5% в Словении до более 30% в Македонии. В сферах промышленности, экономики и воспроизводства Македония сталкивается с теми же проблемами, что и другие постъюгославские страны. Из «серого пошивочного цеха для нужд ЕС» Македония после кризиса

— кризис присоединения к Европейскому союзу, который является важнейшим среди перечисленных с точки зрения политической онтологии, которая позволяет описать силы и процессы современных трансформационных процессов.

В 1920-е Морис Хальбвакс указал, что историография (история) может рассматриваться как общая память человечества, которая отличается от пристрастной и ограниченной коллективной памяти отдельных групп (*Halbwachs* 1992). Позже Пьер Нора подчеркнул различие истории и памяти, которые противостоят друг другу во многих отношениях. Память создается группой в целях повысить групповую сплоченность. Поэтому число несовпадающих между собой памятей равно числу групп. Память по своей природе многообразна и при этом специфична, носит коллективный, но при этом индивидуальный характер. История, напротив, принадлежит всем и никому и поэтому носит универсальный характер (*Nora* 1996). Помня, что история носит универсальный характер, а память является «частной собственностью» группы, необходимо сказать, что отношения Македонии с Сербией ухудшились после того, как наша страна признала независимость Косова в октябре 2008 г. Но несколько месяцев спустя добрососедские отношения были восстановлены. Напряженными остаются отношения с Сербской православной церковью. С канонической точ-

ки зрения Сербская церковь должна дать разрешение на существование независимой Македонской церкви, которая неканонически отделилась в 1967 г. При встрече 9 мая 2015 г. патриарха Русской православной церкви Кирилла с президентом Македонии Георге Ивановым говорилось о необходимости найти решение этой проблемы, насчитывающей уже более чем полувекую историю, на основе положений канонического права.

Кроме того, существует вопрос самовосприятия и самоколонизации с целью продать образ экзотический и уникальный страны зарубежному потребителю, как это было сделано в македонском документальном фильме «Земля меда» (*Honeyland* 2019), выдвигавшемся на «Оскар». Образный ряд этого фильма соткан из кошмаров капитализма. Главной героине по имени Атидзе нелегко живется в родном селе, превращенном в аттракцион для туристов. Мнемоническое пространство фильма разделено между прошлым и будущим, свидетельствуя тем самым, что в социальной и культурной памяти, с одной стороны, настоящее может исчезнуть из репрессированной памяти, а с другой — проспективная, предсказывающая память о том, что мы ожидаем в будущем, может столкнуться с нашей современной культурой.

В политической теории общественное развитие рассматривается как

2008/2009 превратилась в избегаемую «черную дыру». На всем постъюгославском пространстве отмечен высокий уровень инфляции. Уровень безработицы в Хорватии 22%, в Сербии 27% и в Македонии 33%. Особенно пострадала созданная при социализме текстильная промышленность и связанная с ней промышленная инфраструктура, в результате чего пострадали в первую очередь женщины. Рабочие также пострадали в наибольшей степени от Covid-19.

долговременная работа, которая требует постоянной критики политических институтов и переосмысления процессов трансформации политической мысли. После обретения независимости в 1991 г. Македония оказалась на тот момент единственной из бывших югославских республик, не затронутых войной и боевыми столкновениями. Парадигма этноцентризма стала нашей реальностью. Албанцы, которые составляют треть населения, в результате дискриминационной политики ощущают пренебрежительное отношение к себе и албанофобию. В 2001 г., после того как полицейский застрелил албанского юношу, это этническое напряжение привело к вооруженному конфликту. Эти волнения многие поторопились назвать «отложенным маем 1968-го» (*Sadiku* 2016). Но это не привело к принципиальным изменениям внутренней политики, в которой отсутствовало связанное видение будущего и представление о достижении более высоких жизненных стандартов. После прихода к власти социал-демократов межэтнические отношения улучшились. С 2019 г. албанский язык стал вторым официальным языком страны. В терминах мнемотехнического представления нарративов за последние десять лет этнические отношения между македонцами и македонскими албанцами изменились благодаря попыткам преодолеть историческую травму. В современной политике предусмотрено достижение общих социальных целей силами всех граждан страны вне зависимости от их этнического происхождения. Так, министром иностранных дел сейчас является представитель одной из партий македонских албанцев. Разумеется, опыт

мнемоистории показывает, что надо суметь дистанцироваться от своей боли, чтобы суметь говорить о современном состоянии памяти своего сообщества с целью улучшить ее в будущем. Македонцы и македонские албанцы обладают тем, что мы можем назвать «общей географической памятью», которая структурирует сообщество памяти как целое и основана на мультикультурном фоне социальной и политической реальности. В микрополитической теории культурной памяти я буду ссылаться на Вальтера Бенжамина, который считал, что история распадается скорее на образы, чем связанные рассказы (*Benjamin* 1999). Следовательно, когда вы хотите высказаться по поводу «исторической памяти», относящейся к этнонационализму, это всегда приводит к конденсации и интенсификации образов. Исходя из политической перспективы, и я говорю это вовсе не в декларативном смысле, мы должны сосредоточиться на будущем, на правах человека, на поддержании культурных различий на микроуровне единого национального сообщества и также Евросоюза.

М. П. Следующий вопрос обусловлен тем, что ваше интервью будет опубликовано в русском журнале. Каков сегодня публичный дискурс о Российской Федерации и также об СССР? Занимает ли Сталин или другие деятели русской истории заметное место в нарративах памяти Северной Македонии?

С. А. Есть мрачная шутка. В 1933 г. некий комический актер выступал на сцене одного из берлинских кабаре. Он выбросил руку в нацистском

приветствии. Но вместо того, чтобы воскликнуть «Хайль Гитлер!», он спросил «Хайль? Как его зовут на этот раз?» и начал отпускать издевательские шуточки по поводу Национал-социалистической партии. Через несколько секунд офицеры гестапо бросились на сцену и вышвырнули его вон. Каким-то чудом он выжил в лагерях и в 1945 г. оказался на свободе. Первым делом он отправился в то самое кабаре, поднялся на сцену и снова выбросил руку в нацистском приветствии. Денацифицированная толпа ахнула в изумлении. Через несколько мгновений он разрядил напряженное ожидание зала язвительным заявлением: «Когда я сделал это в прошлый раз, я был очень грубо прерван...» (Rosen 2008). Эта шутка и городской миф по ее поводу возникли на обломках Третьего рейха. Здесь воплотился общепринятый образ современных диктаторских режимов как грубого прерывания мрачной комедии истории.

Эта история перекликается как с тиранией Сталина, так и с кошмарами оруэлловского романа «1984». Общественное устройство Югославии было близко к так называемому «демократическому социализму». Перенос из Белграда в 1948 г. главного офиса Коммунистического информбюро был связан с тем, что Тито не хотел подчиняться диктату Москвы. Тито заявлял, что внешней политике СССР недостает «демократии».

На самом деле причина конфликта состояла в том, что Сталин отказался от плана Балканской федерации (Югославия, Албания, Болгария, Румыния и, возможно, Греция), который вначале поддерживал. Кроме того, Тито был недоволен неравноправными экономическими отношениями между Югославией и СССР⁵.

В ходе этого конфликта Тито сослал в страшный лагерь Голи-Оток всех сторонников Сталина, а также македонских националистов (Koteska 2010).

На национальном уровне память о России выражается, прежде всего, в форме культурной памяти в литературе и образовании, но не в спонтанной памяти людей. Память всегда является пространством политических интерпретаций. В период правления Николы Груевского крайне правые силы тяготели к тесным дипломатическим отношениям с Россией. В настоящий момент отношения памяти между Россией и Северной Македонией либо излишне включаются, либо, напротив, полностью извлекаются из исторического контекста. В смысле политики памяти влияние России на Македонию осуществляется преимущественно через Сербскую православную церковь. С тех пор как Северная Македония ориентируется на НАТО и ЕС, стремление проводить политику открытых дверей по отношению к России отсутствует.

⁵ При Сталине СССР превратился в бюрократическую деспотию. Все ленинские проекты управления были в высшей степени централизованы, поэтому в ходе ускоренной централизации были уничтожены миллионы людей, которые мыслили несогласно линии партии. Трения между Югославией и СССР возникли сразу после того, как наша страна продемонстрировала, что она может сражаться с нацизмом, не дожидаясь, когда советская армия придет ей на помощь.

ЛИТЕРАТУРА

Anderson 1983 — *Anderson B.* Imagined Communities. London: Verso, 1983.

Assmann 2010 — *Assman A., Conrad S., Eds S.* Memory in a Global Age. Discourses, Practices, and Trajectories. London: Palgrave, 2010.

Baker C. The Yugoslav Wars of the 1990s. London: Palgrave Macmillan, 2015.

Baric 2020 — *Baric A.* What the end of Yugoslavia taught me about belonging // *Calvert Journal*. 2020. Available at <https://www.calvertjournal.com/articles/show/11883/yugoslavia-wars-belonging-personal-essay-family-croatia>.

Baudrillard 1981 — *Baudrillard J.* Critique of the Political Economy of the Sign. St Louis: Telos Press, 1981.

Benjamin 1999 — *Benjamin W.* Theses on the Philosophy of History, from Illuminations. Translated by Harry Zohn, Edited (& Introduction Hannah Arendt). New York: Schocken Books, 1999.

Bonfiglioli 2013 — *Bonfiglioli C.* Gendering Social Citizenship: Textile Workers in post Yugoslav States // *Working Paper Series*. Edinburgh: University of Edinburgh Press, 2013.

Crowther 2017 — *Crowther W.* Ethnic Condominium and Illiberalism in Macedonia // *East European Politics and Societies*. 2017. 31:4. P. 739–761.

Dean 2019 — *Dean J.* Comrade. An Essay of Political Belonging. London: Verso, 2019.

Deleuze, Guattari 1994 — *Deleuze G., Guattari F.* What is Philosophy?. Trans. Graham Burchell and Hugh Tomlinson. London and New York: Verso, 1994.

Detrez 2015 — *Detrez R.* Ethnonyms in the Pre-National Era: What's in a Name? // *Couroucli M. and Marinov T. (eds.) Balkan Heritages: Negotiating History and Culture*. London: Routledge, 2015.

Eminoglu, Bugrahan 2020 — *Eminoglu A., Bugrahan E.* Main dynamics of name dispute: Northern Macedonia and Greece //

Codrul Cosminului. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 207–224.

Federici 2012 — *Federici S.* Revolution at Point Zero: Housework, Reproduction, and Feminist Struggle. Oakland, CA: PM Press, 2012.

Graan 2013 — *Graan A.* Counterfeiting the Nation? Skopje 2014 and the Politics of Nation Branding in Macedonia // *Cultural Anthropology*. 2013. 28:1. P. 161–179.

Halbwachs 1992 — *Halbwachs M.* On Collective Memory. Chicago: Chicago University Press, 1992.

Honeyland 2019 — *Honeyland*. 2019. Directed by Tamara Kotevska, Ljubomir Stefanov.

Hutcheon 1988 — *Hutcheon L.* A Poetics of Postmodernism History, Theory, Fiction. New York: Routledge, 1988.

Janev 2015 — *Janev G.* 'Skopje 2014': Erasing Memories, Building History // *Couroucli M. and Marinov T. (eds.) Balkan Heritages: Negotiating History and Culture*. London: Routledge, 2015.

Janev 2017 — *Janev G.* Burdensome past: Challenging the socialist heritage in Macedonia // *Stud. Ethnol. Croat*. 2017. Vol. 29. P. 149–170.

Koteska 2010 — *Koteska J.* Komunistička intima. Skopje: Templum, 2010.

Lachmann 1997 — *Lachmann R.* Memory and Literature, Intertextuality in Russian modernism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.

Laclau 2005 — *Laclau E.* On Populist Reason. London, New York: Verso, 2005.

N.A. 2021 — N.A. (04 February 2021). "Borisov: Nadam se da ćemo se Makedoncima proslaviti 150 godina rođenja Delčeva". Available at: <https://rs.n1info.com/region/borisov-nadam-se-da-emo-sa-makedoncima-proslaviti-150-godina-rodjenja-delceva/>.

Ngai 2005 — *Ngai S.* Ugly Feelings. Cambridge: Harvard University Press, 2005.

Nora 1996 — *Nora P.* Realms of Memory: Rethinking the French Past. Vol. 1. Con-

flicts and Divisions. New York: Columbia University Press, 1996.

Piacentini 2019 — *Piacentini A.* Trying to Fit In: Multiethnic Parties, Ethno-Clientelism, and Power-Sharing in Bosnia and Herzegovina and Macedonia // Nationalism and Ethnic Politics. 2019. 25:3. P. 273–291.

Rosen 2008 — *Rosen Michael.* Laughter Close to Tears // BBC Radio 4, 26 Jan. 2008.

Sadiku 2016 — *Sadiku A.* “Why is History Not Repeating In Macedonia”. Kosovo 2.0. 2016. Available at <https://kosovotwopointzero.com/en/pse-nuk-po-e-per-serit-historia-veten-ne-maqedoni/>.

Sen 2006 — *Sen A.* Identity and Violence: The Illusion of Destiny. New York: W.W. Norton, 2006.

Spaskovska 2014 — *Spaskovska Lj.* From feudal socialism to feudal democracy – The trials and tribulations of the former Yugo-

slav Republic of Macedonia // Blog. Open-democracy. 2014. Available at <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/ljubica-spaskovska/from-feudal-socialism-to-feudal-democracy-trials-andtribulati>.

Stadler 2020 — *Stadler G.* A Communism of Feelings // Publicbooks.org. 2020. Available at <https://www.publicbooks.org/a-communism-of-feelings/>.

Todorova M. Imagining the Balkans. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Todorova 2009b — Todorova M. Remembering Communism, Genres of Representation. New York: Social Science Research Council, 2009.

Todorova M., Zs. Gille. Post-Communist Nostalgia. New York: Berghahn Books, 2010.

Žižek 1989 — *Žižek S.* The Sublime Object of Ideology. New York, London: Verso, 1989.

“ANTICIPATORY MEMORY PRACTICES WOULD HAVE THE POTENTIAL TO EMERGE AS A POTENT TOOL IN THE FIGHT AGAINST CAPITALISM TODAY”.

Interview with Senka Anastasova

Senka Anastasova — Prof. Dr., University Professor of Philosophy, Visiting Fellow Beatrice Bain Research Group at Gender and Women’s Studies Department, University of California Berkeley (USA)

Key words: memory politics, political philosophy, imagology, Yugonostalgia, socialist feminization of labor, popular culture, art.

Abstract. Having faced a veto by Bulgaria in its EU accession process for the third time, North Macedonia finds itself at the crossroads of various power interplays that are strongly embedded in memory politics. University Professor Dr. Senka Anastasova theorizes relations between history, historiography and narrative identities, and their ramifications in the context of memory politics. Specifically, she analyzes the memoryscape of North Macedonia, contextualizing the external pressures to North Macedonia’s EU accession process, implemented by EU member states Greece and Bulgaria. Reflecting on the importance of the socialist Yugoslav heritage of gender politics and Yugonostalgia, Anastasova outlines the numerous memory strategies used by the Macedonian political elites. In doing so, she accounts for the convergences and divergences between the two largest (Macedonian and Albanian) communities of North Macedonia. Her analysis of the project Skopje 2014, just one of the revisionist projects of the political elites, gives us an insight into the complicated memory struggles within and outside of North Macedonia.